

РОСССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

РАСУЛОВА ЗУЛФИЯ ХОЛМУРОТОВНА

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТАДЖИКСКО-
УЗБЕКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПЕРИОДА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ**

5.9.2. Литературы народов мира

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук
Холов Холмахмад Раджабович**

Душанбе – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. К истории таджикско-узбекских литературных связей	12
1.1. Роль и значение традиции двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях периода классической литературы	12
1.2. Особенности таджикско-узбекских литературных связей в контексте литературы советского периода.....	25
1.2.1. Таджикско-узбекские литературные связи советского периода в высказываниях писателей Таджикистана и Узбекистана.....	61
1.3. Возрождение процесса таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости.....	73
ГЛАВА II. Особенности художественного перевода произведений таджикской поэзии на узбекский язык в период государственной независимости (проблема сохранения поэтики оригинала)	87
2.1. Проблемы перевода поэзии и способы их решения.....	87
2.2. Жанрово-стилистические особенности современной таджикской поэзии в восприятии узбекских поэтов-переводчиков.....	100
2.2.1. Вариации поэзии Мирзо Турсунзаде в переводах современных узбекских поэтов: проблема адекватности.....	100
2.2.2. Проблема сохранения национальных особенностей и поэтики Лоика Шерали в узбекских переводах.....	115
2.2.3. Проблема воссоздания поэтической образности поэзии Бозора Собира в переводах на узбекский язык.....	132
2.3. Поэтика и семантика современной узбекской поэзии в зеркале переводов на таджикский язык.....	144
Заключение	150
Список использованной литературы	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Рост международного престижа современного Узбекистана и Таджикистана, возрастающие культурные связи, всесторонние взаимоотношения, контакты узбекского и таджикского народов выдвигают проблему взаимодействия литератур, в частности с таджикской, на одно из первых мест узбекского литературоведения. В нашей стране на изучение иноязычной лексики, в том числе таджикской, отводится значительное место.

Таджики и узбеки многие столетия, пересекаясь в своем историческом развитии имея много общего в религии, традициях и верованиях, обычаях, тесно взаимодействовали с друг другом, Литературные связи, национальные многовековые братские узы между таджикским и узбекским народами существуют издревле и представляются могучей созидательной силой. Нам хорошо известно, что традиция наставника и ученика, уважения и почитания, заложенная Абдурахмоном Джами и Алишером Навои, продолжается и сегодня.

Так, такие представители узбекской литературы как Гафур Гулям, Абдулло Каххар, Зулфия, Эркин Вахидов, Абдулло Орипов, продолжив эту традицию с выдающимися творческими личностями таджикского народа С. Айни, Абулкасимом Лахути, Мирзо Турсунзаде, Дж. Икрами, Мирсаидом Миршакармом, Боки Рахимзаде, Лоиком Шерали, Гулрухсор и другими, создали немало произведений в духе дружбы народов и на вечные темы литературы.

В настоящее время на территории Таджикистана проживает больше миллиона узбеков, а в Узбекистане несколько миллионов таджиков, которые принимают самое активное участие во всех областях науки, народного хозяйства, литературе и искусстве.

Между таджиками и узбеками существует очень древняя историческая связь, уходящая в глубь веков. Обычно, когда речь заходит о наших

литературных связях, принято вспоминать легендарную дружбу Абдурахмона Джами и Алишера Навои.

Действительно, самым замечательным периодом, оставившим след в таджикско-узбекских литературных отношениях, является именно этот период дружеских отношений двух великих поэтов. Однако это вовсе не означает, что истоки литературных связей этих двух разноязычных, но близких по своим традициям, обычаям и верованиям народов начинаются именно с творческих связей этих величайших мастеров поэзии, чьи произведения вошли в мировую литературу.

В серии исторических записей тюркских племён, причисляемых к турецкой литературе, очень чётко прослеживается влияние на неё таджикской литературы и культуры. В этих записях или больших исторических произведениях нередко указываются использованные их авторами персидско-таджикские источники. Например, автор известного труда «Лугот-ут-турк» подчеркивает, что опираясь на «Шохнома», узбекские художники слова создали своё произведение под названием «Турецкая Шохнома», а на основе «Гулистон» Саади Шерози было написано произведение «Турецкий Гулистон».

Следует подчеркнуть, что в советское время литературные связи таджикского и узбекского народов поддерживались на очень высоком уровне.

Продолжая традиции, заложенные Абдурахманом Джами и Алишером Навои, таджикские поэты: Садриддин Айни, Мирзо Турсунзаде, Джалол Икромии, Сотим Улугзода, Гулчехра Сулейманова - дружили и создавали в единстве идей и образов, литературных направлений свои произведения, перекликавшиеся по общему духу с произведениями Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара, Анвара Алимджанова, А. Кадири, Зулфии и других узбекских писателей.

По сей день между таджиками и узбеками осуществляется взаимоотношение, связанное с нашими двумя языками. Например, многие

узбеки наряду со своим родным языком, очень хорошо владели таджикским языком и творили на двух языках. Самый яркий тому пример - творения выдающегося узбекского поэта-классика Алишера Навои. Он является автором газелей, как на таджикском, так и на тюркском (староузбекском – чагатайском) языках.

В дальнейшем эта традиция продолжая свое развитие в творениях обеих народов принесла значительные результаты, что представляет собой богатый материал для исследователей персидско-таджикской литературы. «К примеру, предпосылкой формирования и развития узбекской классической литературы является появление двуязычных и трехязычных произведений и взаимных переводов персидской и тюркской литератур» [133, с. 5-6].

Газели, сочинённые Алишером Навои на таджикском языке, написаны на очень высоком поэтическом уровне. Также и в истории формирования и развития персидско-таджикской лирической поэзии творения Алишера Навои занимают свое достойное место.

Можно с уверенностью констатировать, что традиция двуязычия не прерывалась со времени её возникновения до сегодняшних дней.

В начале 90-х годов 20-го столетия Советская держава развалилась, в результате чего все союзные республики, входившие в её состав обрели свою государственную независимость. Это привело к тому, что на какое-то время процесс литературных связей в республиках, в том числе в Таджикистане и Узбекистане пошел на упадок. Однако сегодня благодаря мудрой политике глав этих государств и твердой воле таджикского и узбекского народов эти отношения постепенно начали восстанавливаться.

Официальный визит Президента Республики Узбекистан 9-10 марта 2018 года в Республику Таджикистан поднял дружественные связи и сотрудничество наших народов на более высокую ступень.

В последние годы узбекскими и таджикскими поэтами осуществлено значительное количество взаимных переводов поэзии, и в связи с этим перед учеными этих стран возникла проблема изучения состояния художественного

перевода и его роли в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях. Данная диссертационная работа является первым шагом в исследовании этого вопроса в рассматриваемый период.

Актуальность настоящей диссертационной работы заключается также в том, что исследование таджикско-узбекских литературных связей, в контексте художественного перевода, в период государственной независимости этих стран открывает новые возможности выявления поиска новых приёмов и методов перевода в новых социально-политических условиях.

Следует подчеркнуть, что первые десять лет обретения независимости в Таджикистане, шесть из которых пришлись на гражданскую войну, таджикско-узбекские литературные связи переживали период упадка, но при этом почему-то многие исследователи умалчивают о проведении Дней узбекской литературы и искусства в Таджикистане и Дней Таджикской культуры в Узбекистане. Все эти вопросы, также ждут своего объективного освещения.

Таким образом, настоящее диссертационное исследование можно причислить к первой попытке осуществления самостоятельной научной работы в формате монографии, в которой изучается роль художественного перевода в узбекско-таджикских и таджикско-узбекских литературных связях, вопросы продолжения традиции двуязычия в этих странах.

Рассматривая различные аспекты и проблемы художественного перевода на материале таджикской и узбекской поэзии, диссертант определяет вклад поэтов-переводчиков в укреплении литературных взаимосвязей этих народов, путем ознакомления своих соотечественников с художественными шедеврами в иноязычной литературе, обогащения своей собственной литературы новыми темами, сюжетами, образами и средствами художественного изображения. Это еще раз позволяет нам подчеркнуть значимость и актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень изученности темы. Сегодня проблема перевода с таджикского языка на узбекский и с узбекского языка на таджикский актуальна и в какой-то степени уникальна. Ведь если переводы с других языков мира, в том числе, с английского, французского, китайского и т.д. на узбекский и таджикский языки в основном осуществляются с помощью языка посредника – русского языка, то таджикские и узбекские поэты-переводчики переводят произведения друг друга напрямую - с языка оригинала. Этот опыт на сегодняшний день изучен в недостаточной мере.

Отдельные сведения касательно вопросов художественного перевода таджикской и узбекской поэзии узбекскими и таджикскими переводчиками можно обнаружить в статьях, литературных альманахах. Однако большинство из них, помимо краткости и скудности сведений, нередко грешат неточностями и необоснованными выводами.

Переводы узбекских и таджикских поэтов, выполненные в годы независимости, в специальных сборниках, литературных журналах и периодических изданиях Узбекистана и Таджикистана не только не подвергнуты сравнительному анализу, но и в достаточной степени не исследованы отечественными и зарубежными учеными литературоведами. Такое положение дел не представляет возможности во всей полноте выявить степень адекватности этих переводов, их качество и соответствие текстам оригинала.

В немногочисленных научных работах, посвященных литературным связям таджиков и узбеков, проблеме двуязычия, общих этнокультурных особенностей этих народов, проблемам художественного перевода в целом и, в частности переводов узбекской и таджикской литератур периода независимости, говорится вскользь, часто не подкрепленно конкретными примерами [19; 58; 144; 68; 91; 79; 119; 127; 98].

Достаточно интересные, заслуживающие внимания суждения и выводы о роли литературных связей наблюдаются в исследованиях таких известных литературоведов, как Е.Э. Бертельс, И. Брагинский, М. Шукуров,

А. Маниёзов, Г.И. Ломидзе, Л.Н. Демидчик, А. Нуралиев, А. Сайфуллоев, В. Самад, Х. Шодикулов, Ш. Мухтор, А. Давронов, А. Абдуманнонов, А. Аминов, М. Зайниддинов, Н. Одинаев, Ш. Амонова и др., но и в этих работах не наблюдается аккумуляции внимания на таджикско-узбекских литературных связях.

В этом смысле переводческая сфера сильно пострадала и сегодня реально является проблемой, нуждающейся в тщательном исследовании.

Цель и задачи. Основная цель диссертации – исследование поэтики переводов поэзии на таджикский и узбекский языки, выявление видов переводов, степени сохранения духа оригинала, определение роли переводов в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях, эволюции школы художественного перевода в Таджикистане и Узбекистане.

Для достижения указанной цели перед диссертантом возникла необходимость решения **следующих задач:**

- выявить особенности развития художественного перевода в период государственной независимости Таджикистана и Узбекистана на материале поэзии представителей этих литератур;

- определить роль ведущих поэтов Таджикистана и Узбекистана в переводе поэзии этих стран в годы независимости;

- раскрыть особенности традиции двуязычия в рассматриваемый период;

- выявить основные идеи и темы, отраженные в переведенных произведениях таджикских и узбекских поэтов;

- определить степень поэтического мастерства, переведенного таджикского или узбекского поэта;

- выявить роль идиостиля поэта-переводчика в процессе художественного перевода;

- охарактеризовать жанровую палитру переведенных стихов на таджикский и узбекский языки.

Научная новизна работы. Настоящая диссертация - первая комплексная работа, в которой исследуется роль художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях и творчество двуязычных поэтов Таджикистана и Узбекистана, а также выявляется степень мастерства поэтов-переводчиков двух братских стран в исследуемый период.

Теоретические основы и методы анализа. Диссертантом использованы исторический метод, методы литературоведения и литературной критики. В основном - это метод теоретической поэтики, который является научно-литературоведческой дисциплиной, и комплекс исследовательских методов, направленных на системное изучение языковых, сюжетных, композиционных, образных, родовых, жанровых, выразительных художественных средств литературы. Особое внимание обращено на изучение проблем художественного перевода. В данной работе диссертант опирается на общепризнанные научные методы, которыми руководствовались иранские, таджикские, узбекские и российские ученые – теоретики перевода.

К таким работам можно отнести труды авторитетных исследователей Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского, А. Мирзаева, Н. Масуми, Р. Хади-заде, М. Шакури, А. Давронова, Х. Шодидулова, В. Самада, Ш. Мухтора, М. Зайниддинова, У. Каримова, С. Саъдиева, С. Амиркулова, А. Саттор-заде, Х. Шарипова, Н. Сайфиева, Бакозаде Дж., Сайфуллоева А., Халимова С., Валихуджаева В., Каримова И.А., Самадова А.

Основные источники анализа. Диссертант проанализировал сборники статей, сборники переведенных стихотворений узбекских и таджикских поэтов, изданных в годы независимости.

В процессе работ диссертантом также были использованы материалы, извлеченные из мемуаров, высказываний поэтов и писателей Узбекистана и Таджикистана, имеющих прямое отношение к исследуемой проблеме.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы и выводы настоящей диссертации могут быть полезны при

исследовании истории таджикской и узбекской литератур изучаемого периода. Их также можно использовать на курсах по изучению истории художественного перевода в таджикской и узбекской литературах, в написании специальных курсов в высших учебных заведениях.

Положения, выносимые на защиту:

- Правильно выстроенная политика государства, которая во многом зависит от личности глав государств, наряду с политическими и экономическими, научно-техническими связями во многом способствует укреплению культурных и литературных связей между народами и приносит желанные плоды дружбы и братства.

- Культурные и литературные связи между народами интенсивно углубляются и расширяются тогда, когда у этих народов исторически сложились единство вероисповедания, нравы и обычаи, традиции и психология. Это можно проследить изучая и исследуя тысячелетние культурные и литературные связи таджиков и узбеков.

- Ни один народ не может развиваться в отрыве от процесса развития других народов. Поэтому те народы, которые самоизолируются обречены на культурную и нравственную нищету, на одиночество в мировом пространстве.

- Дружба и взаимоуважение таджикского и узбекского народов имеют древние исторические, социально-политические и религиозные корни.

- Двуязычие в литературном процессе таджикского и узбекского народов сыграло важную роль в обогащении этих литератур как в жанрово-тематическом, так и художественно-изобразительном аспектах.

- Важную роль в возрождении и обновлении таджикско-узбекских литературных связей сыграло достижение этих народов своей государственной независимости.

Апробация диссертации. Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры мировой литературы, кафедры таджикского языка, кафедры отечественной и международной журналистики, кафедры печатных

СМИ и PR факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий Российско - Таджикского (Славянского) университета (протокол заседания №11 от 09 июня 2023 г.) и рекомендована к защите.

По теме диссертационной работы автором опубликовано 29 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК России, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. Основные положения и результаты исследования апробировались на международных, республиканских, межвузовских и внутривузовских конференциях (Норвегия, Россия, Узбекистан, Таджикистан).

Структура диссертации. Структуру работы определили характер исследуемого материала и круг поставленных задач. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, разбитых на разделы, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. Роль и значение традиции двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях периода классической литературы

Проблема двуязычия как за рубежом, так и в нашей стране стала одной из основных, привлекая к себе всё больше внимания и отечественных, и зарубежных языковедов. Однако, несмотря на это, здесь ещё нет единого мнения в понимании основных понятий, как нет и полного единства в терминологии.

Прежде чем приступить к рассмотрению двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях необходимо остановиться на значении термина *двуязычие*, или *билингвизм*. Несмотря на то, что существует очень много определений двуязычия, подавляющее большинство авторов довольствуются обиходным толкованием слова *двуязычие*: это способность человека говорить и думать на двух языках.

Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. У. Вайнрах в своей книге о языковых контактах пишет: «Процесс попеременного использования языков называется билингвизмом, а человек, использующий их – билингвом» [23, с. 22].

Процесс двуязычия начинается в том момент, когда говорящий переходит с одного языкового кода на другой, чтобы не была нарушена коммуникативная связь с другим говорящим во время их общения. Такое широкое объяснение значения термина двуязычия можно встретить и у

других языковедов, так, например, Луи Мишель придерживается мнения, что понятие *билингвизм* нужно расширить вплоть до случаев пользования местным говором и литературным языком. Однако с такой трактовкой двуязычия мы не можем согласиться. Ведь тогда можно говорить о двуязычии и в тех случаях, когда говорящий владеет двумя стилями одного и того же языка.

Некоторые языковеды, поясняя значение термина двуязычие, склонны считать, что это есть нечто иное, как владение лишь двумя неродственными языками. Например, М.М. Михайлов пишет: «...Мы полагаем, что двуязычие – это владение двумя генетически разными средствами общения. При этом важно заметить, что двуязычие не обязательно предполагает владение двумя литературными языками, оно может быть сведено к владению двумя диалектами, если они относятся к двум разным национальным языкам или, для более ранних эпох, если они восходят к разным источникам» [62, с. 5]. Если придерживаться такого толкования, то получается, что владение родственными, но при этом значительно отличающимися языками, каковыми являются, скажем татарский и узбекский, русский и белорусский и т.п. не будут входить в понятие двуязычия.

Вот почему правильно, на наш взгляд, предложение специалистов различать такие понятия как билингвизм и диглоссию. Следовательно, под билингвизмом, надо понимать владение двумя разными языками или диалектами, независимо от того, являются они генетически родственными или нет. Под диглоссией же, в противовес билингвизму следует понимать относительно устойчивое языковое состояние, когда в дополнение к диалектам языка существуют генетические родственные языковые образования или стили, обслуживающие литературу.

Существует также и другой подход, предложенный зарубежными лингвистами, которые вместо *билингвизм* используют термин *языковой контакт*. Данный термин впервые был введён в широкое

применение Уриэлем Вайнрахом, который в книге «Languages in Contact» дал обзор мирового состояния исследований в этой области. Однако в определении языкового контакта как «поочерёдное использование двух или более языков одними и теми же лицами», которых называют носителями двух (или более) языков, или двуязычными носителями нет пояснения об уровне их владения этими языками, о степени различия между языками, об условиях их употребления или масштабах возникающей при этом интерференции, но принимается в качестве аксиомы, что имеются две (или более) различные языковые системы и что, как правило, в тексте можно указать момент, когда говорящий переходит от одной из них к другой.

Научное определение подлинного двуязычия может быть дано с учётом объективных явлений – интерференции и других форм взаимодействия обоих языков. Научное лингвистическое определение двуязычия применительно к общеупотребительным формам существования литературного языка может быть сформулировано следующим образом: под двуязычием следует понимать владение в совершенстве общеупотребительными устной и письменной формами существования обоих литературных языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур.

Таким образом, билингвом следует видимо назвать такого человека, который в равной степени, без каких-либо трудностей может выразить свою мысль и чувства на родном и чужом для него языке. Часто бывает так, что человек, чтобы перевести другого говорящего или иностранный для него текст сначала мысленно формирует и выстраивает свою речь или переводит предложения на своем родном языке, а потом переводит на второй язык. В этом случае он не может восприниматься как билингв.

Ни одна литература на всем земном шаре не может зародиться и развиваться без влияния литератур других народов и наций, о чем красноречиво говорят следующие строки Саади из его «Гулистана»:

«Хеч гули максуд дар ин бӯстон

Чида нашуд бе мадади дӯстон” [110, с. 3].

На самом деле, цветение одного единственного цветка еще не говорит о наступлении весны, из одной розы нельзя составить разноцветный букет, один цветок еще не цветник. Весну, цветники и букеты цветов составляют буйство и многообразие цветов, запахов, многочисленных трав и растений. Такова и мировая литература, в создании и развитии которой принимали и принимают участие все народы земли, в соответствии со своими эстетическими вкусами и мировосприятием. Поэты и писатели разных народов, изучая литературу друг друга, получают заряд вдохновения и используют наработанный в разные эпохи творческий опыт выдающихся художников слова.

На основе дошедших до нас литературных материалов и источников можно прийти к выводу, что литературные связи прежде всего состоялись в форме взаимного художественного перевода.

Отечественные (таджикские и узбекские) и зарубежные ученые востоковеды, в результате анализа неопровержимых фактов и литературных явлений, пришли к справедливому заключению, что в процессе зарождения и формирования литератур тюркоязычных народов, наряду с устным народным творчеством тюркоязычных народов, таджикско-персидская литература служила одним из основных животворных источников. Эти выводы ученых подкреплены отдельными высказываниями, примерами из художественных произведений и цитатами из научных трактатов таких известных сынов тюркоязычных народов, как Юсуф Баласагунский, Сайфи Сарои, Хайдар Хирави, Навои и др.

Одним из первых письменных литературных памятников тюркоязычных народов является «Кутагу билик», который принадлежит перу придворного поэта Каракитайцев Юсуфу Хас Хаджибу. Произведение было написано им в XI веке не только с использованием метрического размера «Шахнаме» - мутақориб, но заимствовавшего отдельные сюжеты и образы у Фирдоуси.

Академик В.М. Жирмунский писал: «От того, насколько высока культура и литература того или иного народа, зависит, настолько сильным и плодотворным будет воздействие её на процесс литературных взаимосвязей с другими народами» [39, с.7].

Алишер Навои, высказывая своё уважение и признание своему наставнику-устоду Абдурахману Джамии, искренне называл его «Махдуми Нуран» - «Светозарный Ученый», «кибла» - «сторона, к которой обращаются мусульмане лицом при чтении молитвы», «устод» - «гуру», «пир» - «глава духовной общины», что является свидетельством высокого уважения ученика к наставнику:

«Ул сафо аҳли пок фарчомӣ,
Покфарчом пок фар Чомӣ,
Ул яқин сарӣ дастгир манга,
Қиблаву устоду пир манга» [11, с. 7-8].

Что означает:

Источник чистоты, великодушия;
Благодарный Джамии мне воистину опора и поддержка;
Моя кибла, наставник и гуру мой.

Или Навои, написавший под влиянием Хафиза более 600 газелей на таджикском и узбекском языках, следующим образом подчеркивает место и роль поэта:

«Ғазал гуфтан мусаллам шуд ба Ҳофиз шояд, эй фонӣ,
Нашой чошнӣ дарьюза 3-лн назми чаҳоноро» [11, с. 8].

Творить газели стало правилом для Хафиза, о Фони,
Не пристойно отведывать вкус неискушенному
этой высокой поэзии.

Тюркоязычные поэты пристально изучали произведения таджикско-персидских поэтов; используя сюжеты, образы, темы, жанры и способы изображения, они создали свою литературу и в дальнейшем развивали её.

Таджикская литература не только оказала влияние на узбекскую литературу и литературу других тюркоязычных народов, но также ученые в разных областях науки широко пользовались научными изысканиями таджикских и персидских мыслителей. К примеру, Алишер Навои и Захириддин Мухаммад Бабур, внимательно изучив теоретические произведения Рашидаддина Ватвота (“Хадик - ус сехр фи дакоик -уш шеър”), Шамс Кайса Розй (“Ал - мўъчам фй маъоири ашъор – ил – Ачам”), Ходжа Насриддина Тусй (“Меъёр – ул – ашъор”) и (“Асос –иктибос»), Вахида Табрези (“Чамъи мухтасар”), Атоуллаха Махмуда Хусайни (“Бадоеъ-ус-Саноеъ”), создали под их влиянием такие свои произведения, как “Мизон-ул-авзон” – “Мерило стихотворного размера”, “Рисолаи аруз” – “Трактат об арузе” и разработали теорию тюркского аруза.

На онове исторических источников и дошедших до нас древних рукописей, различных антологий “тазкира” выясняется, что поэты-представители и основоположники узбекской, азербайджанской и туркменской литератур в равной тепени владели как тюркскими, так и персидским языками и писали свои произведения на этих языках, то есть были билингвами.

В начале XIII века в результате завоевания Средней Азии Чингизханом, были разрушены древние культурные центры народов, проживающих на этой территории, и литературная жизнь пришла в упадок. Она замерла почти на два столетия. На уцелевших и находившихся в отдалении от набегов войска Чингизхана персоязычная литература продолжала свою жизнь и медленно развивалась: на севере Индии (Амир Хосров Дехлеви), на юге Ирана (Муслихиддин Саади и его современники), в Малой Азии (Джалаледдин Руми). Эта литература выполнила великую историческую миссию, сохранив и пронеся идеи гуманизма сквозь годы монгольского владычества и завоеваний Тимура.

К XV веку благодаря усилиям многих персоязычных и тюркоязычных поэтов литература в Средней Азии постепенно набирала обороты, крепла и

опираясь на традиции, заложенные предшественниками пошла по пути дальнейшего своего развития. К этому времени одним из важных центров культурной и литературной жизни был Герат, в котором при правлении последних Тимуридов поэты, художники, музыканты и писатели не только Средней Азии, но и других областей Ирана и Афганистана организовывали свои круги и создавали шедевры литературы и искусства. Примечательно, что в это трудное и судьбоносное время эти литературные и научные движения возглавляли таджикский поэт Абдуррахман Джами (1414—1492) и узбекский поэт Алишер Навои (1441—1501), которые своими творениями и всяческой помощью людям творчества того времени не только выражали передовые идеи времени, но и способствовали взаимосвязи и взаимообогащению таджикской и узбекской литератур.

Благодаря заложенной этими поэтами традиции, вплоть до конца XVII века литература продолжала своё развитие по инерции, то давая человечеству новые выдающиеся произведения, то оставаясь на том уровне, которого достигла в это время.

В середине XVIII века в Средней Азии к власти пришла династия Мангытов, во времена правления которой царили гнет и насилие, был установлен жёсткий режим. В результате литературная жизнь практически замерла. В начале XIX века в Фергане возникло самостоятельное ханство с центром в Коканде. Его правитель — меценат и поэт Умархан (правил в 1809—1822) был высокообразованным человеком, сам писал стихи и при его поддержке и постоянному попечительству в Коканде образовался огромный литературный круг по оживлению литературной жизни, и в это время заметное развитие получила поэзия бедилийского направления. При Кокандском дворе Умархана творили такие известные поэты, как Адо, Акмаль, Фазли. По традиции, они создавали свои стихи как на таджикском и узбекском языках.

По мнению И.С. Брагинского, явление двуязычности таджиков и узбеков в произведениях писателей Центральной Азии в основном

начинается с XI века. В этой связи ученый отмечает: «Данные исследования по истории литературы показывают, что эта традиция, т.е. сочинение стихов тюркоязычными поэтами на фарси, гораздо дальше - идёт с XIV-XV вв.» [19, с. 35].

По свидетельству исторических источников, в период владычества династии Саманидов (819-999) недалеко от Айлак – вблизи местности Чач, сегодняшнего Ташкента, жил и творил свои стихи на персидском языке и в хоросанском стиле поэт Тюрккеши Айлаки – по происхождению турок. Приходится сожалеть, что из всего его наследия до наших дней дошли всего четыре бейта – восемь стихотворных строк.

Известный средневековый ученый и поэт Мухаммад Ауфи в своей тазкира, под названием «Лубаб ал-албаб», дабы подчеркнуть его поэтический дар, именует его *сокии шароби фазл* («кравчием вина просвещения») и цитирует его стих, дошедший до нас:

«Имрӯз агар муроди ту бар н-ояд,
Фардо раси ба давлати бобову бар.
Чандин ҳазор умеди бани Одам,
Тавқе шуда ба гардани фардо бар!
Родмардию мардӣ дони, чист?
Бо хунартар зи халқ гӯям кист?
Он ки бо дустон тавонад сохт,
Вон ки бо душманон битвонад зист.»

Если сегодня твои желания не исполнятся,
Завтра ты достигнешь богатства предков.
Тысячи грез и желаний рода человеческого,
Стали ошейником на шее завтрашнего дня.
Знаешь, что такое благородство, и что такое мужество?
И кто среди народа искуснее других?
Тот, кто может ладить с друзьями,

И, тот, кто умеет жить со своими врагами.

(Построчный перевод)

Важно подчеркнуть, что первая строфа стихотворения выстроена в типичном стиле художественной образности, свойственной манере письма классиков персидско-таджикской литературы.

Вторая кит'а наполнена уфийской символикой, то есть имеет два уровня значения, и любой читатель, знакомый с персидской литературой, знает, что в данном значении этот образ использован Хафизом спустя три века:

«Осоиши ду гетй тафсири ин ду харф аст:

Бо дӯстон мурувват, бо душманон мадоро» [132, с.16].

«Спокойствие в двух мирах в толковании двух этих слов:

С друзьями — благородство, с врагами — сдержанность.»

В XI-XII веках была также известна своими душевными и содержательными стихами на языке фарси поэтесса Мутриба Кашгари, уйгурка по своему происхождению, она также играла на многих музыкальных инструментах и видимо, подобно Рудаки исполняла свои же стихи в музыкальном сопровождении. Тому свидетельством может служить следующее её стихотворение в жанре рубай:

«Дар мотамат, эй шох, сиях шуд рӯзам,

Бе рӯи ту дидагони худ бардӯзам.

Теги ту кучост, эй дарего, то ман,

Хун рехтан аз дида биомӯзам» [146, с. 186].

«От траура по тебе, шах, мой день стал черным,

Без твоего лица я пришиваю (закрываю) свои глаза.

Ну, где твой меч, о горе, чтобы я,

Научила его проливать кровь из глаз.»

История таджикско-персидской литературы богата примерами стихов целого ряда поэтов, создававших свои творения на трех языках - персидском, арабском и тюркском. Таким художником слова, к примеру, был поэт Осими,

живший в XIII веке, от которого остались поэтические творения на трех вышеупомянутых языках. В этой связи можно утверждать, что тюркские народы не только изучали таджикский язык и литературу, но они также внесли свой вклад в развитие этой культуры.

Таджики и узбеки живя бок о бок, совместно развивали различные ремесла и по этой причине археологи обнаруживая гончарные изделия, предметы орудия труда, затрудняются определить национальную принадлежность мастеров прошлого, так как все имеют одинаковые исламские имена.

На основе приведенных примеров и умозаключений целого ряда отечественных и зарубежных ученых востоковедов, можно с уверенностью утверждать, что феномен двуязычия в таджикской и узбекской литературах обусловлен многовековой совместной жизнью и сотрудничеством этих народов.

Известные русские востоковеды и таджикские ученые литературоведы (Е.Э. Бертельс, Ян Рипка, В. Бартольд, А. Мирзоев, Абдусалом Самадов и др.) на основе исследования литературы эпохи правления династии Тимуридов придерживаются мнения, что это время (1370-1506 гг.) в истории таджикской культуры было периодом её возрождения. Амир Тимур будучи дальновидным политиком и выдающимся полководцем для укрепления своей власти всячески поощрял и поддерживал дружбу и сотрудничество между узбеками и таджиками Мавераннахра. Таджики, как свидетельствуют исторические источники, играли важную роль также в государственном управлении. Например, в период правления эмира Тимура, по их инициативе в Коксарае была построена крупная библиотека [130, с. 60-61].

Еще до Алишера Навои - основоположника классической узбекской литературы, в XIV - первой половине XV века многие тюркские поэты, в том числе Хорезми, автор «Книги о любви» (1353 г.), Хафиз Хорезми, Мавлян Лутфи Хирави (1365-1464 г.), Атаи Балхи и Гадои писали не только на персидско-таджикском языке, но и на своем родном тюркском языке. Это

свидетельствует о том, что традиция двуязычности среди узбекских поэтов существовала задолго до Алишера Навои. Однако надо отдать должное тому, что таджикско-узбекское двуязычие во времена Алишера Навои и Абдурахмана Джами поднимается на более высокий уровень. Этому способствовали великолепные газели Алишера Навои в его персидском диване, подписанном псевдонимом Фони. Но это явление не было односторонним: такие персидско-таджикские поэты, как А. Джами, Камолиддин Бинои, Бадриддин Хилали Чагатаи, Даулатшах Самарканди, Васифи и др. писали стихи и на узбекском языке. К примеру, Е. Бертельс отмечает, что «маловероятно, чтобы Джами проживал в городе Герате с Тимуридами, и в то же время, не знал их языка» [21].

В книге Бабура «Бабурнаме» есть небольшой рассказ, в котором автор упоминает таджикского поэта Бинои и приводит его рубаи на узбекском языке, который благодарный поэт посвятил ему за оказанную финансовую помощь. Вот какими словами Бинои обращается к своему благодетелю:

«Мирзом, ки шоҳи бару бар билусидур,
Дунёда хунарлар била сар билусидур.
Бир мучмал учун мунча иноят билди,
Маъкул агар десам нелар билусидур?!»

Мой Мирза будет шахом морей и суши,
В мире он будет удостоен ремеслами.
Из-за одной нелепости он меня так одарил,
Если бы сказал прилично, чтобы бы было?!

(Подстрочный перевод)

Следует отметить, что двуязычность постепенно получает развитие, особенно в XIX-XX веках, и поднимается на более высокий уровень. В указанный период процесс создания поэзии на двух языках – персидско-таджикском и староузбекском, развивается параллельно, в результате чего появилась целая плеяда двуязычных поэтов, среди которых особо отличались своим мастерством создания стихов на двух языках такие поэты, как

Захириддин Мухаммад Бабуршоҳ, Машраб Намангани, Махмур, Гулхани, Фуркат, Завки, Агахи, Камилъ Хорезми, Дилафгор и десятки других поэтов Бухары, Хивы и Коканда [19, с. 29-30].

Известно, что в литературном центре Коканда по инициативе и всяческой поддержке эмира Умархана (1787-1822) творили свои произведения на двух языках - таджикском и узбекском более 80 поэтов.

Большинство из них внесли свой вклад в развитие персидско-таджикской поэзии. Принцесса Худжанда Мохларойим Нодирабегим, супруга Умархана писала свои стихи под псевдонимом Макнуна, Джахон Отин Увайси автор четырех лирических диванов, в том числе «Вокеоти Мухаммад Алихон» (История Мухаммада Алихана) и «Шахзода Хасан» (Принц Хасан). Двужычной была также поэтесса Махзуна. Эмир Умархан, как поэт лично принимал участие на заседаниях литературного кружка и читал свои стихи. Поэтическим псевдонимом правителя был Амир или Амири. Эмир Умархан, как и многие его современники, был двужычным поэтом и до нас дошел диван его стихов [19, с. 99].

Во второй половине XIX – начале XX века двужычность в литературе получает беспрецедентное развитие. Увеличивается число двужычных поэтов, писавших на персидско-таджикском и староузбекском языках. Известными двужычными поэтами в узбекской литературе в рассматриваемый нами период были Аминходжа Муками (1860-1903 гг.), Зокирджони Фуркат (1868гг.), Юсуф Сарми (1840-1912 гг.), Завки (1863-1921 гг.) и другие. Все перечисленные поэты поддерживали тесные отношения с таджикскими поэтами – современниками.

Известные таджикские и узбекские просветители, такие как Возех (1864-1893), Савдо (1823-1873), Кошифи (1824-1888), Асири (1864), Карим Девона (1878-1918), З. Джавхари (1860-1945), Файз (1478-1934), Садри Зиё (1867-1932), Саидахмад Аджзи (1864-1927), Махмудходжа Бехбуди (1875-1919), Садриддин Айни (1878-1954), Абдурауф Фитрат (1886-1937), Хамза

Хакимзода Ниязи (1889-1929) и другие прославились как поэты двуязычные. [19, с. 102-103].

Таким двуязычным поэтом был и Ниязи Балхи, оставивший в наследство нам ценные поэтические произведения на узбекском и персидском языках. Судя по содержанию и образному строю его произведений, он хорошо знал поэзию классиков узбекской и таджикско-персидской литератур, дружил и творчески перерабатывал творения своих современников [19].

Известно, что Тимуршаха, перенесшего столицу государства в Кабул, сопровождали придворные поэты Мир Хутак Афган (свой диван составил в 1788 -1789 гг.) и Лалмухаммад Оджиз Табиб, который в истории литературы Афганистана более известен под псевдонимом Абдушафихан. Оба поэта были приверженцами индийского стиля, поэтому свои стихи писали, подражая Бедилю. Так как Оджиз стал непревзойдённым мастером, его окрестили «вторым Бедилем». Оджиз написал большое количество мухаммасов на газели Бедиля [Там же, с. 25].

Подытоживая данную часть работы, можно сказать, что, когда народы проживают бок о бок, в социально-экономической и культурной жизни возникает общность культуры, в том числе в литературе. Следовательно, традиция двуязычности в культурной и литературной жизни будет играть важную роль. Литературное двуязычие как историческое явление играет особую роль в развитии дружбы и мирного сосуществования между народами. На примере жизни и творчества многих поэтов и мыслителей узбекского народа классического периода литературы мы видим синтез культур таджиков и узбеков.

Уместно в этой связи сослаться на высказывание Карла Маркса, отметившего, что «каждая нация может и должна учиться у других наций».

В процессе литературных связей важной составной частью является также перевод. Для того, чтобы другие народы могли по достоинству оценить

произведения иных наций и народов необходимо чтобы в переводе наряду с эмоциональностью и ритмом сохранились мысли и образы.

Самое главное здесь заключается не столько в недостатке мастерства, сколько в том, что искусство обычно оказывает сопротивление неизбежно объединяющему его анализу. Соблюдение тождества размера перевода с размером оригинала имеет непревзойдённое значение для сохранения всех особенностей подлинника. Формирование интонации осуществляется прежде всего взаимодействием ритма и синтаксиса. Смысл произведений передается также ритмико-интонационным единством. Отсюда становится ясным, как важно сохранить все средства синтаксиса, т.е. повторы, переносы, обороты и т.д. При умелой передаче характера этого единства, перевод стихотворного произведения, с учётом воссоздания других факторов, будет правильным.

Также существенным при переводе является не только воспроизведение содержания переводимого произведения, но и сохранность индивидуальных его особенностей, что позволяет избежать искусственности и буквальности. Однако рецептов сохранения стиля перевода не существует, необходимо вести поиски наиболее верного решения в направлении дальнейшего сближения с национальной формой и индивидуальным типом стихотворного произведения, а не растворения его в привычных формах.

1.2. Особенности таджикско-узбекских литературных связей в контексте литературы советского периода

Таджикско-узбекские литературные связи в контексте перевода поэзии следует рассматривать на протяжении трех периодов, – это 20-ые-30-ые, 40-ые-80-ые годы XX века и период независимости Таджикистана и Узбекистана в XXI веке. В 20-ых-30-ых годах прошлого века в таджикско-узбекских литературных связях наступают качественно новые отношения, основанные на уважении национальных чувств и культурных традиций. В эти годы у истоков литературных связей наших народов стояли

прославленные учёные Садриддин Айни, Абдулло Кодир, Хамза Хакимзода Ниёзи, Абулкосим Лохути, с деятельностью которых связаны качественные изменения литератур. Особенно стихи С. Айни и Х. Ниёзи с новыми идеями, содержанием и формой были перспективным явлением в литературной жизни. В их революционных произведениях наблюдался дух времени. Другой заметной стороной было то, что в узбекских газетах, в какой-то мере продолжалась традиция издания стихотворений и статей на таджикском языке. Так, например, в первые годы революции газеты «Мехнаткашлар товуши» и «Кутулиш» на своих страницах наряду с произведениями узбекских литераторов печатали стихи таджикских поэтов. По размышлениям учёного Дж. Бакозода, «эти стихи, во-первых, были доступны трудящимся обоих народов, затем быстро становились ясными идейно-художественные новшества и революционное по содержанию творчество таджикских литераторов узбекскому народу и узбекских поэтов таджикскому народу, что в те годы, это можно считать, как одну из форм таджикско-узбекских литературных взаимосвязей». [15, с.57].

В этот период проявилось развитие наших древних литературных традиций, создание стихотворений на двух языках, прежде всего в творчестве устодов Айни и Хамзы. В стихотворных сборниках «Ахгари инкилоб» и «Инкилоб учкунлари» (1923) были опубликованы революционные стихи С. Айни. Прав оказался учёный по международным связям А. Сайфуллоев, который писал: «Для С. Айни узбекский язык считался вторым родным языком. Он переводил произведения зарубежных литераторов с узбекского на таджикский язык. Об этом свидетельствует повесть французского писателя Фердинанда Дюшана «Месяц». Таким путём С. Айни не только расширил и укрепил наши культурные связи, но также, стал одним из достойных основоположников современной узбекской литературы» [94, с.10].

Эти высказывания можно подкрепить разъяснением двух статей устода С. Айни: «Как чувствуют себя за рубежом наши учащиеся?» и «Опять о

наших учащихся за рубежом», которые были изданы в 1923 году в Самаркандской областной газете «Зарафшон» на узбекском языке.

В рассматриваемый период Хамза Хакимзода Ниёзи, также написал много стихотворений на таджикском языке, более шестидесяти из которых известны в настоящее время. К сожалению, многое из сочинённого им на таджикском языке было уничтожено или до сих пор не найдено.

Произведения поэта и драматурга Хамзы два раза были изданы отдельными книгами. В 1968 году в издательстве «Ирфон» был напечатан сборник стихов поэта на узбекском языке под названием «Да здравствуют Советы!», который был переведён на таджикский язык литераторами Таджикистана Мухиддином Аминзода, М. Муинзода, Гульчехрой Сулаймоновой. В 1980 году это же издательство напечатало сборник произведений Хамзы, который включил более исчерпывающий материал по сравнению с первой книгой. Сборник вышел с предисловием литератора А. Сайфуллоева. Его перевели на таджикский язык М. Муинзода, М. Фархат, Ш. Нодир. В сборнике наряду со стихотворениями на узбекском языке и сценическими произведениями «Бай и слуга» (перевод М. Аминзода), «Наказание клеветников» (перевод Х. Мирзокулова), «Майсара» (перевод А. Саидова), были размещены ещё 9 стихотворений на таджикском языке.

Темы произведений Хамзы, писавшем также стихи на таджикском языке, составляют любовь и недовольство социальной жизнью. Лирический герой поэта от несправедливости жизни, которая кому-то дала радость, а другому печаль, ищет причины неравенства и несправедливости:

«Гунохи ман чи буд, эй бевафо дунёи качрафтор,
Зи айши коми ин серуза умрам мосиву карди.
Намедонам, ки хайронам, сарам афтода дар зулмат,
Чи кардам бо ту ман, ту ин кадар бар чафо карди.
Чудои як тараф, аз як тараф хачри сияхашмон,
Зи дасти гурбатат бо мурданам охир ризо карди» [131, с. 187].

В чём вина моя, эй, вероломный мир искажённый,

За желаемое наслаждение трёхдневной жизни меня принудил.
В недоумении и поражён, мой разум мраком охвачен,
Тебе что сделал я, что ты терзаешь так меня.
Со стороны одной разлука, расставание с черноокой с другой.
От твоих горестей готов я умереть.

(Подстрочный перевод).

Таким образом, лирический герой Хамзы ночи напролёт мечтает с надеждой о прекрасном. Он, окунувшись в печаль и горе времени, взывает о помощи, и надеется на воплощение душевной мечты:

“Дар ғами бечорағӣ дар чанг дандонам ба санг,
Орзуи дил кучо, ё айши давронам кучо?
Чашм бикшо, оқибат бар хок меафти, Ниҳон,
Ёру дӯстонат кучо, ин умри бӯстонам кучо?” [131, с.188]

От печали бедноты зуб скрежещет о камень
Где сердца мечты, или где моё время наслаждения?
Очи раскрой, в исходе канешь в лета, Ниҳон,
Где знакомые и друзья, где цветник жизни?

(Подстрочный перевод)

В своих лирических стихотворениях Хамза, следуя классикам таджикской поэзии, пишет о любви, о гордой и неверной возлюбленной. Тревожится от разлуки с ней. Так, лирический герой поэта является жизнерадостным и жизнелюбивым человеком, нетерпеливым возлюбленным любимой:

«Он парӣ, абрукамон, оҳуи чашмаш масти хоб,
Ҳеч парвое надорад бар мани мискин – хароб.
Аз шарори оташи ишқаш ҷигарҳо сӯхта,
Мебарояд аз димоғам ҳар нафас бӯи кабоб...
Сар ба тахти остон қурбони хокаш кардаам
Рӯ наметобам, ки ман аз ханҷари он заҳр тоб,

Хилвате шуд, гуфтам: эй барно, мусулмонӣ кучо?
Ту чаро раҳме надорӣ, ё намехоҳӣ савоб?
Бо табассум гуфт он дар гӯши ин мискин Нихон:
Чон бигӯ, чонон маҷӯ, аз чон гузар, чонон биёб!» [131, с.181].

Эта пери, с бровями дугой, с манящими глазами газели,
Совершенно беспечна ко мне бедолаге – истощённому.
От искры пламени любви томимый страстью,
Каждый вздох мой источает муки страданий.
Готов стать жертвой поступи у ног её,
Не отвернусь я от ядовитого кинжала.
Наедине сказал: эй красавица, где мусульманство?
Жалости ты не имеешь почему, или милости не хочешь?
Она с улыбкой прошептала бедному Нихон:
Тверди душа, не ищи милую, отрекись от души,
милую найди!

(Подстрочный перевод)

В своих произведениях Хамза, следуя выдающимся таджикским поэтам, обратил внимание на проблемы нравственности и морали. По поводу того, что нужно дорожить временем, скрывать тайны и секреты, не пустословить, свидетельствуют пленительные газели:

«Дило, ғофил машав ҳаргиз, нигар гардуни дунёро,
Шумор имрӯзаро фурсат, махур андӯхи фардоро...
Макун асрори худ зоҳир ба назди ҳар касу нокас,
Кушуди ғунчаҳо орад хазони барги зеборо.
Мазан дар ҳар кучо оҳу фиғон монанди булбул.
Ки сози оқибат ёри қафас рӯи чаманҳоро.
Ҳазорон беҳ хамушидан агар хуни чигар гардӣ,
Ки орад лола бо сад доқ сайри файзи саҳроро.
Гуҳар пайдо кунад дар вақти худ як қатраи найсон,
Чӣ ҳосил аз шитоби абри борон санги хороро.

Сукути беҳ бувад ҳар дам, Нихон, аз носазо гуфтан,
Кушуди моҳиён лаб мекунад хун оби дарёро» [131, с.188].

Сердце, не будь беспечным никогда, взгляни на мир,
Сейчас считай момент удобным, о будущем не горюй...
Свои тайны не раскрывай перед всяким проходимцем,
Раскрытие бутона ждёт листков красивых увядание.
Не стнай и не вздыхай везде, как соловей.
Н исходе, оказавшись в клетке, лишишься цветника.
В тысячу раз молчание лучше,
если кровью сердце обливается,
Тюльпан несёт сто огорчений обилию гуляний в цветнике.
Жемчужина возникает при капле весеннего дождя,
Что толку граниту от спешки тучи дождевой.
Безмолвие лучше сквернословия, Нихон, всегда,
Раскрытие пасти рыб в кровь превращается вода реки.

(Подстрочный перевод)

Отдельные газели Хамзы Хакимзода, на таджикском языке написаны как ответ газелям Хафиза Ширази.

Например, у Хафиза:

«Агар он турки Шерозӣ ба даст орад дили моро,
Ба холи ҳиндуяш бахшам Самарқанду Бухороро.
Бидеҳ соқи майи боқӣ, ки дар чаннат нахоҳӣ ёфт,
Канори оби Рукнободу зи гулгашти мусаллоро...» [132, с. 34]
О, если турчанка Ширази найдёт путь к сердцу моему,
За родинку её я подарю Самарканд и Бухару.
Налей вина остаток, виночерпий, ни то в раю не найти,
Берег реки Рукнабада и гулянье у Мусаллы...

(Подстрочный перевод)

Хамза:

“Биё, соқӣ, бидеҳ аз май ту ин Мачнуни шайдоро,

Ки аз худ беҳабар гардад, надонад рӯзи фардоро.
Зи дасти ишқи ӯ аз коми дунё доман афшурдам,
Ба худ хилватсаро созам дар ин як дам кӯху сахроро...» [131, с.

182]

Давай, виночерпий, налей вина ты безумному Меджнуну,
Чтоб став без памятным, не знал будущего дня.
От мук его любви отрёкся я от мирских желаний,
В уединение превращу себе я горы и долины...

(Перевод подстрочный)

У Хафиза:

«Силохи кор кучову мани хароб кучо,
Бубин тафовути рах аз кучост то ба кучо» [132, с.35].
«Где орудие труда и где я немощный,
Взгляни на отличие пути откуда до куда.»

Хамза:

«Дар шаби торики ман он мохи тобонам кучо?
Тан кучову дил кучо, ё чону чононам кучо?» [131, с. 183]
«В беспробудную ночь где моя лунолика?
Где стан, где сердце, или где душа и любимая?»

Действительно, Хамза Хакимзода Ниёзи, особенно олицетворяя братское дружеское единение таджикского и узбекского народов, был их ярким выражением благожелательности и любви к языку и литературе. Он продолжил лучшие традиции двуязычных поэтов. Создавая произведения на двух языках, установил дружеские отношения с таджикскими поэтами и прозаиками того времени. Хамза имел тесные связи с просветителем начала XX века: выдающимся деятелем просвещения Самарканда Абдукодиром Шакури, лично был знаком с известным поэтом Саидахмадом Васли, поддерживал дружеские и близкие отношения с устодом Айни. Хамза и Айни хорошо знали друг друга, были осведомлены о своей литературной и общественной деятельности, вместе принимали участие в съездах писателей.

Как было указано выше, в стихах Айни и Хамзы в вопросах выбора тем, способах выражения и использования новых стихотворных форм видится их близость и созвучие. Хамза, также как и Айни, писал учебники, морально-нравственные рассказы и пропагандистские стихи для школ с новым порядком обучения. Особенно «Китоби хониш» («Книга для чтения») Хамзы во многих отношениях созвучна произведению устода Айни «Тазхиб – ус - сибён» («Золотые дети»). Поэтому прав литератор А. Сайфуллоев, который отметил: «В этом отношении, также похожи друг с другом не только общественно-педагогическая деятельность, но и просветительские идеи Айни и Хамзы, которые определяют основное направление движения просветителей Средней Азии». Примером могут послужить следующие строки. С. Айни пишет:

«Мактаб ба ту ёд медихад илму адаб,
Мактаб зи ту мебарад гаму ранчу тааб.
Як нуктаи мухтасар зи мактаб гуям:
Одам шавад касе магар аз мактаб» [2, с. 54].

Школа учит тебя знаниям и воспитанности,
Школа отбрасывает все твои печали.
Кратко мысль о школе:
Стать человеком всем помогает школа.

(Перевод подстрочный)

Хамза пишет:

«Партави хусн аст, оре, илму ахлоку адаб,
Бе адаб, бе илм бекадр аст, ин набвад ачаб.
Гар набинад мактабу устоду таълиму адаб,
Кас чу хайвон мешавад, гарчи бувад соҳибнасаб» [131, с. 177].
Да ореол красоты есть знание, воспитание и нравственность,
Не странно, что без нравственности и знания, это никчемно.
Быть без школы и учителя, без наставления и нравственности,
Быть подобным животному, хотя он высокородный.

(Перевод подстрочный).

Таким образом, если устод Айни сыграл огромную роль в формировании реалистической прозы, также и Хамза своими революционными песнями и удивительными пьесами оставил неизгладимый след в образовании и развитии таджикской драматургии. В связи с этим, любимый таджикский поэт Мирзо Турсунзода писал таким образом: «Мы в молодые годы наряду с революционными русскими и таджикскими песнями со всей предосторожностью пели узбекские песни, особенно песни Хамзы Хакимзоды: «Эй, рабочий!», «Эй, эй буду стрелять!» и подобные им. Мы, молодые литераторы, насколько любили произведения Маяковского и Айни, также с любовью относились к песням Хамзы. Узбекские сценические произведения оставляли в нас ещё большее впечатление. Создателем этих пьес, которые были переведены на таджикский язык, был воспеватель революции Хамза Хакимзода. Таким образом, Хамза Хакимзода считается также одним из основоположников таджикской драматургии» [123, с. 9].

Мирзо Турсунзода в другой своей статье так выразил свою мысль: «Для нас, молодых таджикских писателей, были очень дороги произведения Демьяна Бедного, Лахути и Айни, в такой же мере значимы произведения Хамзы Хакимзоды».

В середине двадцатых годов драматургия была для нас каким-то новым событием. В то время я учился в Ташкенте. В свободное время или в дни, когда занятий было мало, с большим желанием ходил в кино или в театр и с интересом смотрел новые спектакли. От узбекских спектаклей я оставался под большим впечатлением. Узбекский государственный академический драматический театр имени Хамзы Хакимзоды давно показывает известные спектакли «Бай и слуга», «Проделки Майсары». Автором этих спектаклей является мастер пера, революционный певец Хамза Хакимзода. В дальнейшем эти произведения были переведены на таджикский язык. Молодой таджикский драматический театр приступил к показу этих удивительных спектаклей, таджикские актёры, как и их коллеги – узбекские

артисты - стали талантливо исполнять роли. Поэтому Хамза Хакимзода считается, также одним из основоположников таджикской драматургии» [123, с.6].

В 20-ые годы прошлого столетия в прозе и драматургии наших народов также произошли заметные изменения. В это время в литературе этих двух народов появились, такие жанры, как повесть, роман и драма в полном смысле этого слова, и позже творчество будущих поколений писателей поднялось на высокую ступень. В области прозы особенно было привлекательно творчество Садриддина Айни и Абдулло Кодир. В 1920 году С. Айни написал на таджикском языке повесть «Бухарские палачи», но по вине издателей Бухары рукопись пропала, а в 1922 году стал доступным читателям её отредактированный сокращённый узбекский перевод в журнале «Инкилоб». В дальнейшем были изданы повесть «Одина» (1924), роман «Дохунда» (1930) устода С. Айни, романы «Прошедшие дни» (1925) и «Скорпион из ниши» (1929) А. Кодир, которые оказали огромное воздействие на развитие не только узбекской и таджикской прозы, но и на всю литературу народов Средней Азии и Казахстана.

Мастер художественной прозы Джалол Икромид таким образом писал об оказанном на него воздействии романов писателя Абдулло Кодир: «На мое творческое развитие, наряду с другими литераторами братских республик, оказали огромное воздействие прозаики и писатели Узбекистана. В разгар увлечения чтением книг (ещё в середине двадцатых годов) меня очаровали произведения умелого и искусного узбекского романиста Абдуллы Кодир. Такая ясность, совершенство и утончённость, которая имеется в произведениях Абдуллы Кодир, редко встречаются в произведениях литераторов. Первый роман, который я прочитал на узбекском языке, был роман «Прошедшие дни». Я удивился ясности и плавности речи его автора» [41, с. 47].

Когда речь идёт о таджикской и узбекской драматургии тех лет, своевременно будет отметить, что первые сценические произведения были

созданы на основе устного народного творчества наших народов при совместном сотрудничестве. По размышлению литератора Ш. Ризоева, первая национальная драма этих народов «Отцеубийца» Махмудхуджи Бехбуди привела в движение культурный мир всего Туркестана. Необходимо с удовлетворением отметить плодотворное воздействие узбекских мастеров искусства и, в частности литераторов на начальный период развития таджикского искусства и литературы.

В двадцатые годы продолжалось сочинение стихотворений в стиле «ширу шакар» (молоко с сахаром) - форма стихосложения с написанием строк попеременно на двух языках. К примеру, С. Аджзи и С. Айни писали в этом стиле. Например, у Сиддикии Аджзи:

«Кузимга учради ногах бир ашъор «инчунин бояд»,
Ман этдим унга тахсин ила такрор «инчуни бояд». [111, с.17]
«Попался взгляду моему стих один «так быть должно»,
Ему стал беспрестанно я вторить «так быть должно».

В этом двустишии редиф каждой строки: «инчунин бояд» - «так быть должно» является таджикским.

У Садриддина Айни:

«(Барои фикри истибдод гуфтор инчуни бояд)» [2, с. 21].
«Мой стих не понял кто-то: «Тайна такой быть должна»,
(За мысли тирании речь такой быть должна)».

В настоящем двустишии конец первой строки «Асрор инчунин бояд» (Тайна такой быть должна) и вторая строка «Барои фикри истибдод гуфтор инчунин бояд» (За мысли тирании речь такой быть должна) написаны на таджикском языке.

Таким образом, в 20-ые годы XX века ускоренно формировалась и развивалась новая литература наших народов. В ней продолжились многие прежние старинные свойства и особые традиционные литературные связи наших народов. Позже взаимосвязи таджикской и узбекской литератур приобрели новые формы.

В 30-ые годы особенно заметно продолжение традиций в произведениях С. Айни. Он в эти годы написал на узбекском языке романы «Рабы» и «Смерть ростовщика». Также в эти годы свою творческую деятельность на узбекском языке начал Фотех Ниёзи. Двужычных литераторов тогда было немного.

С. Айни был наставником и духовным учителем литераторов обоих народов. Таджикские и узбекские литераторы Ойбек, Дж. Икромии, С. Улугзода, А. Мухтор, М. Исмоили, Р. Джалил, А. Каххор и многие другие творчески изучая прозу С. Айни, развивали его творческие принципы. Видные узбекские литераторы Г. Гулом, Гайрати, Ш. Рашидов, Ойдин, С.Абдулло, Мирмухсин, С. Ахмад признавали в своём творчестве художественное воздействие С. Айни. Литературная деятельность С. Айни была признана в произведениях узбекских литераторов Навои, Акмала, Гулшани, Нодиры, Машраба, которые сочиняли на узбекском и таджикском языках, некоторые, например, Шавки Каттакургони, писали на трёх языках - узбекском, таджикском и арабском языках.

В тридцатые годы произошло знакомство Мирзо Турсунзода с творчеством Гафура Гулома и личное творческое сотрудничество Абдулло Каххора и Джалола Икромии. Вообще Джалол Икромии, когда учился в 1929-1930 годах в Академии педагогики города Самарканда, поддерживал творческие и дружеские связи с такими узбекскими литераторами, как Хамид Олимджон, Уйгун, Ойдина и Миртемир. Особенно эта дружба и поддержка, кроме отношений с Абдулло Каххором, запомнилась с Ойбеком, Шарофом Рашидовым, Комилом Яшином, Назиром Сафаровым и Хамидом Гуломом. В дни литературы и искусства в Узбекистане (1968) Дж. Икромии сказал: «Известный узбекский писатель Ойбек своим знаменитым произведением «Навои» очаровал меня. Абдулло Каххор, как искусный ювелир, в создании художественной прозы был изящен и тонок. Изящная проза и поэтичность Гафура Гулома и Шарофа Рашидова также мне привлекательны и желанны» [41, с. 4].

В литературной жизни этих лет заметно активное участие поэта А. Лохути. Этот великий и пламенный поэт также пользовался большой популярностью среди узбекских литераторов. Некоторые произведения Лохути: «Узбекистан», «Поручение узбекской матери», стихотворение «Торжественное открытие Большого Гиссарского Канала», - были посвящены богатому краю и трудолюбивому узбекскому народу, дружбе и братству таджикского и узбекского народов. К примеру, в стихотворении «Торжественное открытие Большого Гиссарского Канала» поэт сказал:

«Эй узбек, бародарони азиз,
Ба пеши мо мехмон хуш келибсиз.
Тоҷикон кистанду шумо кистед?
Ба вичдон, ки аз мо чудо нестед.
Падарҳоямон хам дӯст буданд,
Чун як магз дар чандин пуст буданд...» [51, с. 12].

Эй узбек, друг дорогой,
В гости добро пожаловать.
Кто таджики и кто вы?
Честно, от нас неразлучны вы.
Были наши отцы дружны,
Были в шкурах нескольких как одно ядро...

(Подстрочный перевод)

В этом отрывке стихотворения проглядывается традиция жанра муламаъ, когда при сочинении стихотворения в нем используются два языка. В конце второй строки выражение «хуш келибсиз» на узбекском языке означает «добро пожаловать» и в сочетании с таджикским текстом придаёт красоту форме стиха.

В свою очередь, узбекские литераторы отразили свою искренность и большую преданность этому утончённому поэту посредством написания научных статей и переводом его произведений. Например, Гафур Гулом дважды перевёл в двух стихотворных формах его поэму «Кремль». В

дальнейшем лирические стихи Лохути были переведены на узбекский язык Г. Гуломом и другими литераторами.

Таким образом, в тридцатые годы прошлого столетия таджикские литераторы помогали в идейном развитии и творческом процветании узбекских литераторов. По этому поводу узбекский литератор Хамид Гулом написал так: «Я знаю Таджикистан с детства. 30 лет назад я жил в Душанбе, был сотрудником издательства и дружил с таджикскими поэтами. Мне много помогли Мирзо Турсунзода и Мирсаид Миршакар, Фотех Ниёзи Ашурмат».

На самом деле, судьба этого узбекского литератора связана с Душанбе и его прессой. В 1937 году его лишат права обучаться на факультете русского языка и литературы Ташкентского педагогического института по обвинению «Хвост Чулпан», «друг Усмона Носира». Неправедливые обвинения заставили его покинуть Ташкент и приехать в Душанбе. Он начал там свою творческую деятельность в качестве литературного сотрудника газеты «Красный Таджикистан». В этом добром деле ему оказали помощь заведующий отделом литературы Ашурмат Назаров, редактор газеты М. Муллоджонов. Заведующий отделом печати Центрального Комитета коммунистической партии Таджикистана Бободжон Гафуров заботливо взял его под свою опеку. Хамид Гулом так вспоминает эти свои мгновения жизни: «Ко мне, встав из-за стола, стоявшего в углу комнаты, хромя подошёл полный, симпатичный, круглолицый, широколобый, представительный мужчина.

- Бободжон Гафуров – заведующий отделом печати. – Он взял мои худые руки в свои полные ладони и искренне пожал.

- Присаживайтесь, откройте книжку! – его лицо озарилось улыбкой, будто бы утешал. – Расскажите всё начистоту!

- Книжка состоит всего из нескольких страниц, - сказал я, успокоившись от доброго отношения Гафурова. – Первая страница - школа, рабфак, индустриальный институт; вторая страница – педагогический

институт и первые упражнения в стихосложении; третья страница – проблемы, которые грянули на мою молодую голову... вот и всё.

- Понятно... - сказал Гафуров. – Вас хотят принять в редакцию на работу. Только при условии, что под моей опекой. Все будете делать, согласовав со мной. Согласны?

- С удовольствием, устод!

- Муллоджонов, вы новому сотруднику сами найдите где-нибудь жильё!» [133].

Позже Хамид Гулом, живя и работая в Ташкенте, был признан как талантливый и плодотворный литератор.

В произведениях Хамида Гулома есть стихотворения, в которых искренне воспеваются дружба и сотрудничество таджикского и узбекского народов. Например, поэт в стихах «Варзоб бурлит» и «Вечно едины» описал «бурление и клокотание», «красоту цветника» [134].

Братство и дружба отражены в стихотворении «Абади якдилем» (Вечно едины). Вот несколько строк, которые на таджикский язык перевёл таджикский поэт Али Бободжон:

“Ҳар гоҳ ба ман савол бидҳанд:

-Худ узбек кист? Кист тоҷик?

Филхол диҳам ҷавоб: - Онҳо

Ҳамсояву ҳамдаманду наздик.

Ду ёри бародари қаринанд,

Ду дӯсти баркамол ҳастанд.

Аз рӯи садоқати қадимӣ,

Меҳри дили ҳамдигар парастанд...” [3, с. 47].

Кода б спросили меня:

- Кто узбек? Кто таджик?

Тотчас дам ответ: Они

Соседи близкие друг друга.

Два приятеля братья родные,

Два зрелых друга.
По древней преданности,
Почитают любовь друг друга...

(Перевод подстрочный).

“Ба дўст канорашон кушода,
Борад зи нигоҳи гармашон нур.
Бо нағмаи як сурудду як руд
Рақсанд ба тую сур масрур” [3, с. 47].

Друзьям всегда приветливы они,
Их милый взор доносит свет.
Под трелью песни и ручья
Веселясь, танцуют на свадьбах и пирах.

(Подстрочный перевод).

В эти годы заметна ещё одна форма творческого сотрудничества таджикских и узбекских литераторов, воспевающих трудящихся, занятых на строительстве Ферганского и Гиссарского каналов. Абдусалом Дехоти, таджикский поэт, по этому поводу писал: «Талантливый узбекский поэт, покойный Хамид Олимджон в одном из своих бейтов очень мастерски выразил сотрудничество людей труда и литераторов:

“Ботирлари канал козади,
Шоирлари ғазал ёзади” [38, с. 201].

Богатыри роют канал,
Поэты создают газели.

(Перевод подстрочный).

Прекрасно помню, когда в 1940 году в Ташкенте прочитал эти бейты самому Хамиду Олимджону, он, улыбаясь, сказал: «Когда я писал это, то не думал о такой его красоте. Да, жизненные стихи получаются непредвиденно, получаются естественно красиво» [38, с. 284].

В произведениях Хамида Олимджона таких стихов очень много. Так, к примеру, Абдусалом Дехоти перевёл со всеми тонкостями на таджикский язык его стихотворение «Орзухой солинави» («Новогодние мечты»):

“Чомхо пур зи май – хурӯш ба сар,
Мекашад соли нав ба оғӯшаш,
Ҳаст оё шабе аз ин хуштар?
Дар дили ман ҳавас фузуд оташ” [38, с. 217].

Бокалы полны вина – буря в голове,
В объятия тянет новый год.
Какая ночь лучше этой?
Зажёг огонь желание в душе моей.

(Подстрочный перевод).

«Рӯямон набинад ҳеҷ гаҳ чин,
Боз як муддао шавад ҳосил:
Бахтамон бод ҷовидонтар аз ин,
Умрамон – асри пурраю комил!” [38, с. 217].

Пусть морщины лицо никогда не покроют,
Намерение свершится ещё одно:
Пусть счастье будет вечно как это,
Жизнь – вековая полна совершенства!

«Бишкуфад чехраҳои дилдорон,
Зардии ранчи ашк ноида
Ғам набинанд нозанин ёрон,
Гуле аз боғи ҳусн ноида!» [38, с. 219]

Пусть радуются возлюбленные,
Не увидев бледных слёз страданий
Пусть настигнет печаль влюблённых,
Не увидевших красоту сада цветка!

(Подстрочный перевод).

«Сокиё, пурнамо пиёлаи мо,
Мо чавонем соли нав афзуд.
Дустонам зи шодиям огох, -
Сол афзуду халк хам афзуд» [38, с. 219].

Виночерпий, наполни нашу пиалу,
Мы молоды грядет год новый.
Друзья мои о радости извещены, -
Год новый наступил и прибавился народ.

(Подстрочный перевод).

“Ҳар ки нашнохт қадри ин даврон,
Русияҳ бод дар ҳама олам!
Бо махавҳо баробараш медон:
Чунин мардум шавад чунин одам!” [38, с. 219]

Кто не ценит это время,
Быть ему в мире осрамленным!
Считай его наравне с прокажённым:
Такой отвержен будет человек народом!”

(Подстрочный перевод).

Также одним из узбекских двуязычных поэтов в эти годы являлся Чустии. Этот поэт в одной из своих газелей так отразил братскую дружбу таджикского и узбекского народов:

“Рудакий богида Турди сайр этар уз богида,
Лутфий хам Жомий, Навоий бир киши бармогидек,
Мушфиким Машраб газал жомин ширин каймогидек,
Хамза хам Садриддин Айни битта саф байрогидек,
Биттадир услубимиз, хам назмимиз, мазмунимиз,
Ажратиб булмас сира, тожикмисиз, узбекмисиз” [139, с. 21].

В саду Рудаки прогуливается, как у себя в саду Турди,
Лутфи, также Джами, и Навои, как один цветок садовый,

Мушфики с Машрабом пишут джамийские сладкие газели,
Хамза и Садриддин Айни под флагом в строю едином,
Един наш стиль, также поэзия и содержание,
Невозможно отличить это, таджик вы или вы узбек.

(Подстрочный перевод).

Как поэт пишущий на двух языках, он написал стихотворение о пройденном пути и невзгодах на таджикском языке:

“Дар шаби зулмат ба дунё омадам,
Дар гулу печид фарёди нахуст.
Дар чахоне, ки кушодам чашмро
Зулму ночорию ноадли бируст.
Чун калон гаштам, бидидам халқи ман,
Дар тахти сад кулфату ранчу балост.
Рӯи шодиро намебинад даме,
Орзуо матлабаш рӯ бар фаност...” [139, с. 42].

Появился на свет я во тьме ночной,
Застрял в горле первый крик.
В мире, где открыл я очи,
Растут гнёт, нужда и несправедливость.
Я, повзрослев, народ увидел мой,
Находится в горести, страдании и беде.
Радости не видит ни один миг,
Мечты и желания его тленны...

Поэт Чусту написал также ряд произведений: сборник стихотворений «Весна» (1929), «Смерть врагу» (1932), «Ночь у реки» (1936), «На берегу Чирчика» (1937), «Страна» (1939), «Счастье» (1940) и другие.

В годы Второй мировой войны Хамид Олимджон написал стихотворения «Мать и сын» (1942), «Бери в руки оружие» (1942), «Доверие» (1943).

В 30-ые и начале 40-ых годов прошлого века могучий и пламенный узбекский поэт Хамид Олимджон своим высоким поэтическим искусством прославился в братском Таджикистане. Его стихотворение «Мехр» (Любовь) было переведено таджикским поэтом Мастоном Шерали на таджикский язык:

“Ба чуз васфи саодатҳои инсон,
Набошад баҳри ман баҳти бузурге” [142, с. 57].

Кроме воспевания счастья человека,
Нет для меня большего счастья.

(Перевод подстрочный).

«Намебинем оё ҳамдигарро,
Хаёли бўса чун армон бимонад.
Валекин ишқи мо дар рӯи олам
Чу Хуршеди ҷаҳон тобон бимонад» [142, с. 57].

Друг друга разве не увидим мы,
Досадою о поцелуе останутся мечты.
Но любовь наша на свете
Останется солнцем ярким в мире.

(Перевод подстрочный).

“Барои хок хуни пок резем,
Ки ин баҳт аст моро дар ҷавонӣ,
Шавад гулгун аз хун рӯи ёрон,
Фуру зад роҳи моро ҷовидонӣ.
Равад руҳ аз тани мо, ном монад,
Ки дар рӯзи зафар оранд дар ёд,
Аз ин чун зиндаҳо мо зинда гардем,
Қадам монем андар хоки озод!” [142, с. 59].

За землю кровь чистую прольём,
Для нас это счастье в молодости,
От крови лица друзей покраснеют,
Путь наш вечно освещающий.

Покинет дух нас, оставит имя,
Вспомнят в победы день о нас,
Живее всех живых мы станем,
По земле свободной будем мы шагать!

«Чахон аз ишки мо гар файз ёбад,
Намемирем дар ин олами пок,
Дуруди дустону халки озод
Ба гуши мо расад андар дили хок!» [142, с. 60].

Благо наступит если в мире от любви нашей,
В этом чистом мире мы не умрём,
Приветствие друзей и свободного народа,
Будет до нас доноситься в глубине земли!

(Перевод подстрочный).

Хамид Олимджон прославлению Родины посвятил очень много стихов, и они отличаются своими новыми образами, притягательными словами, свежими мыслями и содержанием.

«Ба ман гулдастае додию гуфти:
Бигир аз ман барои ёдгори.
Ба чашми тар надонистам чи гӯям
Чавоби он сукути куҳсор» [135, с. 11].

Букет мне подарив сказал:
Возьми на память от меня.
С влажными глазами не знала, что сказать.
Его ответ гор молчание.

(Подстрочный перевод).

«Чавонию чавон дар корзор аст,
Зи хунам дашту саҳро лолазор аст.
Муҳаббат бо чавонӣ кор дорад,
Вагарна дар чахон ўро чи кор аст?!» [135, с. 12].

Место молодости на поле боя

От моей крови поля в тюльпанах.
Любовь с молодостью имеет дело,
Иначе на свете что делать ей?!

(Перевод подстрочный).

“Агар ман барнагардам, мон ки бошад
Ҳамин гулдаста аз ман як нишона...
Ба чашмат ҳалка зад ашки чудой,
Бизад дар синаам оташ забона” [135, с. 13].

«Если не вернусь я, пусть будет
Букет этот памятью от меня...»

«Нафас бе ёди ту харгиз нагирам,
Чахон бе ту маро тор аст, танг аст.
Чудои аз ту бахрам – вартаи марг,
Ки он чо дасти марг афганда санг аст...» [135, с. 13].

“Без памяти твоей дышать не буду никогда,
Без тебя свет для меня не мил и грустен.
С тобой разлука для меня – бездна смерти,
Что там протягивают клещи камни смерти...”

Также олицетворением близости таджикских литераторов к узбекской поэзии является ещё один пример того, что таджикский литератор Сотим Улугзода писал стихи в годы Великой Отечественной войны на фронте на узбекском языке:

«Узок Фаргонадан майдонда жавлон этгали келдим,
Немисларни кириб ер бирла яксон этгали келдим.
Кишига жон ширин, аммо ватан бахти учун, дустлар
Агар лозим экан, жонимни курбон этгали келдим...» [126].

«Из далёкой Ферганы пришёл на поле битвы я,
Сравнять с землёй фашистов на поле пришёл я.
Жизнь каждому сладка, но друзья, ради счастья родины
Понадобится если, пожертвовать жизнью пришёл я.»

В этот период развития наших поэзий литературные связи приняли постоянный характер и эстетическое содержание. Стихи Гафура Гулома «Дружественному таджикскому народу» на таджикский язык перевёл таджикский поэт Мухиддин Фархат:

«Сафҳаи таърихи ёру ошноҳои мо
Аз сабоҳи асрҳо ҳамчун шафақ сар мешавад.
Ёфтем аз ҳиммати Модар-Ватан нашъунамо,
Дар канори Осиё ҷавлонгаҳи мардон бувад.
Панҷакатро аз Варахш, охир, чи фарқ андар шукӯҳ?
Кори ду халқи ба ҳам ёру бародар ҳаст ин.
Вориси Суғди куҳан ҳастем дар водию кӯҳ,
Ҳар ки ҷӯяд фарқ, гардад таъна дар рӯи замин.
Дӯстии Ҷомию Навоӣ баҳри мо
Ҳаст рамзи дӯстии безаволи халқҳо.
Асрҳои аср монад ҳамсафию ҳамдамӣ,
Байни ин ду халқ н-афтад тафриқа ҳатто каме...
Ҳамчу Сино дониши тоҷик дорад куллаҳо,
Шеърӣ тоҷикист дорои камолоти Камол,
Ҳар киро ҳам менамояд ҷалбу мафтун доимо,
Тоҷикистон ёфт зеб аз ин замони бемисол...»

Уместно отметить, что стихи Гафура Гулома посвящённые 80-тилетию С. Айни на таджикский язык перевёл таджикский поэт М. Фархат, которые звучат так:

«Ба ту зебида, ҳамчун субҳи содик, оқсаққолӣ,
Дар ин син мешавад, чун субҳидам, умри чавон оғоз.
Ҷунон умре, ки пур аз ишқу эҷод асту икболе,
Ҷунон умре, ки хар барно бувад хушбахту сарафроз...
Ватан хар лаҳза мегардад тавоно дурахшонтар,
Ҳазорон «Шохнома» мешавад хуррам, ҳаёти мо

Барои шахасар бинвиштан, эй устои бехамто,
Сафи ахли калам пур мешавад аз навдаҳои тар».

Узбекский поэт Гафур Гулом поддерживал тесные и дружественные отношения с таджикским поэтом Мирзо Турсунзода и перевёл его стихотворение на узбекский язык:

«Эй қалам, шеър аҳлига манзур қурол,
Шод булиб, эл бахтини куйларга сол.
Колмагин тонг чогида гафлатда сен,
Бул мудом халкинг учун хизматда сен.
Кундалик ишларни сев, дoston кил!
Куй билан эл хизматин осон кил!
Дустларинга доимо бергин кумак,
Дилда рух ошсин ва куч олсин билак.
Суз билан гиштар куйиб, кургин бино,
Мамлакат хуснига сен куйгин бино».

(Из статьи «Шаркимизнинг улкан шоирига», VIII-333)

О, перо, достойное поэта,
радуйся, воспевай счастье народа.
Открой глаза, с утра не будь беспечным,
всегда будь на службе своего народа.
Люби свои дела и их ты прославляй,
и облегчи труд своих друзей и близких!
Будь опорой друзьям своим.
Пусть возвысится дух и сильной станет рука,
Из слов как кирпичей, создай строение такое,
Чтоб украшало твою страну (державу).

(Подстрочный перевод).

Гафур Гулом перевёл стихотворение «Возвращение» М. Турсунзаде на узбекский язык под названием «Ватанга кайтув» (Возвращение на Родину):

М. Турсунзаде:

“ Чун ниҳодам пой худро бар сари хоки Ватан,
Борҳо бўсидам аз рухсораи поки Ватан.
Муддате будам агарчи дур, аммо дар ёди Ватан,
Мевазонидам ба сар боди фараҳноки Ватан.
Хешро мебинам акнун боз дар оғӯши ӯ,
Боз мехонам суруди тозае дар гӯши ӯ.
Боз мегирам нафас ман аз ҳавои беғубор,
Боз менӯшам ман об чашмаи пурчӯши ӯ” [120, с. 235].

Перевод Г. Гулома:

“Мен качон туккан Ватан тупрогига куйдим кадам,
“Тоза рухсорига юз суртиб упардим дам-бадам.
Озгина муддат узоклашдим, бировек ёди анинг,
Бошим узра тонг елидек чеврилар эрди шу дам.
Энди дустлар багрида узни куриб туйгай кузим,
Кайта айтгайман кулогига бу кун ширин сузим.
Кайтиб олгайман нафас тоза хавосидан анинг,
Кайта ичгайман кониб кайнар булогидан анинг” [32].

Когда я ступил на землю Родины,
Много раз я целовал чистую щеку Родины.
Меня давно не было, но я помню свою родину.
Я дую счастливым ветром Родины.
Я вижу ее сейчас, снова в её объятиях,
Я снова пою ей на ухо новую песню.
Я буду дышать снова непыльным воздухом,
Снова пью воду из её горячего источника.

(Подстрочный перевод).

Это сотрудничество и дружба двух великих поэтов свидетельствует об их близких взглядах и воззрениях, что является очень важным для осуществления перевода стихов друг друга.

Подтверждение дружеских отношений Гафура Гулома и М. Турсунзода видно из стихотворения «Барно йигит» (Красавец парень) М. Турсунзаде написанного в 1963 году и посвящённого 60-летию Г. Гулома. Оно так звучит на таджикском языке:

“Шастсола шоири маҳбуи мо,
Дӯсти ҷонӣ, рафики хуби мо
Мо ғуломи табъи пурҷӯши туем,
Мисли ҷону тан дар оғӯши туем!
Назмро дарёи бепоён Гафур,
Дӯстиро чашмаи ҷӯшон Гафур.

...Бо муҳаббат гӯямат барно йигит,
Хушқаду қомат доно йигит,
Кӯҳ ҳам дорад сафеди бар сараш,
Рӯд ҳам чин дар руҳи софу тараш.
Назми ту кори ҷавонӣ мекунад
Бо ҷавонон зиндагонӣ мекунад.
Шӯр андозад ба дил оҳанги ӯ,
Ранг бахшад ранги моро ранги ӯ.

Кам нагардад табъи оташбори ту,
Қувваи ашъори ту, ашъори ту” [122, с. 230].

Это стихотворение на узбекский язык перевёл узбекский литератор Х. Хомиди следующим образом:

«Ёши олтмиш шоири маҳбубимиз,
Жонажон дусту рафики хубимиз.
...Меҳр бирла айтаман: барно йигит.
Хуш кадду, хуш комату доно йигит.
Тогнинг ҳам бошида бордир оклик,
Сой юзида товланиб окмоклик.
Навкиронлардек тетик назминг Гафур,

Навкиронлар барладир, азминг Гафур...
Куйларингдан жуш урар диллар мудом,
Сузларинг куйлаб юрар тиллар мудом.
Булмасин кам, оташин шеъринг сенинг.
Шеърларда куйлаган мехринг сенинг...»

Наш любимый шестидесятилетний поэт,
Джонахон наш лучший друг.
«... Я скажу по-доброму: он хороший парень.
Удачи, удачи, умник.
На вершине горы есть свет,
Вы сможете плавать на поверхности ручья.
Гафур, твоя песня свежа, как навкироны.
Навкироны - барла, твоя решимость - Гафур...
Сердца всегда бьются под твои мелодии,
Твои слова всегда воспеваются языками.
Несмотря ни на что, пламенная поэма твоя.
Любовь, о которой ты поешь в стихах, твоя...

(Подстрочный перевод).

В 1951 году Гафур Гулом впервые на узбекский язык перевёл прозведение «Индийская баллада» М. Турсунзода и стихотворение «Тара-Чандра»:

«Газал дунёсини тузди
Тамоман янгидан Бедил,
Шеър бустонинг хусни
Безди рангидан Бедил.
Суз айтган чоғда эркиндур,
Вале пинхон эрур маъно
Мисоли инжуларни багрида
Яширин тутар дарё.
На муфтий эрди, на мулло,

На бетавфик рухоний» [32, с. 10].

«Хамиша эрди инсоний.

Мудан хам Комделар санъатига

Хар замон койил

Ёронлар севгусин назм

Ипларига тизгувчи Бедил.

Мудан овозига мафтуну

Комде раксига шайдо.

Кунгил кони билан

Ушшок шеърни айлади пайдо.

Эрусин Комде янглиг

Хусну санъатининг жахонгири

Сен эй раккосаи даврон

Тара-Чандри, Тара-Чандри» [32, с. 10].

Он создал мир газелей

Полностью новый Бедиль,

Стихотворение слава бюста

Бедил от цвета скуки.

Слово свободно, когда оно говорит.

Пример в лоне жемчуга

Скрытая река.

Ни муфтий, ни мулла

Ни невинный священник.

Он всегда был человеком.

Отсюда к искусству юмористов

Всегда нравится

Стихотворение для влюбленных

Бедиль, стрингер.

Очарованный голосом Мудана

Готов танцевать Комде.

С шахтой Кунгил
Ушшок перевернул стихотворение и появился.
Новости Эрурсин Комде
Мир искусства Хусну
Вы танцор
Тара-Чандри, Тара-Чандри.

(Подстрочный перевод).

Также в перевод стихов классиков таджикской литературы внёс свой вклад узбекский поэт Гафур Гулом. Среди переведённых произведений классиков таджикской литературы особое место занимают произведения выдающихся представителей персидско-таджикской литературы – касыда (ода) «Шикоят аз пири» (Сетование на старость) Рудаки, стихи из «Гулистана» (Цветника) Саъди, маснави и газели Абдурахмана Джами, газели на таджикском языке Навои-Фони, рубаи Бедиля. Так, например отрывок стихотворения из «Гулистана» Саъди на таджикском звучит следующим образом:

«Ба чи кор оядат зи гул табаке,
Аз «Гулистон» -и ман бубар вараке.
Гул ҳамин панҷ рӯзу шаш бошад,
В-ин «Гулистон» ҳамеша хуш бошад» [110, с. 57].

В переводе Г. Гулома:

«Хар нечук гул дилингни килмас чоғ,
«Гулистон» имдан ол бирор япроғ.
Гул замони беш, олти кундур бас,
Бу «Гулистон» хамиша пок нафас» [32, с. 10].

«Что ты делаешь с тарелкой цветов?
Вот страница из моего "Гулистана".
Цветку пять дней и шесть,
Пусть этот «Гулистон» всегда будет счастлив.»

В 50-е годы таджикский поэт Абдусалом Дехоти также осуществлял перевод узбекских поэтов классиков. Так, например, он перевёл газель «Эй, пари» (Эй, пери) узбекского поэта классика просветителя Муками на таджикский язык.

Один бейт газели Муками на узбекском языке звучит так:

«Мулки Хинду Марвдин келсам, топардим эйтибор,
Шул эрур айбим, Мукимий, мардуми Фаргона ман!»

В переводе А. Дехоти:

«Гар зи Хинду Марв оям, обрӯ меёфтам,
Айбам ин аст, эй Муками, мардуми Фаргона ман!» [38]
«Коль вернусь в Мерв из Индии, приобрету почёт,
Моя вина является, эй Муками, что я из Ферганы.»

Абдусалом Дехоти относился с особой искренностью к узбекской литературе, что отразилось в стихотворении «Муқимӣ, зиндаи!» (Муками жив!), написанном в стиле «ширу шакар» - на двух языках:

«... Фахрлан энди, Муками, бу гузал юртинг билан!
Фахрлан энди, шарафли мардуми Фаргона сан!
Тоҷикон хам дар сафи узбек бародарҳои худ,
Зинда медоранд номатро дар ашъору суруд» [38].
«... Теперь гордись, Муками, своим красивым краем!
Теперь гордись, ты Фергана народом славным!
Таджики вместе с братьями узбеками в строю,
Твоё имя в стихах и песнях возрождают.

(Перевод подстрочный).

“Ҳофизи узбек мехонад сурудатро ба шавк,
«Ҷон!» мегӯяд рафиқи тоҷики ӯ карда завқ.
Духтари узбек мехонад: «Қародур кузларинг!»
Духтари тоҷик мегӯяд: «Қизил гул юзларинг!» [38].
«С охотой твою песню поёт узбекский певец,
«Джон» (душенька) от удовольствия

говорит его друг таджик.

Узбечка поёт: «Чёрный жемчуг очи твои!»

Таджичка говорит: «Алая роза губы твои!»

“Дар фазои бегубори кишвари озоди мо,
Мепарад назми хушохангат сабуктар аз сабо.
Баски номат дар суруди халкхо дорад маком,
Ту мукими хонаи дилхои мо хастии мудом!
Гарчи панчоҳ сол пеш чашм аз чахон пушидаи,
Бо сурудат хамрахи мо, Мукими, зиндаи!” [38]

“В чистом просторе нашей свободной страны,
Легче ветра летит твоя сладкозвучная поэзия.
Коль имя твоё всегда в песнях и стихах народа,
Ты сохранён в наших сердцах навечно!
Хоть закрыл ты очи пятьдесят лет назад,
С песнями своими вместе с нами, Мукими, ты живой!”

А. Дехоти в своих научных трудах «Великий узбекский поэт и мыслитель А. Навои», «Мастер двух языков и двух литератур» и в десятках других публицистических произведениях старался, чтобы учёные и литераторы обратили внимание на проблемы дружеских и братских связей двух народов. А. Дехоти отмечал, что до А. Навои были осуществлены попытки создания турецко-узбекской литературы в Средней Азии, некоторые учёные из тимуридов писали поэтические произведения. Но несмотря на это основная задача времени – полностью изучить и переработать, довести турецко-узбекский язык до уровня персидского при поэтическом изложении не была решена.

Лишь стараниями А. Навои при всестороннем изучении возможностей своего родного языка, он пришёл к выводу, что начиная с создания малых поэтических форм (газели, рубаи, кытты), до больших героических поэм и научно-философских произведений – можно создавать всё. Впоследствии он приступил к осуществлению намеченного.

Например, в своей касыде «Тухфат - ул - афкор», написанной на таджикском языке (А. Навои писал на двух языках), имеющей философский смысл, он использовал стиль замысла:

«Шах, ки ёд аз марг н-орад, з-уст, вайрони мулк,
Хусрави бекибат хусри билоду кишвар аст» [11].

«Шах, не вспоминая о смерти,
причина разрухи государства.
Хосроу не думающий о последствиях,
наносит ущерб городу и стране.»

В пятидесятые годы А. Дехоти перевёл на таджикский язык несколько произведений узбекских литераторов. Например, он перевёл комедию «Сузани шоҳӣ» («Шахское сюзани») известного узбекского писателя Абдулло Каххора, пьесу «Сирҳои дил» (Сердечные тайны) узбекского драматурга Бахрома Рахмонова.

Под воздействием поэзии Хафиза современные узбекские поэты М. Шайхзода, Э. Вохидов, А. Орипов писали одухотворенные стихи в стиле «ширу шакар». Так Максуд Шайхзода писал:

«Юзда хиндий холин курган ухлай олмас етти кун,
Минг бир кеча эртагидир кокилида хар тугун.
Унга манзур булар дея бир бахона тукдим,
Ва Хофизнинг газалидан машхур байтни укдим.
«Дилимни сийласа шояд у Шероз шаҳри жонони,
Кора холига бергайман Самарканду Бухорони».

"Он не мог спать семь дней с индийской улыбкой на лице.
Это как в сказке тысячи и одной ночи.
Я дал ему оправдание, сказав, что они ему нравятся,
И я прочитал знаменитый стих из газели Хафиза.
«Если он поцелует мое сердце, может быть,
Он душа города Ширазы,
Я отдам Самарканд и Бухару Кора Холи».

Написанные в 60-70-е годы узбекской поэтессой Зулфиёй стихотворения «Душабешахр» (Город Душанбе), «Каробат» (Родство), «Баходурони сахро» (Богатыри полей), «Харорат» (Теплота) свидетельствуют о братских традициях и обычаях наших народов и теплых отношениях. Таджикский поэт Мухиддин Аминзода перевёл её стихотворения на таджикский, отрывок из одного из них, «Родство» приводим для примера:

«Гаштанд дучорам хама чо ёру бародар,
Хар су назари лутфу карам гашт ба ман боз.
Аз мехру мухаббат дили мо гарки харорат,
Бо калби самимона бигуфтем ба хам роз.
Ин дидаву дилхо хама доранд каробат,
Зеро шуда пурнур зи як чашмаи хуршед,
Бишнохта номи худу бо хам шуда пайваст.
Аз руи китобе, ки кунад дусти човид».

«Повсюду встретил я братьев и друзей,
Открылось отовсюду мне щедрость и милосердие.
В тепло погружены от ласки и любви наши сердца,
Поведали тайны сердец с искренней душой.
Родство имеют эти взгляды и сердца,
Так как один у них солнечный источник,
Познав друг друга, мы соединились.
По книге, что дружбу делает вечной.»

Таджикский поэт А. Воситзода перевёл стихотворение Зулфии, отрывок которого приведён ниже:

«Дуст донад, оре, кадри дусти,
Кадри хешию табори, ёвари.
Боз як бори дигар дар ин сафар
Ман ба ин хикмат бикардам бовари.
Гар забони мо дигар, манзил дигар,

Орзую максади моён яканд.»

«Знает цену дружбы, да, только друг,
Цену родства и покровительства.
В этом путешествии ещё раз
Поверил я в мудрость эту.
Хоть наш язык другой, и обитель другая,
Едины наши мечты и цели.»

В эти годы наряду с поэтессой Зулфиёй, литературной деятельностью занимались и писали стихи такие поэты, как Миртемир, Шайхзода и Уйгун.

Стихотворения, которых переводились на таджикский язык. Так, таджикский поэт Абдумалик Бахори перевёл стихотворение «Мухаббат» (Любовь) узбекского поэта Уйгуна:

«Гуфти, ки сафед шуд агарчи муют,
То хол суруди ишк эчод куни...
Ин саё талоши зиндагони чи зарур,
Дилро ту агар зи ишк озод куни?!»
«Говоришь, что коль поседели волосы твои,
Творишь до сих пор стихи о любви...
Зачаем эти старания и хлопоты жизни,
Коль ты освободишь сердце от любви?!»

«Аз ишк ба инсон набувад чои гурез,
Ишк асту садокат, ки саодат бокист.
Аз ишк бувад хаёт ин гуна азиз,
Дил то ба задан бувад, мухаббат бокист.»

«Нет человеку места, чтоб скрыться от любви,
Есть любовь и преданность, блаженство вечно.
Такой дорогой жизнь бывает от любви,
Сердце пока бьётся живо, любовь вечна.»

«Он дил, ки зи завку шодмони холист,
Бар хонаи вайронаю бекас монанд.

Он дил, ки хабар надорад аз оташи ишк,

Чун бар рахи ёри хеш нур афшонад?!»

«Сердце без восторга и радости,

Схоже с развалинами и бесприютом.

Сердце без пламени любви,

Как может освещать путь подруге любимой?!»

Проведение литературных недель на родине друг друга, начиная с конца пятидесятых годов, стало традиционными. В то время М. Турсунзода сказал: «Неделя узбекской литературы в Таджикистане проводится впервые. Но наши литературные связи делятся многие века. Имена Джами и Навои, Фуркат и Асири одинаково звучат на наших языках. Сейчас нет ни одной таджикской семьи, где бы не было книг современных узбекских литераторов, таких как Ойбек, Гафур Гулом, Шароф Рашидов, Уйгун, Зулфия и другие. Десятки лет не сходят со сцен театров произведения Хамзы Хакимзода, Комила Яшина и других узбекских драматургов».

В конце 60-х годов была проведена Декада таджикской литературы и искусства в Узбекистане, которая отличалась от предыдущих встреч и недель литературы. В состав литературной делегации входили председатель правления Союза писателей Таджикистана, поэт и академик М. Турсунзода, М. Миршакар, С. Улугзода, Дж. Икромии, Р. Джалил, Б. Рахимзода, А. Шукухи, Ф. Ниёзи, А. Каххори, А. Бахори, М. Каноат, У. Раджаб, Г. Сулаймонова, М. Хакимова и другие деятели искусства.

В честь данной Декады издательство художественной литературы имени Г. Гулома издало ряд книг таджикских литераторов: «Избранные сочинения» А. Лахути, «Стихи и поэмы» М. Турсунзода, «Любовь горянки» М. Миршакара, «Улица влюблённых» А. Шукухи, «Песня и река» А. Каххори, «Песня» Б. Рахимзода, «На том свете» и «Староверцы» Ф. Мухаммадиева и другие были переведены такими узбекскими литераторами, как Г. Гуломом, Р. Бободжоном, Чустии, М. Шайхзода, Т. Джалоловым, Ш. Шомухаммадовым, Аширматом и другими.

В конце десятилетия двадцатого века были проведены дни литературы наших народов. Так, в 1989 году в честь 80-тилетия Джалола Икромидни дни таджикской литературы были проведены в городе Бухаре. На этом мероприятии с таджикской стороны участвовали поэты Бозор Собир, Убайд Раджаб, Гулназар, Хабибулло Назири, литературовед, академик Мухаммаджон Шакури и другие под руководством секретаря правления Союза писателей Ибода Файзулло.

Благодаря независимости появились новые возможности для развития таджикской и узбекской литературы. В эти годы в таджикской и узбекской поэзии более широкое развитие и значение в поэзии получили философский смысл и человеколюбие. Получило дальнейшее развитие отображение в образной и действенной форме социальных проблем. Поэтические книги узбекских поэтов: «Ишонч куприклари» (Мосты понимания), «Куш тили» («Объединённый язык») А. Орифова, «Куй авжида узилмасин тор» (В заморозки не порвётся струна) Э. Вохидова, «Яхшидир аччик хакикат» (Хорошее дело горькая правда) Мухаммада Юсуфа, «Ишк кемаси» (Лодка любви), «Сукунат» (Молчание) Рауфа Парфи, «Сабр дарахти» (Дерево терпения), «Бахорим еллари» (Весенние напевы) Мирзы Кенджабаева, «Найсон» (Весна) Абдували Кутбиддина, «Бахтли йул» (Дорога счастья), «Сочлари сумбул» (Волосы красавицы) Эшкобила Шукурова и другие отличаются гражданностью и конкретным психологическим содержанием, живительные стихотворения таджикских литераторов - Муъмина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира, Гулрухсор Сафиевой, Фарзоны, Камола Насруллы, Аскара Хакима и других имеют конкретные черты философии, самосознание и всеведущности.

Особо следует отметить, что на основе этого литературного процесса, таджикско-узбекские литературные связи также приобрели новые формы, изменилось их эстетическое значение.

В последнее время в разных формах отражаются личные отношения и изучение взаимного опыта. Здесь можно упомянуть о проведении

совместных торжеств, чествование выдающихся литераторов и обсуждение литературных явлений за круглым столом и другие мероприятия.

Например, узбекский поэт и искусный переводчик Джамол Камол перевел рубаи таджикских классиков в стиле аруза под названием «333 рубаи» в 1991 году, «Маснави маънави» (Месневи духовное) Джалолиддина Руми в традиционном собственном стиле в 2001 году. Также поэт и переводчик Матназар Абдухаким перевёл на узбекский язык рубаи Пахлавона Махмуда в метрическом стиле в 1992 году. Узбекский литератор и переводчик Эргаш Очиллов перевёл персидско-таджикские рубаи в своей книге «Минг бир рубои» (Тысяча одно рубаи) в 2009 году.

Таким образом, подводя итоги данного раздела диссертации необходимо сказать, что государственная независимость, придавая новое духовное богатство литературным связям наших народов и укрепляя традиционные формы этого важного фактора прогресса наших литератур, сообщает воодушевление новым видам связей. Взаимные переводы между нашими литературами, обмен опытом и творческие диалоги в рамках декад, недель и дней литературы в наших странах, дружеские личные связи и творческое сотрудничество, издание журналов и совместных газет, научные заседания в форме конференций и симпозиумов являются основой обогащения наших литератур.

1.2.1 Таджикско-узбекские литературные связи советского периода в высказываниях писателей Таджикистана и Узбекистана

В последние годы благодаря возобновлению политических, экономических, социальных и культурных взаимосвязей двух соседских и братских народов активизировались литературные контакты Таджикистана и Узбекистана, о чем свидетельствует проведение мероприятий различного уровня с их участием. В этой связи наше внимание привлекли к себе

высказывания знаменитых таджикских литераторов XX столетия о литературных контактах двух стран и народов. Здесь хотелось бы изложить некоторые из них, чтобы дать оценку процессу данного взаимодействия. Поскольку они были напечатаны в таджикских изданиях, в частности журнале «Садои Шарк» мы привели все эти выдержки в своем переводе на русский язык.

Мирсаид Миршакар:

«- На угощении, которое было дано в честь столетия Максима Горького во Дворце съездов, мы, группа таджикских литераторов, встретились с узбекским писателем Хафизом Абдусаматовым.

Первый неофициальный тост был поднят в честь удачного завершения Декады таджикской культуры в Узбекистане. Этот тост предложил Хафиз Абдусаматов. Он рассказал, что сегодня в Узбекистане, кого бы вы не встретили или в чей дом бы не вошли, все говорят о таджикской литературе и искусстве, поскольку к Декаде таджикской культуры готовится весь Узбекистан. Мы намерены принять вас как родных братьев и ещё раз показать древнюю дружбу наших народов.

Хафиз сказал правду. Ведь тот дворец дружбы, фундамент которого был заложен мастерами слова Абдуррахманом Джами и Алишером Навои, а Октябрьская революция завершила это строительство, больше прежнего сближает нас, увеличивает нашу любовь и уважение и очищает наши сердца.

После революции свободная таджикская республика испытывала необходимость в большом количестве специалистов. Но в республике отсутствовали возможности для подготовки высококвалифицированных кадров. Узбекские братья протянули нам руку помощи. В Ташкенте и Самарканде для таджикских выпускников средних школ открылись училища и институты. Из самых отдалённых регионов таджикские бедняки пешком и верхом на лошадях, на ослах потянулись в Узбекистан, и, получив образование, возвращались на службу Родине. Ряд литераторов и работников культуры также были питомцами институтов Ташкента, Бухары и

Самарканда. Благодаря этому, узбекский народ хорошо знает имена наших деятелей искусства и литературы, но и хорошо знаком с ними.

Лично я многократно посещал большие и малые города Узбекистана и у меня много близких друзей во всех его городах. Кроме того, за десять-пятнадцать последних лет в Ташкенте переведены и изданы пять сборников моих стихотворений, большинство из которых написаны для детей. Эта забота узбекских друзей стала причиной увеличения числа моих узбекских друзей. Поэтому я не только встречаюсь со своими узбекскими друзьями, но и заочно встречаюсь со своими узбекскими читателями, мысленно пожимаю им руки и вычёркиваю из сердца слово «заочно».

Когда присутствующие услышали мою речь, Шавкат Ниёзи и Расул Хадизаде с улыбкой ответили, что точно такие же слова мы слышали от Мирзо Турсунзаде, Рахима Джалила, Сотима Улугзаде, Фотеха Ниёзи, Джалола Икрами и других, и мы сами с такими же намерениями едем в Узбекистан.

Обычно, когда люди выходят в дальнее путешествие, они с собой берут немного родной земли, чтобы соединить её с водой чужой страны и выпить (для того, чтобы адаптация прошла легко – М.М.). Но нам это не нужно, у нас один воздух, мы пьём воду из одной реки, а электроэнергетическое предприятие «Дружба народов» озаряет наши сердца, дома и путь друг к другу».

Джалол Икром:

«- Мы много говорили и говорим о дружбе двух народов, об их схожести и взаимосвязи, но обязательно следует отметить, что эта схожесть и связь неповторимы. Как невозможно отделить мясо от ногтя, также нельзя разделить эти два народа.

Мы духовно и исторически едины и живем на одной земле. Всякий, кто сеет рознь между этими двумя народами, является нашим врагом.

Поэтому и наши литературы издревле были созвучными. Хотя и отличается язык, едиными остаются дух, содержание, мелодика и звучание

наших слов. Подобно тому, как до Октябрьской революции у нас отсутствовало понятие «художественная проза» в сегодняшнем понимании, у узбеков так же! Проза, подобная произведениям «Чор дарвеш» (Четыре дервиша), «Ҳотамнома» (Книга о Хатаме), “Чомеъулҳикоёт” (Собрание рассказов) и другим, была и у нас, и у узбеков.

Однако сегодняшняя узбекская реалистическая проза начинается с Айни, и у нас это дело было начато Садриддином Айни.

Я в этом своём кратком обращении хочу выразить приветствие и безграничное уважение дружественному и братскому, трудолюбивому и талантливому узбекскому народу. Затем выражаю искреннее уважение писателям и поэтам, особенно высокочтимым прозаикам Узбекистана.

На моё литературное развитие в том числе оказали огромное влияние и узбекские литераторы. В самый разгар моего книгочтения (в двадцатые годы) на меня большое влияние оказали произведения Абдулло Кодире. Та чёткость, совершенство и изящество, которые наблюдаются в наследии Абдулло Кодире, встречаются не у многих литераторов. Первым романом, который я с наслаждением прочитал на узбекском языке, был “Ўткан кунлар” (Прошедшие дни). Это выдающийся роман в полном смысле этого слова! Этот роман и другие произведения Абдулло Кадири оказали на меня положительное влияние.

Знаменитый узбекский писатель Ойбек очаровал меня своим романом “Навои”. Абдулло Каххор подобно искусному ювелиру владеет всеми тонкостями создания художественной прозы. Приятная и привлекательная проза Гаффура Гуляма и Шарофа Рашидова также завораживают. Произведения моего молодого друга Аскара Мухтара, знаменитый роман Исмаили “Фаргона тонг отгунча”, сладостная проза Хамида Гуляма, Рахмата Файзи, Суннатулло Анорбаева и других также придают мне безмерное эстетическое наслаждение.

Я несказанно рад и расстроган тем, что издательства Узбекистана переводят и публикуют произведения таджикских писателей; тонкие знатоки

языка – *узбекские литераторы - прилагают много усилий по переводу и редактированию наших произведений. Декада таджикской культуры станет новой страницей в книге дружбы таджикского и узбекского народов*”.

Рахим Джалил:

“Когда мне сообщили приятную новость о том, что я тоже поеду на Декаду таджикской культуры в Узбекистан, я сразу же подумал о моём дорогом и почитаемом друге Гафуре Гуляме. Не как о человеке, о горе, которого уже нет с нами, а как об эрудированном и смелом предводителе советской узбекской литературы, об одном из её интеллектуальных основоположников, ценное наследие которого будет жить в веках, и который сейчас находится впереди всех своих коллег по цеху.

Я не могу представить без Гафура Гуляма трудолюбивую и любимую многочисленными читателями армию нашей многонациональной творческой элиты, сегодняшнюю передовую литературу советской нации, её завтрашний день без произведений этого эрудита с великим сердцем, точно также как невозможно представить узбекскую литературу без Айни, Хамзы, Хамида Олимджона.

Поэтому и в этот раз, когда мы направляем свои шаги в дом дорогого брата Гафура Гуляма в Ташкенте, мысленно я представляю, как он широко раскрывает свои объятия, с искренней радостью выходит встречать нас, и как всегда, он, слегка наклонив свою большую аристотелевскую голову, свои широкие рустамовские плечи, произносит строку из Хафиза Ширази, которую он часто повторял:

- Карам намову фуруд о, ки хона хонаи туст! (Сделай милость и снизойди, ведь этот дом – твой дом).

С Гафуром Гулямом меня впервые познакомил Хаким Карим в фойе Дома Союзов в перерыве первого Всесоюзного съезда писателей. Я заочно знал этого известного уже тогда не только для своих, но и таджикских читателей литератора. Но я никак не мог предположить, что Гафур Гулям свободно владеет нашим языком, более того, он ни в коем случае не путал

произношение букв “х” и “х”, как это делали многие его соотечественники. В перерыве съезда, мы – трое, зашли в столовую и пообедали. Во время беседы я узнал, что мой новый знакомый хорошо осведомлён и о таджикской классической литературе.

Со временем наше с Гафуром Гулямом знакомство переросло в настоящую дружбу. Как только я проездом находился в Ташкенте, как говорится, моим местом обитания становился его дом, и когда он оказывался на трассе Коканда, по которой он часто ездил, мой дом становился местом его обитания. И даже если нам не удавалось встречаться некоторое время, мы постоянно переписывались.

Однажды, возвращаясь из Москвы, по причине того, что отсутствовала возможность сойти и встретиться с братом, я с ташкентского железнодорожного вокзала отправил ему письмо, в конце которого как пожелание встречи был наспех симпровизирован следующий рубаи:

“О друг мой любезный, Гафур,
Талантлив и смел, без цензур,
Неустанно ты пишешь для советского народа,
Партия твердит тебе: “қандингни ур!”

Не затягивая с ответом, Гафур Гулям после упрёков о том, что я, не встретившись, уехал, красочно описал, какие удивительные розы расцвели в его дворе, настойчиво пригласил посетить его дом и завершил своё письмо следующим рубаи:

“Душевный мой друг, Рахимджони Джалил,
Сделай милость, зайди, чтоб я душу излил.
Погостил бы с келин три-четыре денька,
И чтоб Пулада с Гульру ты с собой прихватил.”

Пулад и Гульру в четвертой строке были шуткой, а смысл заключался в том, чтобы я приехал с женой и детьми, кроме того, это был намёк на то, чтобы я ему подарил обещанный томик свежееизданного романа “Пулод ва Гулру”.

Гафур Гулям неусыпно ратовал за укрепление дружбы народов, особенно таджикского и узбекского. У него в микрорайоне Себзор Ташкента был знакомый, который женился на девушке из Бухары. Из четверых детей двое старших говорили на языке мамы (таджикском), а двое младших – на языке папы (узбекском). Но все они очень хорошо понимали друг друга. Однажды Гафур Гулям повёл меня к ним в гости и в беседе сказал:

- Эта семья, брат мой Рахим, наглядно отображает прошлое и настоящее двух наших наций. Обрати внимание, у нас с вами не только общие традиции и обычаи, но даже имена. У меня узбека фамилия Гулом, а у вашего Мирзо фамилия Турсун.

- Мы – две стороны одной страницы в книге истории народов, - сказал я в ответ, что сильно ему понравилось, и он, взяв мою руку, крепко пожал её.

Спустя тридцать два года после первой встречи с Гафуром Гулямом, мы вновь встретились с ним два года назад, когда он приехал в Душанбе в качестве гостя пятого съезда писателей Таджикистана. В перерывах между заседаниями съезда мы увлекались беседами. Однажды я прочёл ему стихотворение из романа «Шуроб», написанное на трёх языках – таджикском, узбекском и русском. Газель ему понравилась. Сейчас не помню, либо он говорил о том, что помнит такое смешанное стихотворение, либо обещает написать его и прислать мне. Но помню, что он вдруг поднял голову, внимательно посмотрел на меня и, положив руку мне на плечо, сказал:

- Рахим, послушай, почему бы нам не собрать воедино такие вот прекрасные стихи в стиле «ширу шакар» из Джами и Навои, Муками и Асири, которые по сегодняшней день написаны поэтами обоих наших народов, и не опубликовать их в виде сборника? Хоть бы нашёлся один боголюбивый и заинтересованный человек, чтобы собрать всё это. У этой книги было бы очень много почитателей.

В самый разгар нашей беседы подошёл фотограф и сфотографировал нас вместе с Мирзо Турсунзаде, и эта фотография в дни съезда издавалась в наших газетах, а одна из них хранится в моём альбоме.

Едем домой к моему дорогому брату Гафуру Гуляму. Будем показывать там новинки нашей литературы и искусства, и будем советоваться с нашими узбекскими братьями, в частности с великим советчиком Гафуром Гулямом, для их дальнейшего развития и процветания».

Боки Рахимзаде:

«- Я также был в составе участников Недели таджикской литературы в Узбекистане, которая проходила примерно девять лет назад. В то время мы в течение одной недели достаточно хорошо погостили на благодатной узбекской земле, выступали среди героев трудовых полей, рабочих заводов и фабрик, учащихся и студентов. Мы много говорили о дружбе и сотрудничестве, обменивались мнениями с узбекскими писателями, и эти наши взаимоотношения принесли хорошие плоды.

Тогда в ходе одной из бесед мне было предоставлено слово. Я начал свою речь такими словами: в целом, узбеки ушлый народ. И когда я несколько раз использовал слово «ушлый», председатель нашей делегации Сотим Улугзаде начал нервничать и беспокоиться о том, чтобы я не сказал чего-либо, выходящего за рамки приличия и не подобающего гостю. Он постоянно подстёгивал меня словами: говори быстрее, чего ты хочешь?!

Я сказал, что узбекские литераторы сначала повели нас на завод «Сельмаш», затем на пахотные земли, оттуда на строительство Фархадской ГЭС, после этого на ткацкую фабрику, и по пути показали металлургический завод в Бегабаде. Они показали нам эти объекты не без умысла, во всём этом был скрыт тайный умысел, который мы, таджикские писатели, поняли. Цель демонстрации тракторов и посевных земель состояла в том, чтобы мы вместе с этими мощными машинами сеяли зёрна дружбы, на стройке Фархад усилили эту дружбу силой его любви, на ткацкой фабрике крепко связали нити этой дружбы между собой, а на металлургическом заводе закалили эту

дружбу. Мои слова так сильно понравились присутствующим, что раздались многочисленные возгласы похвал и одобрения.

Действительно, дружба таджикского и узбекского народов закалилась благодаря многим факторам, особенно в наше время она укрепляется час от часу. Декада таджикской культуры является новой инициативой на пути развития нашей продолжительной дружбы и братства.»

Аминджон Шукухи:

«-Привет, цветущий Узбекистан! – говорим мы, и эти слова эхом отдаются от богатых горных недр, плодоносных садов и кипящих городов соседней республики. Таджикский и узбекский народы являются не только соседями, но и совместно проживают. Если взглянуть на географическую карту, то можно понять, что эти две цветущие республики советского востока словно вьющиеся цветы обвивают друг друга, и подобно влюблённым заключают друг друга в объятия. Мы ежеминутно ощущаем биение наших сердец, наслаждаемся запахом наших цветников.

Судьба таджикского и узбекского народов подобна судьбам наших рек: наши предки смотрели в воды Амударьи и Сырдарьи, видели бескрайние высушенные степи и пели полные грусти и сожаления песни. Но сегодняшние люди благодаря Октябрю провели воды рек в степи, построили новые города и новую жизнь и напевают песни, полные счастья и радости. Сияние общего света освещает дома, а плоды садов украшают наши дастарханы.

В эти торжественные дни Декады таджикской культуры мне представляется, что сам Алишер Навои, поднявшись из глубины веков, приглашает Абдурахмона Джами с его внуками и правнуками к себе на дружеское угощение, и оба этих великих мужа видят воочию свою сладкую мечту и радостно аплодируют.

В эти благие весенние дни мы принесли в братский Узбекистан песни и танцы своих артистов, вышедшие из сердец поэтов и писателей произведения, и бескрайнюю любовь таджикского народа. Пусть песни

сливаются с песнями, танцы с танцами, книги с книгами и придают плодородие и красоту нашему многонациональному саду нашей советской литературы.

Здравствуй, высокочтимые узбекские братья, здравствуй Узбекистан!»

Фотех Ниёзи:

«Наша любовь к братскому узбекскому народу имеет начало, но не имеет конца. И хотя мы – два народа с различными языками, всё же у нас издревле едины душа и сердце. Корни этого единства берут начало в верной дружбе и братстве наших предков. Нити нашей любви и единства связывают мудрость, вера, искренность великих и славных наших представителей, к числу которых принадлежат Алишер Навои и Абдурахмон Джами.

Пусть эта удивительная традиция будет устойчива в веках!»

Мавджуда Хакимова:

«В ходе одной из встреч, которая состоялась несколько лет назад с молодыми узбекскими журналистами, беседа незаметно перешла на поэзию. Узбекские товарищи наряду с самыми лучшими мастерами слова поэтессу Зульфию с большим уважением называли Зульфия-апа и прочитали её стихи. Я прочитала стихи Зульфийи на таджикском и сказала, что Зульфия-апа своими огненными строками проникла не только в сердца узбекских, но и таджикских читателей. Мы считаем её своей национальной поэтессой.

Эти слова я сказала от всей души, поскольку Зульфия-апа является одной из наиболее излюбленных мною поэтесс. Действительно, писать так искренне и обжигающе, как пишет она – нелегко. Огонь бывает разным. Есть палящий огонь, которого все сторонятся. И есть огонь, благодаря которому потухает тот первый огонь, и он освещает весь мир, озаряет сердца и глаза людей!

Сердце Зульфийи-апы, обогреваемое огнём любви к народу, вновь отдаёт это тепло народу вместе со своими строками. Огненные строки

льются из её горящего сердца на бумагу, и их искры проникают в сердца людей.

Говоря по правде, каждый раз, когда я читаю стихи Зульфийи-апы, меня накрывает мир наслаждения, которое придаёт мне новую энергию. Я очень рада, что еду в Узбекистан на Декаду таджикской культуры и встречу с Зульфийей-апа и другими узбекскими поэтессами».

Абдумалик Бахори:

«В моём альбоме есть фотография, на которой я у театра имени Навои в Ташкенте стою рядом с моими узбекскими друзьями. Помню, что тогда шло заседание, и мы как депутаты присутствовали на нём.

После собрания друзья попросили выйти с ними на прогулку по городу. Мы, взяв такси, поехали из центра города в Эскиджу, затем путешествовали по Хадре и Чиланзару, пусть поверхностно, но всё же ознакомились с проспектами и площадями этого прекрасного и древнего города. Несмотря на то, что я много раз бывал в Ташкенте, впечатления от этой поездки никогда не покинут меня...

В Ташкенте я никогда не ощущаю себя чужестранцем, с удовлетворением шагаю по улицам и рынкам, паркам и площадям, словно у себя на родине. И это, конечно, не с проста. Между двумя народами, смешавшимися за прошедшие столетия, у которых очень близкая история и судьба, лозунг о дружбе и братстве стал наследственной традицией. Мы видим ярчайший образец этой дружбы в образе Джами и Навои. Ведь недаром Навои о своём наставнике сказал:

«Агар устод май қилса ҳавола,
Ичарман гарчи гардундур пиёла.»

Перевод: “Если наставник нальет мне вина,
Выпью, хотя пиала - это весь мир.”

Мы, как говорит поэтесса Зульфийа, две строки в одном бейте. Каждый раз, когда приезжаю в Узбекистан, я больше прежнего чувствую эту братскую любовь.

Я очень счастлив, что в составе таджикских литераторов еду в Узбекистан и ещё раз буду гостить в городах и сёлах моих высокочтимых братьев. Я твёрдо уверен в том, что наша поездка будет плодотворной».

Гульчехра Сулаймони:

«-Не знаю, почему, но каждый раз, как наступает весна, я невольно вспоминаю свою малую родину – Бухару, своё детство и молодость.

Весна по-особенному приходит в гости бухарских улиц с небольшим количеством растительности. Первыми её вестниками являются аисты, которые выют свои гнёзда на синих вершинах минаретов и куполов, тысячелетних тутовников. Мне кажется, что небо нигде не бывает столь чистым и бескрайним, как в Бухаре. Ежечасно игривый ветерок приносит волны мускусного весеннего запаха из зеленых полей в окрестностях города.

Я каждый год гощу в Бухаре: вспоминаю своих друзей, годы молодости. Люблю после тесных и узких улочек сразу выходить на широкие и обустроенные дороги города, слышать на каждом шагу родную и сладостную таджикскую речь, смотреть на отголоски древнего полного тайн мира, на маленькие дворики с большими домами, на её бескрайнее небо, люблю её доброжелательных жителей.

Облик Бухары меняется день ото дня. Вместо пустырей и развалин сегодня предстают взору широкие дороги, высокие здания, аккуратные дворы. Везде сады и цветники. Жители города занимаются огородом в своих дворах. Образ Бухары полностью изменился.

Говорят, вода и благоустройство. Вода Амударьи, которая теперь посредством канала протекает через Бухару, придаёт этому древнему городу молодость. Я рада, что наряду с таджикскими литераторами в дни Декады таджикской культуры еду на свою Родину – Бухару, буду вдыхать её животворящий весенний воздух и увижу своих друзей».

Абдуджаббор Каххори:

«-Всякий раз, когда речь заходит о таджиках и узбеках, я вспоминаю семью, в которой есть близнецы, одного из которых зовут Хасан, а другого –

Хусейн. Обычно такие близнецы бывают столь похожи друг на друга, что их трудно отличить. Таджики и узбеки и есть те самые близнецы в одной семье.

Семья, в которой я родился и вырос, говорила, читала и писала и на таджикском, и на узбекском языках.

В нашей махалле моя мама была единственной женщиной, которая более или менее владела грамотой. Ночами, особенно зимними, в нашем доме собирались соседские девушки и женщины. Среди них было несколько узбечек, хорошо знающих таджикский язык.

Мама читала им стихи из древних книг. Конечно же, наряду со стихами Хафиза и Саади, украшением этих вечеров были вдохновляющие строки Навои. Возможно, это детское впечатление навсегда поселило в моём сердце любовь к узбекскому народу и Узбекистану...

Я неоднократно бывал в Узбекистане и прекрасно знаю гостеприимство и радушие узбекских братьев. Но я никогда не забуду поездку, которую мы с Абдусаломом Дехоти восемнадцать лет тому назад совершили на эту землю. Тогда я был работником газеты «Тоҷикистони Сурх» (Красный Таджикистан).

Наше путешествие началось с города Самарканд. Сначала мы поехали к устоду Садриддину Айни. Узнав о цели нашей поездки, устод начал с воодушевлением рассказывать об истории Ташкента, Ургенча, реки Аму, которая когда-то вливалась в Хазарское море, и посоветовал нам, прежде чем посетить Ташкент, ознакомиться с некоторыми книгами по истории этого города.

После Ташкента мы посетили город Нукус, оттуда поехали в местечко Тахиятош, затем в Худжайли и Ургенч. На обратном пути остановились в Бухаре и ознакомились с древней культурой нашего народа. Мы везде и всегда чувствовали себя как дома и воочию убеждались в том, что таджики и узбеки единые братья.

Сейчас перед новой поездкой невольно вспоминаю те незабываемые моменты. Возможно, и в этот раз мне удастся посетить те города и увидеть

своих давних друзей. Память о дорогих друзьях постоянно влечет моё сердце к ним».

1.3. Возрождение процесса таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости

Исторически сложилось так, что Центральная Азия... стала общим домом для киргизов, казахов, туркменов, узбеков и таджиков. Однако уникальна историческая судьба таджиков и узбеков – народов с общей историей и культурой, традициями и обычаями. Взаимоотношения между таджиками и узбеками поистине имеют многовековую и дружественную историю.

Как верно отметил выдающийся таджикский ученый - историк Б.Г. Гафуров «...в Средней Азии самые близкие, и родственные отношения складывались между таджиками и узбеками» [30, с. 34].

Благодаря дружбе и сотрудничеству народы Средней Азии на разных этапах развития своей культуры во взаимосвязи с друг другом, во времена правления образованных, нацеленных на развитие культуры, науки, музыки, зодчества, удивительный сплав неповторимой цивилизации.

В наши дни, многие бывшие союзные республики, в том числе Узбекистан и Таджикистан, обретшие свою государственную независимость, с новыми взглядами, концепциями укрепляют эту дружбу во благо обеих стран, опираясь на принципы добрососедства и взаимной дружбы. Это позволяет главам правительства Узбекистан и Таджикистана планомерно и уверенно выстраивать политику, гарантирующую достижения незыблемого мира и согласия.

Нацеленность на политику добрососедства, дружбы и сотрудничества такими словами подчеркнул в своей речи Президент Узбекистана Шавкат Мирзияев 10 ноября 2017 во время прохождения международной конференции: «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее,

сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания»: «Народы нашего региона связаны друг с другом тысячелетними узами братства и добрососедства. Нас объединяют общие история, религия, культура и традиции. Прочным фундаментом и гарантом устойчивого развития и процветания являются готовность и искреннее стремление к сотрудничеству, а также ответственность всех центральноазиатских стран за общее будущее».

Президент Республики Таджикистан, много сделавший для возвращения мира и согласия на таджикскую землю во всех своих речах подчеркивал, что дальнейшее укрепление связи Таджикистана и Узбекистана принесет желанные плоды и еще больше укрепит могущество наших стран, будет служить духовному и культурному обогащению.

Действительно синтез духовности, литературы, музыки и образа жизни двух наших народов не имеет аналогов во всей истории человеческой цивилизации, когда совершенно разные народы по происхождению, языку стали настолько близкими, что появилась пословица «Они как ногти, вросшие в мясо» - то есть их нельзя разделить и рассматривать их культуру, в особенности начиная с четырнадцатого века разобщенно.

Это можно увидеть на примере дружеских отношений Президентов Узбекистана и Таджикистана Шавката Мирзияева и Эмомали Рахмона, в их устремлениях во имя дальнейшего укрепления братских уз наших народов в духе нового времени [60, с. 7].

Всем известно, что во все времена главными глашатаями и проповедниками мира и согласия, дружбы между народами были представители литературы и искусства. Именно они могли пробудить в сердцах правителей любовь к народу и желание служить своему отечеству во блага процветания страны.

Так происходит и в наши дни. Тому свидетельством является состоявшееся весной прошлого года, по инициативе Союза Писателей Узбекистана и Таджикистана, культурно-просветительское мероприятие,

приуроченное 108-летию со дня рождения известного таджикского поэта Мирзо Турсунзода, проходившее на земле Узбекистана. На данном мероприятии, гостями во главе с председателем Союза писателей Таджикистана, народным поэтом Таджикистана Низомом Косимом приняли участие таджикские поэты и писатели, ученые и переводчики, а также творческая молодежь. Главная мысль, красной нитью проходившая во всех речах выступающих сводилась к тому, что узбеки и таджики как родные братья, вскормленные одним хлебом и водой, с общими традициями, обычаями и религией, что эти узы братства крепнут еще большей силой благодаря тому, что главы наших государств – Эмомали Рахмон и Шавкат Мирзияев своими решениями и деяниями, своей любовью к обеим народам еще больше подчеркивают общность истории и духовных ценностей. В творениях Мирзо Турсунзаде эта многовековая историческая дружба таджикского и узбекского народов отображена с невероятной любовью и высоким художественным словом. [60, с. 7].

Его произведения изданы многотысячными тиражами на узбекском языке. Мирзо Турсунзода был лауреатом премий Неру (1968 год), Рудаки (1970 год) и других. [87, с.63].

Его заслуги были высоко оценены после обретения Таджикистаном независимости и ему было присвоено звание «Герой Таджикистана». Примечательно, что Мирзо Турсунзода в годы юности жил и учился в Ташкенте, общался с выдающимися узбекскими поэтами и писателями и уже тогда написал несколько стихотворений, посвященных Узбекистану и узбекскому народу. Его творческая связь в дальнейшем с такими известными узбекскими поэтами и писателями, как Айбек, Гафур Гулям, Максуд Шейхзаде, Зульфия, Миртемир обогатила его духовно и способствовала рождению многих замечательных произведений, вошедших в сокровищницу узбекской и таджикской литератур [87, с.63].

Одним из активных проводников таджикской литературы в сердцах узбекских читателей является узбек по своей национальности, известный в

Таджикистане поэт Улмас Джамол. При постоянной поддержке Мирзо Турсунзаде в Таджикистане зародился и получил мощное развитие литературный круг узбекских поэтов, который долгое время возглавлял Улмас Джамол. Членами этого литературного круга были также и двуязычные поэты Таджикистана. Их произведения печатались в Таджикистане как на узбекском языке, так и в переводах на таджикский язык.

Улмас Джамол внес свою неоценимую лепту в дело перевода произведений таджикских поэтов на узбекский язык. Так, его перу принадлежат предельно близкие к тексту оригинала переводы поэзии М. Турсунзаде, Б. Рахимзаде, М. Каноата, А. Каххори, Л. Шерали, К. Киромы, М. Хакимовой, Г. Сафиевой и других.

Прав был Мумин Каноат, сказав: «Улмас – икки халк – узбек ва тожик халклари элчиси» (Улмас – посол двух народов – узбекского и таджикского).

Учитывая заслуги Улмаса Джамола в деле укрепления дружбы народов, перевода и публикациях таджикской литературы, борьбы за политическую и социальную стабильность в Таджикистане, Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмон 12 августа 1994 года обратился к Улмасу Джамолу с поздравлением по случаю 60-летия поэта, которое начал словами: «Мой дорогой друг Улмас Джамол!», что само по себе стало признанием заслуг поэта и проявлением уважения к нему.

По случаю 80-летия Улмаса Джамола в своем поздравительном послании члены Писательского Союза Таджикистана, в лице его президиума, также подчеркивали выдающиеся заслуги поэта и переводчика-билингва, отмечая, что он в своей творческой деятельности наряду с журналистикой внес весомый вклад в развитие узбекско-таджикских литературных связей.

Действительно, начиная с 1969 года по нынешние дни в Таджикистане такими издательствами, как «Адиб» и «Ирфон» было издано более 20 книг Улмаса Джамола в переводе на таджикский язык. Таджикские читатели

воспринимали сборники его стихов как оригинальные творения на таджикском языке, даже не думая, что это есть переводы. То есть, таджикские поэты стремились к тому, чтобы сохранить дух оригинала, мысли и чувства поэта, не допуская значительных трансформаций.

Учитывая огромные заслуги Улмаса Джамола в укреплении дружественных связей таджикского и узбекского народа он был удостоен орденом «Дусти» и высоким званием «Заслуженный журналист Таджикистан», а также государственной премией имени Абдулкасима Лахути.

Отдельного исследования также заслуживает многотрудная и целенаправленная творческая деятельность другого талантливой поэта и переводчика, узбека по своему происхождению, Джонибека Кувнока.

На витке новых исторических перемен, произошедших в республиках Таджикистан и Узбекистан важную роль в возрождении и укреплении дружбы и связей наших народов во всех областях науки и культуры сыграли и играют политические руководители Таджикистана и Узбекистана Эмомали Рахмон и Шавкат Мирзияев. Их политика в духе гуманизма и добрососедства принесла желанные плоды, еще сильнее и мощнее отражаясь во взаимном уважении и дружеских отношениях двух братских народов. «Независимые Таджикистан и Узбекистан неразрывно связаны традиционной и искренней многовековой дружбой, взаимным уважением и братскими отношениями наших народов, обладающих бесценным культурным и литературным наследием». [87, с. 8].

В 2017 году, после долгого перерыва деятели культуры Узбекистана посетили Таджикистан и убедились, насколько их таджикские почитатели соскучились по ним. После этого в Ташкенте прошли Дни таджикской культуры, и, как свидетельствует СМИ и очевидцы, в те дни в связи с визитом таджикских братьев на улицах столицы Узбекистана царил праздничная атмосфера. В рамках дней культуры Таджикистана в Узбекистане состоялась встреча председателя Союза писателей

Таджикистана Низама Косима с его узбекским коллегой Мухаммадом Али, в ходе которой был затронут вопрос о переводе и издании наследия писателей двух стран. Было достигнуто соглашение, на основании которого в Узбекистане и в Таджикистане будут изданы литературные сборники. [87, с.8].

Проведение Дней культуры в Таджикистане и Узбекистане стало новой главой в истории таджикско-узбекских литературных связей. С учётом результативности этого грандиозного мероприятия, главы государств – Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзияев в пункте 7 своего совместного заявления об укреплении дружбы и добрососедства отметил: «Главы государств высоко оценили успешное проведение Дней культуры Республики Узбекистан в Республики Таджикистан, и также Республики Таджикистан в Республики Узбекистан в 2017 году». [87, с.2].

В завершении своего приветственного слова Президент Республики Таджикистан, Основоположник мира и национального единства, Лидер нации Эмомали Рахмон подчеркнул, что «наша интеллигенция, наши поэты и писатели должны переводить и распространять богатое научное и литературное наследие, изучать обычай и традиции наших народов, проводить научные, культурные и литературные мероприятия с целью большего сближения наших народов на основе созидательных ценностей. Мы обязаны на основе исторических реалий защитить достижения и ценности, накопленные нашими народами на протяжении веков, распространять их и поставить точку в бессмысленных спорах и дискуссиях». [87, с.5].

Председатель Союза писателей Таджикистана Низам Косим, и все таджикские литераторы горячо приветствовали новые веяния во взаимоотношениях двух стран, выразили своё отношение к исторической заслуге двух государств в разных литературных формах.

Народный писатель Таджикистана Ахмаджон Рахматзода, вдохновившись речами уважаемых лидеров двух стран, в обращении «Дари дилро ба суям во намудед» (Распахнули двери сердца навстречу мне) сказал: «В мире немало стран, которые наряду с национальными особенностями и ценностями имеют культурную и историческую схожесть и общность с другими нациями, но редко можно встретить народы, которые, подобно таджикам и узбекам, были похожи друг на друга с точки зрения нравственности, традиций, обрядов и жизненного уклада. Эти две нации в течение долгого исторического времени так и взаимодействовали друг с другом, что не осталось между ними разницы не только в целом, но и в частностях».

Исследователь и народный поэт Таджикистана Аскар Хаким, назвав произошедшие изменения «Хонаи ишку ободи» (Дом любви и процветания), вспоминая о дружбе таджикских и узбекских писателей и поэтов, об их творческом сотрудничестве на благо литератур и народов, отмечает, что «беседы и чтение стихов Абдуллы Орипова, Эркина Вахидова, Нормуроода Нарзуллоева, Гулчехры Ибрахимовой и других оставили целым мир незабываемых впечатлений». [11, с.5].

Официальные издания Союза писателей Таджикистана, журналы «Садои Шарк», «Памир», еженедельник «Адабиёт ва санъат» в своих специальных выпусках повторно опубликовали лучшие образцы ранее переводной прозы и поэзии, новые переводы и современные произведения дружественного Узбекистана. Эти усилия таджикских литераторов стали достойным продолжением предыдущих событий, в частности издания узбекского поэтического сборника, посвящённого Дням литературы и искусства Узбекистана в Таджикистане. Этот сборник, под названием «Чашмаи Хурушон» (Кипящий родник), был составлен ещё в 1981 году по инициативе таджикского поэта Гулназара, в него вошли лучшие стихи узбекских поэтов.

Целый ряд таджикских поэтов выразили свои мысли и чувства в подтверждение истории сосуществования двух народов, многовековых братских отношений, творческих и личных связей языком поэзии. Мухаммадали Аджами в своём стихотворении «Ду номи ишк» (Два названия любви) пишет:

«Чу Чомию Навой буда пири ишк,
Ду номи ишк – ҳам тоҷик, ҳам ўзбек.»

“Как Джами и Навои были старцами любви,
Два названия любви – это таджик, это узбек”.

(Подстрочный перевод).

Известный сегодня в современной таджикской поэзии замечательный художник слова Камол Насрулло в одном из своих стихотворений под названием «Таджик и Узбек» с высокой образностью, в духе классиков, следующими словами отобразил неразрывную связь и общность таджиков и узбеков:

«Ду саҳфаи як китоб тоҷик ўзбек,
Парвардаи як савод тоҷик ўзбек.
Он кист, аз ҷисме, ки ба як ҷон пайваст?
Гуям ба ту ман ҷавоб: тоҷик ўзбек”.

Две страницы одной книги: таджик – узбек,
Воспитанники одной грамоты: таджик – узбек.
Кто тело, связанное одной душой?
Отвечу я тебе: таджик – узбек.

Другой таджикский поэт Саидали Маъмур образно сравнивает единство таджиков и узбеков с ветвями одного дерева – чинара, который живет благодаря живительной влаге воды из одной реки и одной земле, принадлежащей испокон веков обеим народам - двум цветкам одной весны, одного цветника:

“Ҳаммарзу ҳамҷаворанд ўзбеку тоҷик,
Ду шохи як чаноранд ўзбеку тоҷик.

Парвардаи як обу як хоку як боғ,
Ду гул зи як баҳоранд ўзбеку тоҷик”.

Бликие соседи - узбек и таджик,
Две ветви одной чинары - узбек и таджик.
Одна вода, одна земля и сад един,
Два цветка одной весны - узбек и таджик.

На тему дружбы и братства узбеков и таджиков написано огромное число произведений, как в прозе, так и в поэзии, и во всех этих творениях красной нитью проходит главная мысль, что эта дружба уникальна по своей значимости и продолжается уже многие тысячелетия. Образ друга для таджикских и узбекских писателей по своей значимости стоит на одном из главных позиций, имеет особое место и значение. Обращаясь к многовековой истории литературы таджиков и узбеков можно удостовериться, что большинство великих мыслителей наших народов подчеркивали значимость этой дружбы во благо процветания культуры, искусства и науки узбекского и таджикского народов.

Следует подчеркнуть, что в укреплении литературных связей значимую лепту внесли не только поэты – переводчики, но также наши ученые литературоведы и прозаики.

В переводе и популяризации творчества известного узбекского писателя Абдулло Каххара определенная заслуга принадлежит нашему таджикскому писателю Равшану Махсумзоду, перу которого принадлежит замечательный рассказ этого писателя “Клевета” – “Тухмат”.

Мы уже выше упоминали заслугу таджикских ученых в развитии таджикско-узбекских литературных связей, которые в своих исследованиях на конкретных примерах выявили различные периоды подъемов и спадов этого литературного процесса. Среди этих ученых, следует упомянуть в этом направлении работы Абдужаббора Рахмонзода, Мирзо Муллоахмада, Аламхона Кучарова, Мухаммадюсуфа Имомзода, Мургазо Зайниддинова, Аъзама Худойдодова. Абдушукури Абдусатора, Мухриддина Низомова.

Сироджиддина Эмомали и других. Исследования вышеназванных ученых отличаются новым взглядом и целым рядом заслуживающих внимания выводов и умозаключений, касательно темы таджикско-узбекских литературных связей.

Узбекоязычные литераторы не остались в долгу и сделали немало для плодотворного исследования и перевода произведений таджикских писателей и поэтов на узбекский язык. К примеру, Амонбой Джуманов и Сулаймон Эрматов перевели и подготовили к изданию антологию современной таджикской прозы в четырёх томах. Эта антология способствовала ознакомлению узбекских читателей с достижениями современной таджикской поэзии и прозы.

Таджикский писатель и переводчик Ато Хамдам, в своё время ставший инициатором книжной серии «Дружба литератур, дружба народов», совместно с русскоязычным таджикским писателем Леонидом Чигриным написали книгу «Подвиг двух президентов», также переведённую на узбекский язык Амонбоем Джумановым.

Серьёзным вкладом в процесс таджикско-узбекских научных и литературных связей стал перевод на узбекский язык капитального труда Бободжона Гафурова «Таджики», выполненный узбекоязычным журналистом и писателем Хасаном Бердыкуловым. [30, с.100].

После обретения независимости, одним из важных шагов в деле укрепления дружественных связей двух стран явились визиты наших президентов - весной 2018 года Президента Узбекистана Шавката Мирзияева в Таджикистан и государственный визит Президента Таджикистана Эмомали Рахмона 17-18 августа 2018 года в Республику Узбекистан. Эти события ознаменовали начало нового периода в истории наших государств, наших народов. В этот день в столице Таджикистана городе Душанбе и по всей стране звучали искренние слова приветствия от таджикистанцев: «Хуш омадед! Добро пожаловать, Шавкат Мирзияев!» и это подарило народу искреннюю радость и надежду. Во время визита

Президента нашей страны состоялись дружеские встречи, были подписаны 27 документов, направленных на дальнейшее расширение и углубление масштабного сотрудничества в политической, торгово-экономической, инвестиционной, финансовой, транспортно-коммуникационной сферах, сферах туризма, здравоохранения, культурно-гуманитарной сфере, что вывело взаимоотношения стран на новый уровень развития [87, с.10].

Действительно, мудрые и дальновидные руководители крепко связывают народы, укрепляют мир и сотрудничество, тем самым продолжают традиции предков.

Президент Узбекистана также высоко оценил мужество и заслуги Президента Таджикистана Эмомали Рахмона по установлению мира и стабильности в стране. «Это, - сказал Шавкат Мирзияев, - признает все мировое сообщество». Подписанное главами двух государств Совместное заявление об укреплении дружбы и добрососедства между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан, несомненно, подняло дружбу и сотрудничество двух стран на новый уровень, и это сегодня дает свои практические результаты. [60, с. 1].

Государственный визит Президента Таджикистана Эмомали Рахмона 17-18 августа 2018 года в Республику Узбекистан, состоявшийся в рамках конструктивных встреч и переговоров, подписанные документы также стали историческим событием в жизни двух соседних государств. Именно желание развивать дружественные отношения, сила воли народов двух стран еще больше сплотили их на пути развития и светлого будущего. Таким образом, в рамках государственного визита Эмомали Рахмона в Узбекистан обозначены приоритетные направления дальнейшего развития сотрудничества, придания ему долгосрочности и широкого масштаба. [86, с. 4].

На состоявшемся во Дворце международных форумов в Ташкенте торжественном мероприятии, согласно указу Президента Республики Узбекистан, за заслуги и инициативы, проявленные в укреплении уз дружбы между двумя народами, углублении культурно-гуманитарных связей,

добрососедства, развитию экономических партнерских связей узбекского и таджикского братских народов, сохранение мира и стабильности в регионе Эмомали Рахмон награжден орденом «Эл-юрт хурмати».

Эмомали Рахмон, в свою очередь, признал инициативы и практические шаги Президента нашей страны в проводимых в Узбекистане широкомасштабных реформах, укреплении стабильности в регионе, передал глубокое уважение таджикского народа узбекскому народу. Несомненно, говоря о крепкой дружбе наших народов, которые издревле устанавливали родственные связи и жили в добрососедских отношениях, в первую очередь вспоминаешь искренние дружеские отношения между двумя выдающимися представителями восточной литературы – Мавлоно Абдуррахмоном Джамии и Алишером Навои. Можно сказать, что безграничное взаимное уважение этих великих мыслителей, на протяжении веков олицетворяющее дружбу, согласие и литературные связи между нашими народами, служит примером для представителей нашей интеллигенции, особенно для молодых писателей и поэтов. [87, с. 40].

19 апреля 2019 года в актовом зале Термезского государственного университета Республики Узбекистан прошла международная конференция «Межлитературные связи и взаимопроникновение культур» (Робитаҳои адаби ва муколамаи фарҳангҳо).

Работу международной конференции представил ректор университета Тошкуллов А.Х. Он открыл встречу и поприветствовал высоких гостей из Исламской Республики Иран, Афганистана, Таджикистана и других соседних стран. На конференции выступили: представитель Республики Иран доктор Мухсин Пирмухсини, из Республики Афганистан профессор Зиёуддин Зиё Кайсари, из Республики Таджикистан профессор Матлуба Мирзоюнус и другие. Если мы посмотрим на содержание статей, опубликованных в 360-страничном сборнике конференции «Межлитературные связи и взаимопроникновение культур», то это более семидесяти статей, написанных либо на таджикском языке, либо связанных с проблемами таджикско-

узбекской литературы. Академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор Самаркандского университета Аслиддин Камарзода выступил с докладом «Положение таджикского языка в Узбекистане» и дал оценку основным направлениям и перспективам развития таджикского языка в Узбекистане. В выступлении профессор А. Камарзода возлагает большие надежды на восстановление связей между Таджикистаном и Узбекистаном, благодаря последовательным шагам, предпринимаемым лидерами двух стран, Президентом Республики Узбекистан Шавката Мирзияева, в частности, высоко оценил усилия Основателя мира и национального единства Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона.

На конференции Таджикский национальный университет представляла кафедра философии в лице кандидата философских наук, доцента С. Сафаровой, которая выступила на тему «Философия дружбы и восхваление добрососедских отношения между таджиками и узбеками», и рассказала о важных аспектах процесса дружбы. Посещение конференций, знакомства и беседы с профессорами университета, узбекскими и таджикоязычными учеными Узбекистана как Рамазон Абдуллоев, Дилафруз Мукимова, Махфиратбону, Ильхомжон Эшанкулов, Олимжон Панчизода и, особенно Самаркандского научно-литературного округа Камарзода, А. Самадов, С. Хужакулов и другими деятелями культуры Узбекистана, оставили хорошее впечатление. И наши уважаемые коллеги из Худжандского государственного университета: профессор Мирзоюнус М., доцент Нурали Нурзод и Душанбинского педагогического университета, доцент Хидиров Р., из Российско-Таджикского (Славянского) университета: профессора Салимов Р.Д., Холов Х.Р. и другие гости конференции оставили в нашей памяти приятные воспоминания.

Новый этап в литературных отношениях между Таджикистаном и Узбекистаном открыл широкий путь литературной критике. Истории молодого самаркандского писателя Фаридуна Фарходзода обсуждались в

статье Замиры Ульмасовой, а деятельность Носира Саиди как пропагандиста таджикской литературы в Узбекистане - в статье Субхона Азамзода и Рамизи Абдуллы. Доклады Хафиза Рахмона «Айни и Сервантес», Умеды Гаффоровой «Связь между арабской и аджамской литературой», Мухаммадюсуфа Имомзода и Муртазы Зайниддинзода «Захват сердец», Низома Косима «Поэт любви и справедливости», «Зеленые росточки связи», «Хранитель великой литературы», Равшана Махсумзода «Литература не имеет границ» включали обсуждение различных вопросов литературных отношений между таджиками и узбеками и т.д.

В этот период узбекскими и таджикскими поэтами-переводчиками была издана серия книг переводов таджикских поэтов среди которых особо следует отметить такие книги переводов как: «Такдир тегирмони» – Ташкент, 2005; «Хирмани сухан» – Ташкент, 2019; «Ҳангомаи донишдеҳ» – Самарканд, 2021; «Олами Машраб. Машраб олами», Тошкент, 2020; Маҳмудхоҷа Бехбудӣ. «Падаркуш» - Самарканд, 2021; «Бодбараки хаёл» - Самарканд, 2021; «Дарахти дӯстӣ» - Тошканд, 2021; «Хонаат бо дӯст обод»- Ташкент, 2019; Абдурахмон Жомий «Рисолаи аруз» - Тошкент, 2021; «Замонави тожик шери антологияси» – «Антология современной таджикской поэзии» – Самарканд, 2020 и др., которые наметили новые подходы в школе узбекского и таджикского перевода.

На самом деле дружба этих двух народов издавна выражалась не только в традициях и обычаях, но и в их культурных и литературных связях, и приобрела огромную популярность. Полагаем, что благодаря визиту высокого гостя, Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и литературной и культурной политике Основателя мира и национального единства - Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, эта дружба будет и дальше расти. Братство этих народов разносится повсюду, как голуби мира, делая имена обоих народов еще более известными на мировой арене. [87, с. 40].

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТАДЖИКСКИХ ПОЭТОВ НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПОЭТИКИ ОРИГИНАЛА)

2.1. Проблемы перевода поэзии и способы их решения

Перевод буквально означает замену текста или речи, написанных на одном языке, текстом или речью, написанными на другом языке. С точки зрения целевого содержания перевода такая замена чаще всего выражается в создании текста (или речи) на другом языке, максимально полно соответствующего смыслу, стилю и художественности исходного текста при строгом соблюдении норм и законов языка перевода.

Переводческая деятельность в целом представляет собой нечто большее, чем чисто лингвистическое или текстовое явление, или операцию. Процесс перевода, его проблемы и трудности обусловлены многими объективными и субъективными, языковыми и неязыковыми факторами. Среди них, во-первых, единство и познаваемость отраженного человеческим сознанием мира, а также универсальность категорий человеческого мышления, которые обеспечивают саму возможность перевода; затем - сходство и различие языковых структур, способов и средств отображения явлений, некоторые языковые особенности, вытекающие из сходства и различия культуры, быта и истории разных народов особенности, психология восприятия действительности людьми мира, характер аудитории любого перевода. На процесс и результаты перевода влияет объем коллективного переводческого опыта (наличие переводческих школ, развитие переписки в определенной области, качество двуязычных словарей, количество переведенной с данного языка литературы и т.д.), который связан с продолжительностью и интенсивностью языковых контактов

рассматриваемых этносов (в данном случае таджикского и узбекского). Хорошо известно, что главным действующим лицом в переводе является переводчик. «Искусство поэтического перевода - это искусство переносить потери и допускать трансформацию. Без этого невозможно играть в единоборство с поэзией на иностранном языке" [5].

Самое главное для переводчика - точно знать, какие потери допустимы в каждом конкретном случае и в каком направлении можно трансформировать текст. Жесткость переводчика, его неспособность выйти за рамки того, что задал автор - за рамки авторских метафор, каламбуров и образных выражений - катастрофична. Таким образом, создается множество мертворожденных переводов. Переводчик, поэт, может быть очень далек от оригинального текста и очень близок к нему. Поэтому знание родного и другого - иностранного языка, истории и реалий страны, где говорят на этом языке, общеобразовательная подготовка переводчика, его собственный переводческий опыт и навыки, знание тематики исходного текста, умение анализировать и учитывать все вышеперечисленные обстоятельства - залог успешного перевода.

На практике процесс перевода состоит из трех этапов:

- 1) семантический, стилистический и художественный анализ исходного текста;
- 2) поиск функциональных соответствий и построение переводного текста;
- 3) контрастная сверка переводного текста с исходным, и окончательная доработка переводного текста.

Другими словами, понимание смысла, стиля и образности исходного текста. Это требует многократного чтения исходного текста с использованием словарей и других справочных материалов до тех пор, пока содержание, стиль и образность не будут полностью поняты. На этом этапе важно, чтобы переводчик был хорошо знаком с предметом перевода.

Стремление к внешней, словесной точности наиболее губительно для переводной поэзии, особенно романтической. Переводчик неизбежно терпит неудачу, когда ищет слова, близко похожие на оригинальный текст. За стремлением к словесной точности обычно стоит готовность быть верным оригиналу и идти на любые жертвы, пропуски или замены при воссоздании поэтического произведения на другом языке.

Такая ошибка называется буквализмом. Абсолютный перевод удается только в исключительных и редких случаях. Как правило, не бывает стихотворного перевода без жертв, пропусков или замен.

При переводе объективно неизбежны, так называемые, конституирующие сдвиги, которые систематически противопоставляются индивидуальным сдвигам, составляющим поэтику переводчика. Эта система сдвигов, осуществляемых переводчиком, представляет собой его поэтику и одновременно является коррелятором категории поэтики, категории повествователя. Особенностью творческого субъекта переводчика является то, что он представляет собой определенную креолизацию автора и собственной поэтики. Категория повествователя в переводе сочетает в себе элементы, характеризующие как автора оригинала, так и переводчика. Однако это обстоятельство не дает нам права наделять феномен перевода некоторой автономией и объявлять его стиль самостоятельной категорией поэтики или стилистики. Как отправитель литературного текста, "переводчик может занимать различные стилистические позиции, характеризующие его личный художественный код по отношению к инвариантному содержанию оригинала"[5]. Именно эти позиции занимают переводчики в отношении передачи стилистических кодов на язык перевода.

Важно учитывать временные различия между исходным и переводным текстами, а также различия между двумя культурами. Культурные различия обусловлены, во-первых, временными различиями в литературе и, во-вторых, реализацией двух литературных периодов. Последнее особенно важно для

переводчиков. Несоответствие между стилем оригинального текста и стилем перевода отражается в основном на лингвистическом уровне.

Что касается соотношения личного стиля переводчика и стиля современной литературы (современного литературного контекста), то очевидно, что переводчик должен учитывать изобразительные навыки, нормы и особенности читательского восприятия, поскольку он пишет для современной аудитории. Невозможно перевести таджикско-персидский язык XI века, на котором были написаны рубаи Омара Хайяма, на язык "Узбегим» Эркина Вахидова. Поэтому переводчик должен придерживаться принципов, специально разработанных для решения этой проблемы, и в вопросах стиля не терять из виду читателя, которому адресовано произведение.

С точки зрения личного стиля переводчика важную роль играет также противостояние индивидуальной поэтики оригинала и переводного текста. Коммуникативные моменты также важны для существования перевода как текста. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует факт устаревания перевода. Когда один перевод произведения заменяется другим, соответственно меняется опыт реципиента, меняется тема, меняется воплощение.

Поэтическая структура художественной речи отпечатывается на образце поэтического перевода. В этом случае, как и при анализе прозы, приходится говорить о "стилистических ключах", ритме, интонации, синтаксической структуре, художественной образности и других литературных элементах. Все эти элементы, однако, регулируются строгими рамками законов поэзии. В этом отношении уже известные теоретические принципы реализуются здесь в ином практическом ключе, который нуждается в уточнении и конкретизации.

Хорошо известно, что поэзия характеризуется совершенно определенным, преимущественно удлинённым ритмом, который выражается законами поэзии, а именно тональными единицами и их различными сочетаниями. Интонация поэзии имеет музыкальный оттенок, но музыка

совершенно отличная от обычной музыки, и настолько специфическая, что обычный музыкальный слух поэту совершенно не нужен. Например, известно, что у Лоика Шерали (таджикского поэта) не было музыкального слуха, однако его поэзия исключительно музыкальна в силу своего внутреннего лиризма и тональности. В этом случае он, по-видимому, должен полагаться на другие музыкальные истоки, связанные со смыслом и выразительностью слов. «Музыка поэзии рождается не в абстрактном звучании слов, а в слиянии звука и смысла, звука и выраженной мысли"[9]. Даже явно музыкальный фонетический элемент, например, аллитерация, имеет смысл только в том случае, если он способствует лучшему выражению мысли и усиливает художественное впечатление. В противном случае фонетика будет считаться бессмысленной формальной игрой. «Подчеркивать музыкальную основу слов необходимо потому, что от этого аспекта зависит специфика поэзии, и потому, что все элементы поэзии - как специфические, так и общие с другими формами художественного творчества - не могут быть безразличны к музыке поэзии. Поэтическая музыка зависит от ритмической структуры, а ритм, в отличие от прозы, здесь не зависит от синтаксиса, а, наоборот, влияет на синтаксическую структуру своим метром" [7].

Синтаксис поэзии значительно отличается как от синтаксиса обычного разговорного языка, так и от синтаксиса художественной прозы. В нем часто нарушается обычный порядок слов, что считается естественным. Конечно, в некоторых случаях близость синтаксиса стихотворения к прозе считается признаком мастерства (композиционные приемы поэзии чрезвычайно ограничивают поэтов, и добиться свободного синтаксиса в поэзии очень трудно). Напротив, обыденный синтаксис упрощает и примитивизирует поэзию, лишая ее уникальной возвышенности, снижая ее музыкальность и приводя к созданию ритмической прозы, другого типа творчества.

Своеобразная и художественная техника поэзии, более лаконичная и нетрадиционная, чем в прозе. Своеобразны и другие художественные и

языковые элементы поэзии. При анализе поэтического перевода необходимо придерживаться той же методологии, что и при анализе прозаического перевода. Важнейшей характеристикой поэтического перевода по сравнению с прозаическим является его относительно свободный характер. Строгость конструкции и идиоматичность разговорного языка поэтического перевода в большей степени, чем прозаического, не позволяют установить прямое соответствие. Если анализ прозаического перевода убедил нас в необоснованности принципа прямого языкового соответствия, то анализ поэтического перевода покажет, что основные характеристики классической поэзии как организованной формы речи, выраженные в самой артикуляции, не допускают не только прямого языкового соответствия, но и прямой артикуляции. Наконец, к числу особенностей поэтического перевода относится проблема просодической передачи, которая является причиной многих трудностей поэтического перевода.

Относительная свобода поэтического перевода не означает, что нельзя говорить о реалистическом методе. Правильное понимание художественной реальности оригинала, передача существенных особенностей оригинала, воспроизведение звуков оригинала - все это может гарантировать только реалистический метод. Творчество поэтического переводчика относительно свободно, поскольку он осознает необходимость переноса существенных аспектов оригинального текста. Поэтому вполне естественно, что в поэтических переводах действует общая методология реалистического перевода. Она сохраняет сущность и заменяет то, что не является сущностью, по законам, отражающим художественную реальность оригинального текста. Под сущностью в данном случае понимаются особенности эпохи, национальный и социальный характер, творческая индивидуальность автора, особенности жанра, единство содержания и формы, соблюдение соотношения частей и целого в переводе и конечная цель - достижение того же художественного впечатления, что и оригинальное произведение в целом.

Особенности композиции стихотворения, основанной на устойчивой ритмической структуре, говорят о том, что для того, чтобы найти "стилистический ключ" к оригинальному произведению, необходимо прежде всего понять ритм и метр.

Ритм поэтического произведения связан с содержанием произведения, с одной стороны, и с интонацией, соответствующей содержанию, с другой. Все эти элементы создают стиль поэтического произведения, а поэтический метр организует стихотворение.

Согласно принципам реалистического метода перевода, поэтический оригинал также предстает как условная художественная реальность, которую изображает перевод. Однако в этом случае он облекается в особую поэтическую ткань. Рифма по своей природе тесно связана с природой языка, то есть с длиной слов и формами их варьирования, с природой ударений, с ритмами, выработанными веками труда, танца и песни, которые также связаны с психической структурой людей. Эти элементы, наряду с другими специфическими элементами, придают поэзии каждой страны особый национальный характер и тесно связывают поэзию с сырой фонетикой, с особыми отношениями между синтаксисом и средствами ритма и интонации. Хорошо известно, что классическая персидско-таджикская поэзия основывалась на отношениях краткого и долгого слога, характерных для арабского языка. Появились 24 разновидности размеров аруза и соответствующие им строфы. Долгие слоги старой песни условно заменяются ударными слогами, а неударные - краткими. Известны также тонические стихи, основанные на распределении ударных слогов (например, таджикская и узбекская народная поэзия), слоговые стихи, основанные на равномерном распределении слогов (узбекская поэзия), и слоговые тонические стихи (иранская и таджикская поэзия), в которых количество слогов и ударных слогов распределено поровну. При общих базовых знаниях о составе поэзии уже можно увидеть различия, вытекающие из особенностей самого языка. Простое сравнение стихотворений на разных языках

показывает, что различия заключаются не только в языковом материале, но и во всей поэтической системе.

Ритм прозы не очень точен и ясен, общая окраска интонации не меняется при добавлении или убавлении одного-двух слогов. Ритм поэзии, напротив, точен и ясен. Передать ритм оригинального стихотворения легче, чем метр, который гораздо сложнее, а зачастую и невозможно воспроизвести на других языках. Поэтому поэтический перевод воспроизводит соотношение ритма и интонации, а не размера, во всех его метрических единицах.

Поняв содержание и уловив стилистические и образные особенности, переводчик переводит текст. Он ищет эквивалентные функциональные соответствия и строит переводной текст.

Переводческое соответствие может быть "буквальным" или "небуквальным" в зависимости от степени сближения и расхождения языков, участвующих в переводе, но оно всегда должно быть функционально эквивалентным, то есть соответствовать смыслу, стилю и художественной образности исходного текста, а также отвечать критериям языкового перевода с учетом экстралингвистических факторов. Частичное соответствие между таджикской и узбекской языковыми системами позволяет переводчику практически точно перевести содержание таджикского или узбекского исходного текста (за исключением способа связи слов и артиклей и выполнения вспомогательных и грамматических функций), соблюдая при этом принципы языковых норм и переводческих функций.

Во многих случаях переводчику приходится отклоняться от исходной формы из-за грамматических, лексических или стилистических межъязыковых различий или по экстралингвистическим причинам, создавая неадекватные функциональные соответствия. Это достигается путем использования лексических, грамматических и лексико-грамматических приемов. Нелингвистические соответствия характерны для поэтического перевода.

Большинство исследователей сегодня, похоже, согласны с тем, что акцент в стратегии перевода сместился в сторону поиска формы, которая наилучшим образом передает содержание исходного текста на исходном языке. Форма, в которой передается содержание исходного текста, доминирует в процессе перевода.

Каждый язык имеет свои средства, характеристики и особенности, причем настолько разные, что для точной передачи различных образов и фраз иногда приходится заменять их в переводе. «Подходящий образ или подходящая фраза не обязательно определяются видимым соответствием слов, но внутренняя жизнь переведенного произведения должна соответствовать внутренней жизни оригинального произведения" [69]. Любая попытка перевести произведение в точном соответствии с оригинальным текстом обречена на провал. Мало кто сомневается, что существующая, исторически сложившаяся система лингвистических символов, классифицирующих человеческую деятельность, сильно отличается, иногда до такой степени, что в переводе используются лингвистические средства, совершенно отличные от средств оригинала. «Задача переводчика - полностью и точно передать содержание оригинального текста средствами другого языка, сохранив при этом его стилистические и выразительные особенности". Под "полнотой" перевода следует понимать объединение формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является идентичность информации, передаваемой на разных языках, то унифицированным (полным или правильным) может быть только такой перевод, который передает эту информацию эквивалентными средствами. Другими словами, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что написано в исходном тексте, но и то, как это сказано в исходном тексте. Это требование относится не только к переводу всего текста, но и к переводу отдельных его частей" [69].

Раньше акцент делался на передаче формы сообщения, и вершиной своего искусства переводчики считали воспроизведение стилистических особенностей, таких как ритм, рифма, игра слов, хиазм, параллелизм и необычные грамматические структуры. Теперь внимание переводчика сместилось с формы сообщения на реакцию получателя сообщения. Перевод - это воспроизведение на принимающем языке (языке перевода) наиболее близкого естественного эквивалента сообщения на исходном языке (языке оригинала), во-первых, по содержанию, во-вторых, по форме. Переводчик должен стремиться к эквивалентности, а не к идентичности. В некотором смысле это утверждение по-другому подчеркивает приоритет воспроизведения сообщения, а не сохранения формы. Поскольку в переводе наиболее важную роль играет содержание сообщения, смысл стоит на первом месте. При переводе с одного языка на другой необходимо во что бы то ни стало сохранить именно содержание, а форма, за исключением поэзии, вторична. Это объясняется тем, что каждый язык характеризуется чрезвычайно сложными и неоднородными по своей сути правилами сочетания содержания и формы.

На основе вышеизложенного представляется возможным подчеркнуть ключевые моменты процесса перевода, которые состоят из следующих правил:

1. Во всех случаях содержание должно быть передано с минимальными потерями или искажениями.

2. Очень важно максимально передать коннотативные аспекты, эмоциональную окраску и воздействие текста. Этот вопрос трудно объяснить и еще труднее реализовать, но задача крайне важна.

3. В процессе передачи текстового содержания и коннотации с одного языка на другой, если можно сохранить некоторые элементы формы исходного языка, то это следует сделать. Однако ни в коем случае нельзя допускать, чтобы форма преобладала над другими аспектами оригинального произведения.

Другими словами, главная цель перевода - передать содержание за счет формы. Сохранение последней является вторичной целью, насколько это позволяет конкретный текст. Иногда формой жертвуют полностью. Это относится к переводу образных выражений, разработанных в конкретном языке, т.е. фразовых выражений.

Например, "дугоник" переводится как "два брата рожденных в одно время», но в словаре написано "близнецы", что проще для понимания.

Передача содержания - это главная проблема перевода, но она еще далека от решения. Как далеко или как глубоко мы должны зайти, чтобы исследовать неглубокое дно оригинального текста? Мало кто будет интерпретировать один и тот же текст совершенно одинаково. Это будет видно в практическом разделе, где мы рассмотрим несколько версий одного и того же стихотворения Мирзо Турсунзаде и Лоика Шерали.

Как перевести стихотворение

Существует три способа перевести стихотворение. Первый способ заключается в том, что переводчик случайно использует размер рифмы и рифменные сочетания, свою собственную лексику, часто чуждую автору, удлиняет или сокращает оригинальный текст по своему усмотрению, очевидно, что такой перевод можно назвать только любительским.

Второй способ заключается в том, что переводчик делает в целом то же самое, но оправдывает свои действия теоретически. Они гарантируют, что если бы переведенный текст поэт писал по-узбекски или по-таджикски, то он писал бы именно так. Этот способ был очень распространен в XVIII веке, как уже говорилось выше; в XIX веке он был отвергнут, но следы его сохранились до сих пор. И сейчас еще находятся те, кто считает возможным заменить один размер другим, например, характерный размер жанра рубаи четырехстопный сделать пяти- или шестистопным, отказаться от рифмы, ввести новые образы и т.д. Сохраненный дух должен оправдывать все. Но поэт, достойный этого имени, использует форму как единственное средство

выражения духа. Об этом методе мы поговорим в следующем разделе данной главы диссертации.

Выбор образов

Первое, что привлекает внимание читателя, часто бессознательно, но главное на том основании, что поэт мыслит образами, будут мысли, а точнее образы, потому что поэт мыслит образами. Количество образов ограничено, подсказано жизнью, и поэт редко бывает их творцом. Только в его отношении к ним проявляется его индивидуальность. Например, персидский поэт мыслит розу как живое существо, средневековый - как символ любви и красоты, у Пушкина роза - это красивый цветок с красивым стеблем, у Майкова роза всегда украшение, аксессуар, у Вячеслава Иванова роза становится мистической ценностью и т.д. Понятно, что в этих случаях и выбор, и сочетание слов принципиально различны. Так, Эдгар По производит особенно сильное впечатление в "Словах ворона", говоря и слегка намекая на подводное течение темы. Если кто-то переведет того же "Ворона" более тщательно ради внешне прекрасных движений птицы и менее ради тоски поэта по умершей возлюбленной, он погрешит против идей автора и не выполнит взятую на себя задачу" [69, с. 76-87].

Важность соблюдения количества строк и строф

Сразу же после выбора образа перед поэтом встает проблема его развития и соразмерности. И то, и другое определяет выбор количества строк и строф. В этом случае переводчик должен слепо следовать за автором. Невозможно сохранить количество образов и в то же время сократить или удлинить их без изменения тональности стихотворения. В качестве идей предлагаются как краткость, так и неопределенная образность, и с каждым увеличением или уменьшением строк меняется степень напряжения.

Что касается строф, то каждая строфа создает особый ход мысли, отличающийся от других. Так, рубаи раскрывает свою антитезу в четвертной строке, в то же время представляя некую позицию в первой и второй строках. Первая, вторая строки очерчивают взаимодействие между третьей, а

четвертая дает неожиданное разрешение, поэтому ее называют ключом к рубаи, так как она сгущается в последней строке, часто даже в последнем слове. Маснави классиков персидско-таджикской поэзии, в которых соблюдается принцип парных рифм, достаточно самостоятельны в каждом бейте и обладают связующей силой с последующими бейтами. Итальянские сонеты, в которых рифмуются только женские рифмы, обладают мощным лиризмом и торжественностью, но малопригодны для повествования или описания. В газели одни и те же слова, иногда выражения, повторяются в конце каждой строки (в Европе их ошибочно разделяют на две), создавая впечатление разнородных орнаментов и заклинаний. Расширенные, просторные октавы, не встречающиеся в других строфах, придают повествованию мягкий, незатронутый характер. Даже в таких простых строфах, как четверостишия и двустишия, поэт учитывает особенности каждой из них, пусть даже неосознанно. Более того, чтобы узнать поэта всерьез, необходимо знать, какие строфы он предпочитает и как он их использует. Поэтому переводчик обязан сделать строфы абсолютно одинаковыми.

Вопросы сохранения стиля

Что касается стиля, то переводчик должен быть знаком с поэтикой автора, поскольку она имеет отношение к этому вопросу. Каждый поэт имеет свой собственный словарь, часто подкрепленный теоретическими соображениями. С. Айни, например, настаивает на использовании просторечий, Абулькасим Лахути - на использовании слов как они есть, Лоика - на их точности, Бозор Собир, напротив, на их простоте и небрежности, и так далее. В стихотворениях часто встречается повторение параллелизма, полнота, инверсия и многоточие, точное указание времени и места, цитаты, вставленные в строфы, и другие приемы, оказывающие особое, гипнотическое воздействие на читателя. Их желательно бережно сохранять, жертвуя для этого менее необходимым. Многие поэты также проявляли большой интерес к значению рифмы. Камол Насруло в своей

книге «Шеър чист ва шоир кист? Андар шинохти шеър» (Душанбе: “Адиб”, 2020) - «Что есть поэзия и кто есть поэт?» утверждает, что «рифмующиеся слова сначала появляются в сознании поэта как направляющие слова и составляют каркас стихотворения: поэту желательно, чтобы хотя бы одно из пары рифмующихся слов совпадало со словом в конце исходной строки» [71, с. 23].

Трудность передачи звуковых аспектов стиха

Наконец, передача звукового аспекта стихотворения - это самое сложное для переводчика. Русский слоговой стих еще слишком неразвит, чтобы воссоздать персидско-таджикские ритмы, а узбекский стих, унаследовавший систему аруза у таджиков и персов, передать ритмику таджикского стихосложения по ряду причин. Во-первых, существование в словарном составе языка большого количества персидских и арабских слов. Во-вторых, может произвольно смешивать узбекские лексемы, которые встречаются и в таджикском языке. Более характерно, что таджикские рифмы не являются чуждыми и для узбекской поэзии. Тем не менее, эта конвенция должна строго соблюдаться. Потому что эта условность не случайна и в большинстве случаев дает близкое приближение к первоначальному впечатлению.

Каждый метр имеет свою душу, свою индивидуальность и свою программу. Переводчик должен сам определить характер авторской схемы рифмы и следовать ей. Также большое значение имеет проблема перехода предложений из одной строки в другую, так называемый enjambment.

Отсюда видно, что переводчиком поэта должен быть сам поэт, и притом внимательный исследователь, проницательный критик, тот, кто, выбирая то, что наиболее характерно для каждого автора, позволяет себе жертвовать другими частями, если это необходимо. Нужно забыть о собственной личности и учитывать только личность автора. В идеале перевод не должен иметь подписи. Поэтому при переводе рекомендуется соблюдать: 1) количество строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер

enjambement (перенос предложения с одной строки на другую), 5) характер рифмы, 6) характер словоупотребления, 7) виды сравнения, 8) специальные приемы, 9) тональные сдвиги.

2.2. Жанрово-стилистические особенности современной таджикской поэзии в восприятии узбекских поэтов-переводчиков

2.2.1. Вариации поэзии Мирзо Турсунзаде в переводах современных узбекских поэтов: проблема адекватности

Исследуя переводы произведений таджикских поэтов на узбекский язык в годы независимости следует отметить, что в рассматриваемый период в этом направлении проявился совершенно новый подход к прочтению и восприятию таджикской поэзии. Если с начала 30-ых до первой половины 50-х годов переводом таджикской поэзии в основном занимались отдельные известные узбекские поэты Г. Гулям, Уйгун, А. Каххар, М. Шайхзаде, Миртемир, Зулфия, Р. Бободжон, то в последнее десятилетие их ряды пополнились такими поэтами, как Джамол Камол, Кибриё Каххарова, Джонибек Кувнок, Истад Касымов, Самандар Вахидов, Улмас Джамол, Одил Икромов, Махмуд Тулкун, Боборахим Машраб и др. Этими художниками слова переведены на узбекский язык лучшие произведения классиков и современных поэтов таджикского народа.

Анализируя переводы таджикской поэзии на узбекский язык в годы независимости, необходимо также акцентировать внимание на двух важных моментах. Во-первых, произведения таджикских поэтов чаще стали переводиться непосредственно с оригинала, без языка посредника или подстрочников. Во-вторых, переложением произведений таджикских поэтов на узбекский язык, наряду с профессиональными переводчиками, также занимались талантливые поэты и писатели.

Помимо этого, к переводу таджикской поэзии на узбекский язык активно подключились молодые поэты, одаренные своим новым мировосприятием, что проявилось в новом прочтении переведённых ранее произведений классической и современной таджикской поэзии. В связи со сказанным уместно упомянуть сборник стихов таджикских поэтов «Тўғли диёр қўшиқларй» - («Песни земли») в переводах О. Джуманова и Дж. Тошматова, в который вошли произведения таких таджикских писателей, как Абдумалик Бахори, Урун Кухзод, Мехмон Бахти, Кароматулло Мирзоев, Ато Хамдам, Джонибек Ақобиров и др.

Начиная с 1991 по сегодняшний день на узбекский язык переведены произведения более десяти поэтов классиков и современности. К примеру: талантливый поэт-переводчик Джамол Камол перевел рубаяты наших классиков под названием «333 рубаи» - (Ташкент, 1991), также его перу принадлежит перевод «Маснави маънави» Джалалиддина Руми в пяти книгах (Ташкент, 2001-2007). Другой узбекский поэт-переводчик Эргаш Очиллов в книге «Минг бир рубои» («Тысячи один рубаи») представил свои переводы поэзии персидско-таджикских поэтов (Ташкент, 2009).

Особо следует отметить работы узбекского поэта-переводчика, много сделавшего за последние десять лет в деле ознакомления узбекских читателей с творчеством таджикских поэтов и писателей. Им подготовлена и издана в 2011 году на узбекском языке «Антология современной таджикской поэзии» - «Замонавий тожик шеърйати антологияси». В вышеуказанную антологию вошли творения таких известных таджикских поэтов, как С. Айни, А. Лахути, Пайрав Сулаймони, Гулчехра Сулаймони, Мирсаид Миршакар, Мирзо Турсунзаде, Боки Рахимзаде, Лоик Шерали, Бозор Собир, Мехмон Бахти, Низом Косим, Рустами Вахоб, Фарзонаи Худжанди и др. Мы еще вернемся к этой Антологии, чтобы показать мастерство и глубину постижения, восприятия таджикской поэзии этим узбекским переводчиком. Сейчас же проведем анализ переводов поэзии Мирзо Турсунзаде на узбекский язык.

Поэзия замечательного поэта Мирзо Турсунзаде, к которой было приковано внимание больших мастеров художественного слова узбекского народа оставила глубокий след в современной таджикской поэзии. С его именем связаны многие яркие страницы таджикской и узбекской поэзии, начиная с 30-ых до 70-ых годов XX века.

Поэтому прежде чем высказать свои суждения о переводах его поэзии на узбекский язык, вспомним, вехи его творчества, и попытаемся охарактеризовать особенности его лирики и эпических произведений, принёсших ему заслуженную славу на всем постсоветском пространстве и сделавших его любимым поэтом народов Азии и Африки.

В поэзии Мирзо Турсунзаде сочетаются скорбь отчаяния и героический порыв, музыкальность лирики, простота и ясность стиля, достойная классиков персидско-таджикской поэзии, и сложный интеллект человека нового времени. Для творчества Турсунзаде характерны философская глубина, смелость мысли, тонкий лиризм, материалистическое миропонимание. Интересно обратить внимание на роль пейзажа в эпических и лирических произведениях поэта.

Пейзаж в творениях поэта выполняет самостоятельные функции в создании достоверной психологической атмосферы и для него характерна активная сюжетно-структурная роль.

Другой особенностью поэзии М. Турсунзаде является лирико-публицистический компонент, который всегда подчиняется творческой индивидуальности таджикского поэта, сопрягается с новыми тенденциями развития национальной литературы, с особенностями каждого этапа истории её развития. Особо следует отметить в творениях М. Турсунзаде приём сопоставления вчерашней и сегодняшней действительности – жизни советских людей и народов Африки и Азии, находящихся под гнетом колонизаторов.

Сам поэт так определил основную тематику своей поэзии: «Мавзӯи асосии ман мавзӯи озодӣ буд ва ҳамин хоҳад монд. Ба фикриман ин мавзӯи

хеле васеъ ва калон аст. Ҳамаи он чи ки бо сухани мутантан ва муқаддаси “Революция” алоқаманд аст, дар ин мазӯъ ифода меёбанд... Одами озод - қаҳрамони асосии шеърҳои ман аст. Аз сароидани озодие, ки неъматҳои революция мебошад, шарғиз монда намешавам” [121].

Рассматривая произведения поэта с точки зрения отображения действительности, следует подчеркнуть, что она проявляется в многообразных формах: и в старинной дидактической традиции, отталкивании от нее в одних случаях ради преодоления схематизма и ради участия в общих для всей мировой литературы закономерностях движения от романтического способа познания к реализму. В других случаях, отдавая дань традиции восточной литературы, дидактизм плавно переходит в философские рассуждения.

Трагедия личности и трагедия народа для него неразрывны и едины. Для Турсунзаде причина этой трагедии в неизменяемости мира, поэтому всякое действие, всякая активность имеют в глазах поэта большую ценность.

Турсунзаде был большим знатоком персидско-таджикской классической поэзии, хорошо знал литературу народов Средней Азии, но его подход к классике был романтическим. Он не идеализировал старину, считая её неизменной, поэтому и в произведениях своих древних предшественников искал и находил отражения несправедливости, дисгармонии мира и человека. Высшим жанром поэт считал лирико-эпический, его привлекало непосредственное раскрытие чувств. Поэтому, вероятно, его излюбленными формами были газель и маснави, которые неодинаковы: одни напоминают лирический эскиз, другие, по размеру и значительности содержания, приближаются к поэме.

Зрелые его произведения утрачивают внешнее описание и конкретность ранних газелей, обретая философскую глубину и лирическую проникновенность.

В лирике Турсунзаде – непреходящее царство мысли. Поэт больше размышляет, чем чувствует. Это видно даже в любовной лирике, в его

газелях, рубаи и других лирических жанрах. Например, в газели под названием «Родина»:

«Баҳор омад, зи умрам боз як соли дигар бигзашт,
Тамоми зиндагӣ оҳиста аз пеши назар бигзашт.
Ба мисли гӯшту нохун ман ҳамеша бо Ватан будам,
Агарчи нисфи умри бехтаринам дар сафар бигзашт.
Ватан, дар ҳар кучо омад ба сар фораи ҳавои ту,
Ман аз он сӯи укёнус бишнидам садои ту.
Агарчи дар миён тӯфону мавчи баҳрҳо буданд,
Вале омад ба гӯши ман садои рӯдҳои ту.
Ба вақти бозгаштан чун расидам бар ҳудудат ман,
Зи сар то по шудам мафтуну шайдои намудат ман.
Нишастам дар замини ту, паридам дар ҳавои ту,
Ба овози дурудат ман, ба оҳанги сурудат ман.
Агарчи борҳо афтадам аз ёру диёрам дур,
Ба сайёҳӣ маро карданд гарчи дӯстон машхур,
Вале ман дар ҳама ҷо, дар ҳама кунҷу канори даҳр
Ҳамеша бо Ватан будам, ҳамеша бо Ватан масрур». [122, с. 276].

«Вот пришла весна – и с нею моей жизни год отцвел,
Будто на киноэкране, перед глазами он прошел.
Связан, словно ноготь с пальцем, с родиной своею я,
Хоть немало я объездил городов чужих и сел.
Родина, твой воздух чистый всюду был всегда со мной,
Вдалеке, за океаном различал я голос твой.
Хоть нас бури разделяли и тяжелы валы,
Родников твоих студёных слышал говор я живой.
А когда небес родимых видел снова синеву,
Красотой твоей захвачен был воочью, наяву.
На твоей земле сидел я, в небеса твои летал,

Ведь под ритмы твоих песен и приветствий я живу.
Хоть не раз бывал от близких и от родичей вдали –
Путешественником вечным меня дома нарекли.
Только с родиною всюду был, гордясь ее судьбой,
Я на севере и юге и в любом краю земли.»

Поэт, размышляя о пройденной жизни, о неминуемости смены времен года, свои личные чувства связывает с Родиной, родной природой, в лоне которой он сформировался как личность. Он является одним из поэтов, в творчестве которых социальная тематика и публицистические мотивы переплетены между собой, из сплетения которых рождаются неповторимые по красоте и глубине мысли и поэтические образы.

Эстетическое видение Мирзо Турсунзаде очень зримо и выпукло запечатлено во многих его стихотворениях, особенности которых требуют специального и широкомасштабного исследования. Но одной из главных черт его поэтического кредо является то, что он с самого начала творческой деятельности был знаменосцем важнейших национальных идей.

Цикл стихов Мирзо Турсунзаде, посвященных теме матери, написан в своеобразной повествовательно-описательной форме, которая подсказана особенностью самой тематики данного цикла, и все вышесказанное необходимо переводчикам его поэзии передать и сохранить, чтобы не исказить индивидуальный стиль таджикского поэта, национальные и общечеловеческие особенности его творений.

Итак, познакомившись с мировоззрением Мирзо Турсунзаде и основными мотивами его творчества, обратимся непосредственно к теме нашего исследования.

Вхождение Мирзо Турсунзаде в узбекскую литературу берет свое начало в конце 40-х - начале 50-х годов благодаря переводу ряда его произведений Гафуром Гулямом, с которым его связывала крепкая и искренняя дружба до конца жизни. Так, первым стихотворением Мирзо

Турсунзаде в переводе на узбекский язык было «Возвращение» («Бозгашт»), выполненном Гафуром Гулямом.

Позже, в 1951 году Гафуром Гулямом были осуществлены переводы таких поэм Турсунзаде, как «Индийская баллада» и «Тара-Чандра».

В 60-х годах на узбекский язык были переведены произведения Мирзо Турсунзаде «Любовь горянки», «Дорогая моя» и др.

Историю переводов стихотворений Мирзо Турсунзаде можно было бы продолжить, однако их изучение и сопоставительное исследование - тема для отдельного диссертационного исследования. Мы же нацелены изучить и осуществить анализ новых переводов поэзии Мирзо Турсунзаде, выполненных на этапе государственной независимости Узбекистана, и показать различие восприятия его поэзии современными узбекскими поэтами в поисках новых методов и подходов к переводу поэзии.

Берясь за осуществление этого проекта, главным требованием к переводу мы считали мысли о том, что человек, имеющий обширный материал, знания о своей родной культуре, нации, этносе, может понять, принять другую культуру, историю, может непременно заинтересоваться другим народом, особенностями его культурного и национального наследия. Поэтому художественное произведение должно изучаться в контексте национальной и мировой литературы. Через постижение художественного слова переводчики должны увидеть национальную картину мира, национально-культурную специфику речевого поведения, национальный менталитет и ценностные ориентации [См.: 13; 47; 22; 25; 26; 29].

Из многочисленных переводов отдельных стихотворений, газелей и поэм Мирзо Турсунзаде, наше внимание привлекли переводы (три перевода) одной газели таджикского поэта, под названием «Шоиро!» («Поэту!»), то есть проблема вариативности перевода, его причины, роль и значение в достижении эквивалентности, с точки зрения приближения к оригиналу. В результате сопоставления различных вариантов перевода на узбекский язык у исследователя появляется возможность прийти к выводу относительно

оптимальных способов передачи заложенного в стихотворении Мирзо Турсунзаде смысла.

В большинстве рассмотренных переводов доминирует ориентация на принимающую культуру, что приводит к «переписыванию» перевода с использованием следующих переводческих позиций: модернизации, идеологизации, натурализации, адаптации и смысловой девиации.

Различие переводческих позиций приводит к вариативности перевода, которая в случае культурозначимых текстов, подлежащих многократному воспроизведению в переводе, является переводческой универсалией.

Исследование вариативности перевода производится не с аксиологической точки зрения, а как проявление вариативности позиций переводчика в деятельности, обусловленное различными социокультурными и интерпретационными обстоятельствами.

Стихотворение «Шоиро!» («Поэту!») написано в форме рифмовки маснави, то есть с использованием парных рифм в каждом бейте и является одним из лучших творений поэта. Мирзо Турсунзаде в данном традиционно рифмованном стихотворении, с его плавностью и резко подчеркнутым назидательным звучанием. Придерживаясь единого ритма -у--/у--/у- (одиннадцатисложника) и при этом отказав себе в использовании строфы, Мирзо Турсунзаде заметно осложнил задачу своим переводчикам.

Стихотворение Мирзо Турсунзаде - величаво и гармонично. В нём четко выражен определённый ритм, построенный на равном количестве слогов. Его нельзя назвать белым, так как Турсунзаде употребляет парную рифму, чередуя в своем лирическом монологе разновидности рифмы маснави – аа, бб, вв и т.д. Стихотворение таджикского поэта – монолог души, чувства раскованные, непокорные и бурные. Эмоция автора ломает привычные рамки стихотворной речи, созданной строгим рационализмом. Данное стихотворение можно назвать своеобразным размышлением о сути и значении настоящей поэзии и роли поэта как творца, который, пропустив

реалии жизни, чувства и мысли через своё сердце, переплавив увиденное и услышанное создает истинную поэзию.

Рассмотрим стихотворение «Шоиро!», сопроводив его своим подстрочником.

1. «Шоиро, аз сӯхтан дорӣ хабар, а
Пас макун аз оташи сӯзон ҳазар! а
2. Сӯхтан пӯлоду оҳан офарад, б
Аз шароре тоза гулхан офарад. б
3. Пурхарорат гар намешуд офтоб, в
Зиндагӣ мегашт аз сармо хароб. в...
4. Бе харорат санг буду дил набуд,
Дилкушою пурсафо манзил набуд.
5. Бе харорат не дамидан буд расм,
Не шукуфтан, не расидан буд расм.
6. Бе харорат дар лабонат ханда нест,
Хандаи чун машъали тобанда нест.
7. Шоиро, аз сӯхтан ҳаргиз манол,
Сӯхтанро дуст медорад висол.
8. То насӯзи, сохтан мушкил бувад,
Дил ба чонон бохтан мушкил бувад.
9. Шеър ҳам бояд занад фавворае
Аз танӯри дил чу оташпорае,
10. Сар занад аз дил ба дил коре кунад,
Нармтар сангин дили ёре кунад.
11. Ёр донад, ки чӣ бошад сӯхтан,
Дар вафодорӣ сабақ омӯхтан.
12. Шоиро, аз сӯхтан дорӣ хабар,
Пас макун аз оташи сӯзон ҳазар!» [122, с. 171-172]

«Поэт, тебе известна сила огня – горенье,

Так, не сторонись обжигающего пламени!

1. В огне рождаются железо и сталь,
От одной искры возгорается пожар.
2. Если бы солнце не обладало силой огня,
Жизнь на земле от холода и стужи замерла бы.
4. Без жара сердце было бы камнем, не лоном чувств,
Не было бы на земле без тепла уютной обители.
5. Без тепла не росли бы травы, не пробилась зелень на земле,
Не цвели бы сады, не было бы буйства деревьев на земле.
6. Без тепла твои губы не украшает и улыбка,
Не загорается в них смех, подобный яркому факелу.
7. Поэт, никогда не сетуй, что ты сгораешь дотла,
Ведь нет любви у тех, кто не знает мук от огня.
8. Покуда не будешь гореть, трудно что-либо сотворить,
Не горя, не возможно сердце любимой своей подарить.
9. Стих должен тоже фонтаном бить
Из горнила сердца подобно языкам огня.
10. Вырываясь из сердца, заставляет гореть сердца,
Превращает в воск мягкий каменное сердце возлюбленной.
11. Любимая знает, что значит гореть,
Уроки верности в этом горенье узреть.
12. Поэт, тебе известно сила огня – горенье,
Так, не сторонись обжигающего пламени!»

В этом стихотворении главный акцент падает на два начальных бейта, в которых заключена основная мысль – о миссии поэта, у которого каждое слово должно излучать свет и тепло, идущие из его сердца, наполняя мысли и чувства созидательной силой. Поэт употребляет парную (первая и вторая, третья и четвёртая строки: аа бб) и строит равносложный стих (одиннадцать слогов в каждой строке), Постоянный ритм, создает гармонию в метрике, соответствует приподнятости стихотворения.

1. /y---/y---/y--/ фоилотун, фоилотун, фоилун
2. /y---/y---/y--/
3. /y---/y---/y--/
4. /y---/y---/y--/
5. /y---/y---/y--/
6. /y---/y---/y--/ ...

Прибегнем к сравнительному анализу данного стихотворения в трех вариантах переводов Джуры Тилака, Гоиба Хасанбоя и Джамшеда.

Перевод Джуры Тилака так же, как и текст оригинала, выполнен с соблюдением равносложного ритма (одинадцать слогов), на основе стихотворного размера хазадаж мусаддас рамал - /y---/y---/y--/ фоилотун, фоилотун, фоилун.

ШОИР

«Шоиро, ёнмоқ экан тақдир агар,
 Қилма оташ тафтидан ҳаргиз ҳазар.
 Ўтда пўлоту темирлар тобланур,
 Учқунидан янги гулхан жонланур.
 Офтоб ҳам бўлмаса оташга кон,
 Ерда ҳам сўнгай эди жонли жаҳон.
 Беҳарорат дил сўниб, қолгайдир тош,
 Боғу роғлар бесафою беқувонч,
 Бенафас, бенур ҳаёт бўлғайди урф,
 На еру жон бу сифат ургайдир кулф.
 Беҳарорат лабда кулгу бўлмагай,
 Гул ҳам офтоб оташисиз кулмагай.
 Шоиро, ёнмақдан нолиш нораво,
 Ёна-ёна васлидан топдинг даво.
 Ёнмасанг, ижод ҳам мушкул эди,
 Сенга ёр бахш этган ўт ҳам шул эди.
 Гар юрак тандир мисол гулхан очар,

Мисли фаввора оловли шеър сочар.
Тушса оташ риштадек диллар аро,
Тош бағир ҳам меҳрдан бергай садо.
Ўтда ёнмоқ нелигин билган нигор
Ишк, вафонинг дарсидан қилгайми ор?
Шоиро, ёнмоқ экан тақдир агар,
Қилма оташ тобидан ҳаргиз ҳазар...»

Примечательно, что переводчик сохранил рифму оригинала. Рифма присутствует и в переводе Хасанбоя Гоиба, и он так же, как Джура Тилак придерживается метрики оригинала. Оба поэта сохранили и количество бейтов, равных 24 стихотворным строкам.

ШОИР

«Шоиро, топсанг ёнишдан гар хабар,
Айлама ёнган оташдан сўнг ҳазар.
Ёнмоқликдан яралгуси оҳан ҳам,
Бир учқундан таралгуси гулхан ҳам.
Пурҳарорат бўлмаса гар офтоб,
Дунё бўлар эрди совуқдан хароб.
Беҳарорат бўлса ул тош, дил эмас,
Дил очар ва пурсафо манзил эмас.
Беҳарорат ҳеч не ўсиб унмагай,
Мисли гул яшнаб, очилиб турмагай.
Беҳарорат лабда кулгу бўлмагай,
Маъшаладек юзда ханда урмагай.
Шоиро, бўлма ёнишдан сен малол,
Бул азобни дўст тутгайдир висол.
Ёнмасанг бунёд этиш мушкил бўлур,
Ёрга ҳам кўнгил тутиш мушкил бўлур.
Шеър жўш урмоғи шарт фавворадай,
Қалб кўрида мисли оташпорадай.

Бош уриб дилдан туташгай дил томон,
Юмшатиб тош дилни айлар меҳрибон.
Ёр билгай куймагу ёнмоқ надир,
Ҳам вафо дарсини ўрганмоқ надир.
Шоиро, топсанг ёнишдан гар хабар,
Айлама ёнган оташдан сўнг ҳазар.»

Что касается перевода Джамшида то, во-первых, отметим, что это единственный вариант, где полное совпадение движения мысли, многие слова оставлены без перевода, так как они есть в словарном составе узбекского языка; в некоторых бейтах поэт помимо рифмы выстроил также редиф. Однако, скандируя этот перевод, с учетом стихотворного размера текста оригинала, нетрудно заметить, что в отдельных бейтах поэт теряет нить размера -у--/ -у--/-у- и также извлеченные им из словарного состава узбекского языка синонимы.

ШОИРО!

«Шоиро, ёнмоқдан топдингми хабар,
Ҳеч қачон этмагил оташдан ҳазар.
Ёнишдан пўлату темир яралди,
Бир тоза учқундан гулхан таралди.
Ҳарорати юксак эрмаса офтоб,
Бу ҳаёт совуқдан бўларди хароб.
Ҳароратсиз тош у, асло дил эмас,
Дилкушою пурсафо манзил бўлмас.
Беҳарорат нима кўпчигаи ахир,
Етилиб нима ҳам очилгаи ахир.
Ҳароратсиз лабда, бил, ханда йўқдир,
Хандаки, машғалдай тобанда йўқдир.
Шоиро, ёнишдан нола қилмагил,
Висол ҳам ёнишни хуш кўрадир, бил.

Куймасанг, куймоқлик мушкул бўлади,
Ҳам кўнгил қўймоқлик мушкул бўлади.
Шеъринг юрагингдан бўлсин фаввора,
Дилинг тандиридан бир оташпора.
Кўнгилдан кўнгилга йўл топиб, етсин,
Баъзи тош дилларни мумдай эритсин.
Ёр билсин, недир у тинмай ёнмоқлик,
Вафо дарсларидан сабоқ олмоқлик.
Шоиро, ёнмоқдан топдингми хабар,
Ҳеч қачон қилмагил оташдан ҳазар!
Ёнмасанг бунёд этиш мушкил бўлур,
Ёрга ҳам кўнгил тутиш мушкил бўлур.»

Или:

«Ёр билгай куймагу ёнмоқ надир,
Ҳам вафо дарсини ўрганмоқ надир.»

Это придало стихотворению особую благозвучность. Однако количество слогов в его переводе колеблется от десяти до одиннадцати, поэтому, читая это стихотворение ощущаешь некоторую дисгармонию ритмики.

В целом, двум первым поэтам-переводчикам удалось передать метрику оригинала. Наш анализ этих трех переводов в основном был сделан на формальном уровне, теперь же для выявления наиболее удачного и близкого к оригиналу перевода перейдем к анализу трех переводов стихотворения Мирзо Турсунзаде на лексическом уровне.

В переводах Джуры Тилака и Гоиба Хасанбоя много сходства в подборе слов, которые соответствуют словарным вариантам, что сближает их с оригиналом. В переводе Джамшида, наоборот, много лишнего, но и много полностью совпадающего, однако это не делает его ближе по содержанию к стихотворения Мирзо Турсунзаде. В частности, если делать обратный перевод с узбекского языка на таджикский язык каждого стихотворения,

наиболее точным окажется вариант Гоиба Хасанбоя, стихотворение же Джамшида представит себя в какой-то степени новым произведением, несхожее с «Шоиро!» - «Поэт!» Мирзо Турсунзаде.

Турсунзаде в своем стихотворении использует различные средства художественного изображения, и переводчики, естественно, пытаются их сохранить.

В данном разделе диссертации был проведён анализ трёх переводов стихотворения «Шоиро!» Мирзо Турсунзаде с целью выявления в них общего и различного на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях.

Анализ показал, что полного тождества между оригиналом и переводом достичь нельзя. Оригинал остаётся единственным и неповторимым, перевод же может быть лишь адекватным, относительно равнозначным оригиналу литературным произведением, может сближаться с подлинником, но никогда не сольётся с ним. Рассмотрев проблему формы и содержания, мы выяснили, что иногда, в угоду содержанию, форме уделяется минимум внимания, и наоборот. Но главным при переводе является всё-таки содержание.

Проведя анализ переводов, мы пришли к выводу, что по содержанию наиболее близкими являются переводы Дж.Тилака и Гоиба Хасанбоя, хотя они и не полностью совпадают с оригиналом по форме. Перевод Джамшида формально совпадает с «Шоиро!» Турсунзаде, но переводчик нередко отходит от содержания и это наглядно представлено в подстрочном переводе его переложения, где Джамшид изменяет субъект действия. Хотя, изучив лексику оригинала и перевода, видим, что переводчик в некоторых случаях является единственным, кто придерживается точной дословной интерпретации, где это необходимо. «Переводчик воспринимает художественную действительность подлинника как особого рода читатель и как художник, которому предстоит воссоздать её на новом языковом материале», - отмечает Г. Гачечиладзе.

2.2.2. Проблема сохранения национальных особенностей и поэтики Лоика Шерали в узбекских переводах

В настоящее время одним из основных факторов взаимообогащения народов является культурный обмен и литературные связи. Следовательно, современный литературный мир требует комплексного изучения литературных связей, которые содействуют художественному развитию литератур различных народов. В этом плане особое значение имеет основательный анализ и изучение творчества известных представителей литератур, определение их места в творческом взаимодействии.

Одним из важнейших критериев для развития литературы любого народа, наравне с исследованием собственных традиций, является изучение художественного опыта других национальностей. Особую заинтересованность учёных к данному процессу можно объяснить тем, что немаловажным фактором для развития литературы в целом является идейное и эстетическое взаимообогащение и взаимообмен художественными ценностями.

Возрастающий интерес к изучению крайне сложной проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур свидетельствует о том, что этот раздел литературоведения становится весьма актуальным.

Современная таджикская поэзия - сложная поэтическая система, в которой органически слились восточно-классические, фольклорные традиции и современные поиски и эксперименты. Переводчику необходимо знать особенности поэтики таджикского стиха, уметь отличить традиционно-восточное от новаторского явления. Неумение ориентироваться в прошлом и настоящем переводимой поэзии, в стилистической окрашенности ее образов, наносит урон и целостному воссозданию на другом языке.

Воссоздание национального своеобразия таджикской поэзии в узбекских переводах возможно при особой творческой гибкости

переводчика, умеющего проникнуть в содержание оригинала, сохранить самобытность его образной системы, и особенности ритмико-интонационного движения. Об этом свидетельствуют лучшие переводы Гафура Гуляма, Абдулло Каххара, Зулфии, Эркина Вахидова, Абдулло Орипова, которые, обратившись к произведениям выдающихся творческих личностей таджикского народа С.Айни, Абулкасима Лахути, Мирзо Турсунзаде, Миршакара, Мумина Каноата, Лоика Шерали, Гулрухсор и других поэтов современности, создали немало произведений в духе дружбы народов, а также на вечные темы литературы.

Особого внимания заслуживают переводы филигранной и глубоко философской поэзии Лоика Шерали, выполненные в последние десятилетия, после обретения Узбекистаном государственной независимости. Они неравнозначны. Одни отличаются верностью, ясностью и лаконизмом поэтического стиля подлинника, другие по ряду причин настолько отдаляются от текста подлинника, что перед узбекским читателем восстает совершенно другой Лоик, не похожий на себя ни внешне, ни внутренне.

Лоик в одном стихотворении, сегодня выбитом на граните его могилы, писал:

«Ба сабзаҳои гӯри ман касе, ки об медиҳад,
Ба косаҳои чашми ман шароби ноб медиҳад» [55, с. 53].
«Тот, кто травы моей могилы водой поливает,
В глазницы глаз моих чистое вино наливает.»

В этом стихотворении звучит просьба Лоика быть вспомнутым таким, каким он был на самом деле, без прикрас и искажений, без умалений и преувеличений, и тогда он вернется к нам вновь. Это касается и перевода его поэзии на различные языки мира.

В данном разделе диссертации на конкретных примерах переводов произведений Лоика Шералаи, известного таджикского поэта XX века, мы попытались произвести комплексный анализ основных стилистических особенностей поэзии Лоика и национального своеобразия его произведений,

делая при этом акцент на возможности их сохранения при переводе на узбекский язык.

В своем выборе мы остановились на тех переводах, которые были осуществлены узбекскими поэтами-переводчиками в годы независимости Узбекистана, и для начала обратились к стихам Лоика Шерали, включённым в книгу под названием «Онамгинам» («Мама»), опубликованную в 2019 году в Ташкенте в издательстве «Noshirlik yogdusi». В этот поэтический сборник, выпущенный тиражом 3000 экземпляров, вошли лучшие стихи Лоика Шерали в переводе Одила Икромова.

Как известно, передача национально-специфических особенностей стихосложения является неотъемлемой частью проблемы сохранения национального колорита оригинала. Переводчик не имеет права обойти метр и ритм оригинала, так как формообразующие элементы стиха всегда национально самобытны и несут определенную семантическую нагрузку. Задача переводчика - средствами своего родного стиха воссоздать ритмический рисунок оригинала и сохранить стилистическую функцию его размера.

Как пишет известный таджикский литературовед З. Муллоджанова: «Переводчик должен знать характерные для нового круга читателей жизненные ассоциации. Помнить об историко-культурных традициях, эстетических навыках. Естественно, необходимо так передать содержание и форму подлинника, чтобы правильно донести до иноязычного читателя впечатление [67, с. 180].»

Лоик как поэт и его место в современной поэзии - тема отдельного разговора. Сразу оговоримся, что здесь мы ведем разговор о переводе поэзии Лоика на узбекский язык на примере работы одного переводчика – Одила Икромова, владеющего в равной степени обеими языками – узбекским и таджикским.

Показательны переводы Одила Икромов в воссоздании специфики композиции, системы рифм и ритмики оригинала, целостности его формообразующих элементов и содержания поэзии Лоика Шерали.

Передача содержания многих стихов Лоика Шерали, к примеру, таких как «Ба модарам» - «Онамга» («Маме»), «Модар, эй модари дунёнадида» - «Онагинам, дунё курмаган онам» («О мама, не выдающая света, мама»), «Домони модар» - «Она этаги» («Подол матери») и др. осуществлены Одилом Икромовым в соответствии с эстетическими возможностями узбекского читателя, с опорой на традиции лирических произведений – широко применяемых в современной таджикской поэзии мураббаъ, газель, катиба и др.

Собственно, тексты вышеназванных стихотворений Лоика Шерали мы определяем как «вольные переводы». Одил Икромов в целом справился с передачей одной из важных особенностей архитектоники, звуковой сбалансированности поэзии Лоика, где большую сложность представляет внутреннее движение переживаний героя. Однако, в его переводе, по ряду причин (грамматических и синтаксических особенностей узбекского языка, отсутствия эквивалента многозначных таджикских слов и словосочетаний в узбекском языке и т.д.) допущены отклонения, нарушившие лаконичность и прочную степенность каждой строки с последующей строкой.

Например, в первой строфе стихотворения «Ба модарам» - «Маме» («Онагинам»), состоящей из пяти стихотворных строк (первая и последняя строки при этом даны с разрядкой) наблюдаются явные отклонения, кроме того, что в подлиннике первая строка заканчивается словом «модари пирам», а в переводе это ключевое слово перекочевало во вторую строку, строфа из пяти полустиший в оригинале в процессе перевода выросла до десяти строк. Обратимся для наглядности к оригиналу, подстрочному переводу и художественному переводу этой строфы, в исполнении Одила Икромова.

Оригинал:

«Ба кунчи сандалй бишаста шабҳо,

модари пирам,
Ту шояд чомаи домодӣ медӯзӣ ба сад ният,
Ба рӯзи тӯй дида бар қади ман бишқанӣ армон,
Бубинӣ то ба ранги нав, ба ҳусни нав чавоният,
Ба он дастони ларзони шарафмандат
бимирам ман!” [53, с. 101]

Подстрочный перевод:

Ночами сидя у краешка сандали,
моя старая матушка,
Возможно шьешь ты жениховский халат с сотнями помыслов,
Чтоб сбылись твои мечты, увидев его на мне в день свадьбы,
Чтоб в новых красках, с новой красотой могла увидеть
молодость свою,
Да, буду жертвой я твоих дрожащих благородных рук,
матушка моя!

И вот как выглядит этот отрывок из стихотворения в переводе Одила Икромова:

“Ўтриб сандалининг бир чакасида,
Тунларда кӯз юммай, оҳ, қари онам,
Сев, балки, куёвлик тӯнин тикарсан,
Дилда ниятларинг бўлиб бир олам.
Қуёвоик тӯнин қаддимда кӯриб,
Тӯй куни ушласин армонларинг то,
Токи ёшлигининг ранги, чиройи
Қайтадан порласин ва берсин жило.
Онажон, қудратли, тироқ кӯлингта,
Қанийди, айласам жонимни фидо!” [42]

Подстрочный перевод:

Сидя на краю сандала,
Ночью не смыкая глаз, о моя старая мать,

Может, тышьешь свадебный чапан жениха,
Вселяя в свою душу мечты целого мира.
Увидев на мне жениховый халат,
Чтоб в день свадьбы сбылись все твои мечты (грезы),
Чтобы с новым блеском вернулась к тебе ушедшая молодость.
Мама, за твои *(сильные?)* и дрожащие руки
Я готов отдать жизнь свою, о матушка моя!

Мы видим, что в переводе Одила Икромова, в целом сохранившего содержание оригинала (с некоторыми отклонениями), допущена вольность в отношении структуры строфы – она попросту разрушена. Причина такого вольного обращения с оригиналом — недопонимание роли строфы. А между тем, она имеет важное значение для стиха, во-первых, как ритмическая единица, во-вторых, как своеобразное эмоционально-тематическое целое.

Лоик Шерали относится к небольшому числу поэтов, который наблюдая за своим временем, с величайшей проницательностью и учтивостью смог отобразить своё мерило, пространство и культурно-историческую среду. В его изобразительном мастерстве, которое выражает формальную национальную суть его поэзии, представлена характерная черта его художественной идеи, уходящей корнями в историю и культуру нации.

В связи с этим важную роль в определении национальной формы поэзии Лоика Шерали играют национальные формальные элементы, метод изображения, язык, лексические и грамматические особенности поэзии, средства изображения, национальные культурные признаки, природные, географические особенности и др.

Примером тому может служить стихотворение Лоика «Дар қиёси гӯри мардон» («В сравнении с могилой мужчин»), написанное в форме четырехстрочной строфики, с рифмовкой абва, абвб и т.д. в размере рамал. Кроме того, поэт в этом стихотворении щедро использует элементы национальной культуры, обрядности, которые также отражают национальную форму его наследия.

Узбекский поэт-переводчик Одил Икром, владеющий таджикским языком наравне с узбекским, поставил перед собой цель воссоздания национальных особенностей поэзии Лоика, сохранения национальных стиховых форм, метрической схемы оригинала и добился заметных успехов в этом, наметив тем самым перспективные пути воссоздания таджикского аруза. Сравнительный анализ перевода данного стихотворения с текстом оригинала и подстрочником позволяет нам убедиться в сказанном.

Оригинал:

«Дар қиёси гӯри мардон пештар,
Гӯри занро жарфтар мекофтанд.
Гӯйӣ ӯ дорад гуноҳони азим,
Аз шариат ҳилаҳо мебофтанд.

Гӯри занро жарфтар мекофтанд,
То гуноҳаш жарфтар пинҳон шавад.
Тоз зи хоки ӯ нарӯяд сабзае,
Боиси маъсияти покон шавад.

Беҳабар аз он ки зан модар бувад,
Чурмаш он бошад, ки инсон зодааст.
Бар чунин одатшиносони дурушт,
У насиби зиндагонб додааст.

Беҳабар аз онки модар холиқ аст,
Зиндагӣ ёбад аз ӯ такрорҳо.
Аз гуноҳи чумла фарзандони хеш,
Мекашад дар гӯр ҳам озорҳо.

Беҳабар аз он ки зан ҷони ҷаҳон,
Чашмҳоро бар ҷаҳон бикшодааст.
Гар гуноҳе дорад он ҳам ин бувад
К- он чунон ноқадрдонон зодааст» [55, с. 87].

Подстрочный перевод:

В сравнении с могилой мужчин
Могилу женщин копали глубже,
Ссылаясь на то, что у неё больше грехов -
Искали ухищрения в шариате.

Могилу женщины копали глубже,
Чтоб захоронить её грехи глубже.
Чтоб из её праха не проросла трава -
И не стало это осквернением безгрешных.

Не осознавая, что женщина прежде всего мать,
Грех её лишь в том, что произвела человека на свет.
Что таким грубым законооведам шариата
Она подарила счастье жизни на белом свете.

Не ведая о том, что мать – творец жизни,
Что от неё идет продолжение, круговорот жизни,
то от содеянных её детьми грехов,
Она и в могиле испытывает боль и страдания...

Не осознавая то, что женщина – есть душа вселенной,
Открывшая им глаза на мир окружающий их.
Если она и совершила какой-либо грех,
Это то, что явила на свет божий таких неблагодарных.

Перевод Одила Икрома:

“Илгари эркаклар гӯридан кӯра
Чукур қазиганлар аёллар гӯрин.
Гуноҳи катта деб топлдилар мудом
Шариатдан не-не ҳийлалар йӯлин.

Чукуррок қазигнлар аёллар гӯрин,

То гуноҳин кӯмсин деб ернинг таги.
Бирор майса ўсиб чиқмасин эмиш,
Булғанмасин эмиш поклар этаги.

Лек улар билмасди, аёл бу- она,
Инсонни туғди у, гуноҳи шудир.
Бундай одатшунос, разил зотларга
Ато айлаганин ҳаёт ва умр.

Улар билмас, она яратгувчидир,
Она билан топар бу ҳаёт такрор.
Гарчи фарзандларин гуноҳи учун,
Ҳатто гӯрида ҳам тортади озор.

Улар билмас, аёл – жаҳонинг жони,
Она боис кўргай олами кўзи,
Гуноҳи бор бўлса, у ҳам шул:
Шундай
Қадр билмасларни тукқандир ўзи” [42]

Передать в переводе многообразие художественной палитры поэта, движение мыслей и чувств иноязычного художника слова, воспроизвести их на другом языке обычно бывает под силу лишь многочисленному коллективу поэтов. Сборник стихов Лоика Шерали, составленный узбекским поэтом переводчиком, – плод его единоличного труда. Он не только переводчик всех песен, но и усерднейший их собиратель, не только поэт, но и знаток современной таджикской поэзии. Таким образом, к переводам лирики Лоика Шерали он подошел во всеоружии обширного опыта, как зрелый и надежный талант, прочно усвоивший традиционные формы классической и современной таджикской поэзии.

Сравнив русский перевод проанализированного нами стихотворения, выполненный известным переводчиком восточной поэзии Яковом

Козловским, можно убедиться, с каким уважением Одил Икром отнесся к творению таджикского поэта.

Вот как выглядит это стихотворение Лоика Шерали в переводе Якова Козловского:

«Я знаю: женщина была
Мужчин безгрешнее от века.
Во славу жизни человека
Она на свет произвела.
Любила, мучилась, ждала,
Несла свой жребий в одиночку.
И песни пела до светла
Неблагодарному сыночку.
Был дик обычай старины,
И новый счет идет годам,
Но перед женщиной вины
Вовек не искупить мужчинам» [56, с. 34].

Этот перевод никак нельзя отнести к поэтическому мировосприятию Лоика Шерали. Яков Козловский настолько своевольно и безответственно подошел к его воссозданию на русском языке, что глубоко национальное и философски заостренное стихотворение стало больше похоже на цикл частушек. В нем откуда-то появились не существующие в переводе обращение от первого лица и такие строки, как:

«Во славу жизни человека
Она на свет произвела.
Любила, мучилась, ждала,
Несла свой жребий в одиночку.
И песни пела до светла
Неблагодарному сыночку...».

Добротный перевод Одила Икромова в свете поставленных в настоящем исследовании проблем позволяет составить также общую

типологию переводческих ошибок, мешающих верному воспроизведению национальной специфики таджикской поэзии:

а) поэтические находки, индивидуальные образы Лоика Шерали во многих переводах заменяются обычными, традиционными;

б) переводчики часто вводят в текст свои эпитеты и метафоры, чуждые образной ткани оригинала;

в) усложненность образной системы перевода, излишняя насыщенность эпитетами, расширение метафор в сравнении с выразительной лаконичностью подлинника;

г) изменение ритмико-интонационной организации стиха в переводе;

д) передача метрической гармонизированной формы оригинала свободными стихами.

Эти явления наблюдаются в переводах Аслиддина Камарзода в сборнике Лоика Шерали “Хайём жоми: рубоийлар” – “Чаша Хаййяма: рубаи” (2022).

Известный таджикский литературовед З. Муллоджанова пишет: «Переводчик должен знать характерные для нового круга читателей жизненные ассоциации. Помнить об историко-культурных традициях, эстетических навыках. Естественно, необходимо так передать содержание и форму подлинника, чтобы правильно донести до иноязычного читателя впечатление, которое производит оригинал на своем родном языке» [67, с. 180].

Передача содержания рубаи Лоика осуществляется Аслиддином Камаровым в соответствии с эстетическими возможностями узбекского языка, с опорой на традиции классической поэзии, жанр рубаи в узбекской поэзии.

Собственно, текст рубаи Лоика на узбекском языке мы определяем, как «вольный перевод». А. Камаров, на наш взгляд, не справился с одной из трудно воспроизводимых в переводе особенностей жанра рубаи, в котором

большую сложность представляет движение философской мысли и глубина чувств героя. В первом рубаи, которое мы приводим ниже, не наблюдаются явные отклонения, кроме того, что в подлиннике первые два полустишия начинаются с вопроса (До коих пор ты будешь уповать на Хафиза и Рудаки?), а в переводе эта тональность несколько ослаблена и не подчеркивается вопросительным знаком. Кроме того, в переводе опущено ключевое слово «трибуна свободного слова – минбари озоди сухан».

Оригинал:

«То чанд ту бо гузаштагон менозй,
Бо Рӯдакию ба Ҳофиз Шерозй?
Вақт аст сари минбари озоди сухан
Хайёми дигар, Ҳофиз дигар созй!» [54].

Перевод:

“Ўтганлар номи билан ғўдаясан қанча,
Рудакий, Ҳофиз Шерозий ила анча.
Эркин сўз минбарига сен ҳам чиқ-да,
Янги Хайём, бошқа Ҳофиз яса бунда” [45].

При переводе другого рубаи А. Камаров избрал метод буквального перевода, и это позволило ему лишь немного отдалиться от оригинала: он соблюдает в этом рубаи очередность выражения мысли, сохраняет форму рифмовки и редиф, композицию жанра рубаи. Однако во второй строке слово *мотам* – *траур* в оригинале, в переводе превращается в *память* – *ётганлар*, что несколько снижает экспрессивность чувства лирического героя. В четвертой строке рубаи А. Камаров для сохранения рифмы использовал отсебятину – *жунун учун* – *подобно безумному*, что совершенно выпадает из общего контекста четверостишия. То есть при всей близости перевода к содержанию оригинала, его нельзя назвать точным переводом.

Оригинал:

«Ин хок мисоли модарон мегирад,
Дар *мотами* хокхуфтагон мегирад,

Ҳар роҳ, ки нақши бад гузоранд бар ӯ,
Дар зери қудуми нокасон мегирад» [54].

Перевод:

“Бу тупроқ оналар каби мунг йиғлар,
Тупроқ тагида ётганлар учун йиғлар.
Ҳар йўлда агар ёмон қадам қўйганда,
Нокас оёғи остида чун жунун йиғлар” [45].

Сравнивая оригинал третьего рубаи с переводом, можно наблюдать верное соотношение лексем: *Бо айби гунаҳ савоб – Гуноҳ айбидин савоб, оташи ҷаҳл – жаҳл оловида, сих ва ҳам кабоб - Унда сих ила кабоб* и т.д. Правильный подбор эквивалентных слов позволяет считать перевод данного отрывка близким оригиналу:

Оригинал:

“Бо айби гунаҳ савоб сўзад бешак,
Дар оташи ҷаҳл об сўзад бешак.
Ин сон, ки пур аст оташи манқалдон
Ҳам сих ва ҳам кабоб сўзад бешак» [54].

Перевод:

“Гуноҳ айбидин савоб куйгай шаксиз,
Жаҳл оловида сув ҳам куйгай шаксиз.
Кўмирхонада гўё эрур бу дунёда инсон,
Унда сих ила кабоб куйгай шаксиз”. [45, с. 9-10].

В переводе описываются процесс жизни человека, находящегося между добрыми деяниями и соблазном совешения грехов, поэтому перевод сохраняет важные особенности оригинала, за исключением неправильно понятого слова в третьей строке рубаи *Ин сон*, которое переводится как *поскольку, потому как, ввиду того*. Переводчик же понял это слово как *человек*. Но слово *человек* в таджикском языке пишется слитно - *Инсон*. Из-за этой погрешности третья строка в переводе звучит как: *Человек будто*

находится в топке печи, что, конечно же, логически не вяжется с последующей, заключительной строкой.

Выполнение такой трудной работы, как перевод филигранных рубаи Лоика Шерали, потребовало от переводчика больших знаний в области языка, литературы, культуры, и было продиктовано, по-видимому, чувством благоговения и восторга перед талантом гения Лоика. В целом А. Камаров, владеющий в равной степени таджикским и узбекским языками, будучи известным литературоведом и критиком, переводчиком произведений многих современных таджикских поэтов, сумел воссоздать поэтическую интонацию оригинала рубаятов Лоика Шерали. Он стремился как можно точнее донести до узбекского читателя и содержание, и поэтичность рубаи Лоика посредством общей для таджикской и узбекской поэзии метрики аруз и образной системы, воссоздать величие оригинала. В переводах А. Камарова ярко выражено глубокое знание классической и современной таджикской поэзии, чувствуется его эмоциональное соучастие, сопереживание, без которого нельзя считать художественный перевод полноценным. Большинство его переводов представляет собой единство формы и содержания.

Оригинал:

«Бечорааму ҳазору як чора кунам,
Дилро паи дилшиносӣ овора кунам,
З-он чӯб, ки аблаҳе тарошад тобут,
Болор ба хона ё ки гаҳвора кунам» [45].

Подстрочный перевод:

Я беден и нахожу тысячу один выход,
Не даю покоя сердцу в поисках расположения других сердец,
Из той древесины, что глупец строгаёт тобут,
Я строгаю балки для крыши дома или гахвору – колыбель.

Перевод:

«Бечора ману минг бир чора кўрурман,

Кўнгил топишга юрак овора қилурман.
Аҳмақ тобут ясаётган ул ёғочдин,
Кошопага устун ёки гаҳвора қилурман.”

Сравнительный анализ перевода с подстрочником свидетельствует о верной оценке перевода А. Камарова, которую мы высказали выше.

Читая эти переводы, можно убедиться в вышесказанном. Переводческий процесс состоит из двух этапов: понимания и оформления. Обычно при анализе они трудно делимы: когда мы видим в переводе с оригинала какое-то отклонение от подлинника, мы, как правило, не можем сказать, то ли здесь переводчик увидел в словах подлинника больше (или меньше), чем видим мы, то ли он увидел то же, что и мы, и не сумел (или не захотел) уложить увиденное в строки перевода.

При переводе с подстрочника эти этапы разделены: понимание текста целиком задает подстрочник, оформление берет на себя переводчик. Отклонение от буквы оригинала переводчик может объяснить своим "проникновением в дух" подлинника; отклонение от подстрочника никак не может быть "проникновением в дух", а может быть только "от лукавого", только вольностью переводчика. (Исключения возможны, но крайне редки, например, когда переводчик имеет возможность пользоваться, кроме подстрочника, другими источниками, скажем - устными консультациями.)

Все это делает чрезвычайно любопытным сопоставительный анализ подстрочников и сделанных по ним переводов.

Для создания полной картины таджикской поэзии на узбекском языке нужен подробный анализ переводов, выполненных такими истинными мастерами художественного слова, как Рамз Бободжон, Эркин Вахидов, Абдулло Орипов. Их переводы часто очень тонко и во всем великолепии передают особый национальный колорит поэзии современных таджикских поэтов и не нуждаются в серьезных коррективах.

Сегодня, с укреплением литературных связей таджикского и узбекского народов, необходимо разобраться, как обстоит дело с переводом

стихов Бозора Собира, Гулрухсор Сафиевой, поэтические миры которых еще только приоткрываются узбекскому читателю в немногочисленных переводах, к которым следует вернуться в других исследованиях.

Есть необходимость еще раз вернуться к переводу стихов Лоика Шерали, отнестись с большим уважением к своеобразию творческой манеры этого гениального и самобытного художника слова, внесшего огромную лепту в укрепление литературных связей таджикского и узбекского народов.

В целях дальнейшего улучшения качества узбекских переводов современной таджикской поэзии целесообразно провести следующие сопутствующие этому делу мероприятия.

Учитывая большое значение историко-литературных и теоретических статей (предисловий и введений) к сборникам поэтических переводов, значительная часть которых принадлежит перу самих переводчиков, было бы целесообразно издательствам уделять особое внимание их качеству и привлекать к этому специалистов-ученых.

Переводные сборники вообще часто остаются без оценки критиков-переводоведов. Авторы рецензий обычно анализируют оригинальное творчество, оставляя в стороне работу переводчиков и то, насколько верно отражена индивидуальность переводимого текста автора.

Назрела крайняя необходимость в обсуждении переводных изданий в широкой общественно-литературной среде для выяснения насущных вопросов перевода современной литературы, в том числе, конечно, поэзии, для определения положительных традиций, подлежащих дальнейшему развитию и усовершенствованию, а также недостатков, которые необходимо изжить в переводческой практике.

Необходимо в курсах переводоведения в вузах республики особое внимание уделять проблеме поэтического перевода, привлекать двуязычных студентов к переводческому делу, формировать будущие кадры переводчиков, прививая им необходимые навыки и любовь к искусству перевода.

Все еще острой и актуальной остается проблема подстрочника. Подавляющее большинство переводов из современной таджикской поэзии осуществлено с подстрочников. Оставив в стороне вопрос о необходимости переводов с оригинала (который, вероятно, будет решен не скоро), следует продумать о конкретных мерах улучшения переводов с подстрочников. В первую очередь здесь надо повысить качество самих подстрочников, снабдить их комментариями. Не вина поэтов-переводчиков, что они плохо знают поэтику, особенности оригинальной поэзии. Творческая интуиция, талант, личные контакты - этого, оказывается, мало для того, чтобы понять своеобразие оригинальной поэзии. Необходимо издавать на узбекском языке работы литературоведов-исследователей таджикской поэзии. Из этих монографий, статей, исследований могли бы почерпнуть и пополнить свои знания любознательные переводчики.

Общий взгляд на узбекские переводы современной таджикской поэзии приводит к выводу о том, что при имеющихся достижениях, есть еще много пробелов, недочетов, требующих своего восполнения и изучения.

Исходя из сложившихся обстоятельств, не только переводчикам, но и критикам и теоретикам перевода предстоит еще большая работа с целью создания целостной научной картины всей таджикской литературы на узбекском языке. И тут должной опорой могут служить традиции переводческой школы и достижения современного переводоведения.

2.2.3. Проблема воссоздания поэтической образности поэзии

Бозора Собира в переводах на узбекский язык

Произведения великих таджикских и персоязычных поэтов и писателей всегда вызывали интерес во многих странах: в Европе прекрасно знают и любят Руми и Фирдоуси, французы познакомились с Центральной Азией через высокую поэзию Хафиза и Саади, японцы обожают и очень тонко понимают Омара Хайяма. Буквально весь мир узнал и полюбил «Смерть

ростовщика» С.Айни, и все это - благодаря труду переводчиков. Поистине, для прекрасного нет непреодолимых преград, хотя всем известно, что барьеры, стоящие на пути обмена информацией, были всегда многочисленны и значительны.

Все эти барьеры, именуемые проблемами перевода, на протяжении многих лет привлекают пристальное внимание исследователей - лингвистов и литературоведов.

Каждый переводчик художественного произведения по-своему решает основной вопрос языкового перевода: точность или красота (*fidelity or beauty*). Но что понимать под точностью? Следование букве или духу оригинала? При этом одни переводчики считают важным соответствие перевода духу родного языка и привычкам отечественного читателя, другие настаивают, что важнее приучить читателя воспринимать иное мышление, иную культуру и для этого идти даже на насилие над родным языком. Выполнение первого требования ведёт к вольному переводу, выполнение второго - к переводу дословному, буквальному. В истории культуры эти два типа переводов сменяют друг друга.

В данном разделе рассматриваются проблемы художественного перевода как особого вида рода искусства на примере перевода нескольких стихов известного таджикского поэта, лауреата государственной премии Абуабдулло Рудаки Бозора Собира на узбекский язык. Наш выбор произведений этого удивительного по манере письма поэта продиктован тем, что его стихи отличаются глубокими мыслями, богатой палитрой образов, наталкивающих читателей к размышлениям, что их перевод позволяет проследить два различных подхода к воссоздания поэтической образности поэзии поэта.

Среди узбекских переводов современной таджикской поэзии наиболее значительными являются переводы, осуществленные Абдулло Ориповым, Эркином Вахидовым, Нормуродом Нарзуллоевым, Гулчехрой Ибрахимовой Ульмасом Джамолом, Амонбоем Джумановым и другими. Они заложили

определенные традиции перевода творений выдающихся таджикских поэтов, которые продолжают развивать более молодые таджикские поэты-переводчики.

Благодаря переводу произведения таджикских поэтов заняли особое место в сокровищнице узбекской литературы. Они сыграли важную роль в обогащении узбекской поэзии новыми формами, свежими образами, новыми ритмико-интонационными особенностями.

Размышляя над переводами произведений Бозора Собира на узбекский язык, можно утверждать, что главная причина обращения узбекских переводчиков к его творениям заключается в том, что его стихотворения, оригинальны, неповторимы наполненностью чувством свободы, овеяны великим гуманизмом, привлекательны своей задушевностью и искренностью. Особенно близки сердцам людей его стихотворения, в которых воспевается чисто человеческая, бескорыстная любовь, стихи, наполненные емкой поэтической мыслью, метафорическим богатством языка.

Бозор Собир не стремится к сотворению витиеватых и напыщенных слов и словосочетаний. Его образный мир вырастает из самой действительности, из, казалось бы, простых и обычных слов, которые нанизываются им таким образом, что возникает многокрасочная картина, в которой вереница слов и словосочетаний начинают дышать и наполняться глубокими мыслями и чувствами. Слова и словосочетания, вращаясь в жернове размышлений, чувств и фантазии поэта, набирают неповторимые краски, оттенки и широту значения, поэтому при переводе его творений на другие языки, переводчику необходимо стремиться к такому восприятию, чтобы донести красоту, мысли и чувства поэта до своих читателей.

Можно с уверенностью сказать, что узбекские читатели, познавшие поэзию Бозора Собира через переводы знатоков таджикского языка, поэтов, испытывают большую радость и истинное восхищение. Однако наше изучение различных вариантов переводов произведений Бозора Собира на

узбекский язык, изучение научной литературы касательно этого вопроса убедили нас в том, что отдельные произведения поэта нуждаются в новых переводах, по причине их большой отдаленности от оригинала. Тема данного раздела актуальна и проливает свет на целый ряд проблем, связанных с трудностями перевода таджикской поэзии на узбекский язык, среди которых такие вопросы, как:

- Могут ли в основе перевода лежать точно те же чувства, что подвигли на создание переводимого оригинала?

- Неужели только намерение расширить сферу информации современника подвигла многих узбекских поэтов на такой грандиозный труд, как перевод?

- Нужно ли заново переводить отдельные стихотворения и поэмы Бозора Собира и т.д.?

Вопрос о том, как воспринимается поэзия Бозора Собира на узбекском языке, всегда волновал и продолжает волновать исследователей его творчества. Прежде всего, внимание исследователей творчества этого поэта обращается к сохранению национальных, индивидуально-авторских особенностей оригинала: авторского стиля, глубины и своеобразия художественной мысли. В статьях, посвященных анализу поэтических переводов поэта на узбекский язык, часто отмечаются случаи ослабления национального своеобразия подлинников, искажения авторского стиля. Поэтому возникает необходимость научного исследования проблемы сохранения национального и индивидуально-авторского своеобразия поэзии Бозора Собира в переводах на узбекский язык, выявление слабых переводов, ненужных, часто искажающих ценность оригинала, которые допускают некоторые его переводчики.

Исходя из всего вышесказанного мы задались целью проанализировать замечательное произведение Бозора Собира, под названиями «Лачуга моей матери» - «Кулбаи модарам». В оригинале текст стихотворения выглядит следующим образом:

Кулбаи модарам

«Дар навдаи тути модар овезон
Чун халтаи чака халтаи маҳтоб,
Дар кундаи тути модар овезон
Чун халтаи моҳ халтаи ҷурғот.

Шаб аз лаби боми кулбаи модар,
Ҳамчун зари об мечакад маҳтоб,
Аз халтаи моҳу халтаи ҷурғот
Ҳамчун зари ноб мечакад зардоб...

Ман дар тани кӯдакӣ фурӯ рафта,
Худро таги тути пухта мебинам,
Дар ҷолаи туту тутборонаш
Як мушт ятими хуфта мебинам.

Як мушт ятими хуфтаре модар
Дар тахтаи дил гирифта мехобад,
Дар пахтаи дил гирифта мехобад.
Сар монда ба тахтаи дили модар,

Сар монда ба пахтаи дили модар,
Бо чак-чаки ака мебарад хобам,
Чун рағғани маска мебарад хобам.

Дар ҷогоҳи мо, ки тут мерезад
Чун ҷола, ки моҳи хут мерезад,
Хамёза, ки мекашӣ ба нохост
Шаб дар даҳони ту тут меафтад.

Вақте, ки сапеда деги гардунро
Чун модари ман ба рег мешӯяд,
Вақте, сапеда ки гови гардунро

Чун модари ман пагоҳӣ медӯшад,
Бо шир-шири шир мешавам бедор,
Бо шир-шири ширдӯшии модар...

Дар хоби шабам ханӯз беохир
Ман дар тани кӯдакӣ фурӯ рафта
Худро таги тути пухта мебинам,
Дар чоли туту тутборонаш
Як мушт ятими хуфта мебинам,
Додар ба бағал гирифта додарро,
Хоҳар ба бағал гирифта хоҳарро.

Вақте, ки аз миёна бархезам,
На мушти ятими хуфта мебинам,
На дасти бағалгирифта мебинам,
На навдаи тути пухта мебинам
На! На! На ба мушт донае туге,
Танҳо ману мушти сахти калтуге.
Ман аз тани кӯдакии ман ҳар бор

Чун мурғи пагоҳӣ мешавам бедор,
Чун мурғи пагоҳӣ сина мекӯбам,
Чун мурғи пагоҳӣ мезанам фарёд,
Чун мурғи пагоҳӣ мекунам ку-ку:

Ку хоҳаракони хонарӯбам, ку?!
(Сад соли дароз хона наруфта),
Ку додаракони хонабонам, ку?
(Сад соли дароз хона бесохиб),
Ку модараки сеғарабонам, ку?!
(Сад соли дароз дег ношуста,
Дегу табақаш бо рег ношуста).

На чак-чаки халтаҳои хобовар,
На шир-шири ширдӯшии модар,
Девори гилеву сояравшанҳо,
Девори дилеву сояравшанҳо,
Дар шохи чанор халтаи маҳтоб,
Аз халтаи сина мечакад зардоб” [112, с. 70-73].

Следует отметить, что в данном стихотворении писатель раскрывает пронизывающую до глубины души боль разлуки с родными, ностальгию о безвозвратно ушедшем детстве, материнской любви и ласке в родном родительском доме, о родных братьях и сестрах, которых нет. Остается лишь спрашивать, как кукушка: *ку? ку?* – (буквально- где? где?). От этого стихотворения веет такой глубокой тоской, что каждое слово как эхо возвращает читателя к воспоминаниям детства, пропущенных через сердце поэта. Поэтому у нас большие претензии к, казалось бы, хорошему переводу данного стихотворения на узбекский язык, выполненному двуязычным переводчиком Сайфулло Куллаевым.

Прежде чем провести сопоставительный анализ узбекского перевода с оригиналом, считаем необходимым представить подстрочный перевод стихотворения, которое звучит следующим образом:

Лачуга матери моей

На ветке тутовника моей матери висит,
Словно мешочек с густым кислым молоком, мешочек луны,
а суку тутовника матери висит,
Подобно мешку луны, мешок с простоквашей.

Ночью с крыши лачуги моей матери,
Подобно золотой струе воды, капает луна,
С мешочка луны и мешочка простокваши,
Подобно золоту воды, капает сыворотка...

Окунувшись в тело (воспоминания) детства,
Вижу себя под спелыми ягодами тутовника,
Вижу себя комочком спящей сироты
Под градом осыпающихся ягод тутовых.

Мама спит, прижав к груди
Спящий комочек сироты,
Спит, прижав к своей груди,
Спит, погрузив в вату сердца своего.

Положив голову на грудь матери,
Окунувшись с головой в её мягкое, как вата, сердце,
Я засыпаю под капель стекающей сыворотки,
Засыпаю мягким сном, как сливочное масло.

На постель нашу сыпется тут,
Как град в конец зимы,
И когда непроизвольно зеваешь,
Ночью в рот твой пдают тута ягоды.

Когда лучи рассвета небесный котел,
Подобно моей матери, будто она моет песком,
Когда, рассвет небесную корову,
Словно мать доит ручём,
от звуков струящегося молока я просыпаюсь,
Просыпаюсь под звом молока, струящегося в бидон...

Я еще сплю, погруженный ночью в бесконечный сон,
Утопая в теле воображения своего детства,
Видя себя под созревшими ягодами тутовника,
Под градом тутовника и его дождя,
Комочком сироты вижу себя я,

Вижу, как спит брат, обняв брата,
Вижу, как сестра спит, обняв сестру.

Когда же, проснувшись среди них, встаю,
Не вижу ни комочка спящей сироты,
Ни рук, обнимающих друг друга братьев,
Ни ветвей созревшего тутовника
Нет! Нет! Ни ягодки тута в кулаке,
Вижу только себя и сучок срезанного тутовника.

Когда всякий раз просыпаюсь из своего детства,
Подобно утренней птице, вестнице зари,
Подобно утренней птице, бью себе в грудь,
Подобно утренней птице, издаю крик души,
Как птица кукушка взываю: где- где вы?

Где сестрицы мои, подметающие двор?!
(Сто лет, как двор не видел метлы),
Где братья мои, охраняющие дом?
(Сто лет, как дом стоит под замком),
Где мать моя, ласкающая сирот?!
(Сто лет уже не мыт котел,
Песком не мыты посуда её и котел).

Не слышно капли с мешоков, навевающих сон,
Ни звука молока, струящегося в бидон,
Лишь глиняный забор и светотени,
На ветке чинары мешочек луны,
Сыворотка (гной) вытекает из мешочка души.

Подытоживая свои наблюдения, невозможно не заметить превосходную фантазию поэта, его способность передать тончайшие чувства ностальгирующей души, свидетельствующие о мастерстве поэта, его

поэтическом видении, умении простыми словами, красочными оборотами речи создавать зримые образы, рождающиеся из самой действительности. Чтобы передать все великолепие творения таджикского поэта на другом языке, от переводчика требуется умение перевоплотиться в автора оригинала, находить соответствующие эквиваленты в сокровищнице своего родного языка.

Мы располагаем переводом этого стихотворения на узбекский язык выполненным Сайфулло Кулаевым:

Онам кулбаси

«Тутнинг новдасида турар осилиб,

Қатиқ халтасидек моҳтоб халтаси.

Тутнинг кундасида турар осилиб,

Ойнинг халатасидек чакоб халтаси.

Онам кулбасиннинг қамиш тоmidан,

Зар томчилар каби томичлар моҳтоб.

Ой билан чакобининг зар халтасидан,

Зар сочиб бу замон томичлар зардоб.

Болалик ичига қайтадан шўнғиб,

Тутлар ичра юзимғбетимни кўрдим.

Тутлар тўқилиб ётган ул жойда,

Ухлаб ётган муштдек етимни кўрдим.

Онам ўшал бир мушт, бир мушт етимни,

Дилнинг тахтасида олиб ухлайди.

Дилнинг пахтасига олиб ухлайди.

Дилнинг тахтасига бошимни қўйиб,

Дилнинг пахтасига бошимни қўйиб,

Чакоб чак-чаки –ла ухлаб қоламан,

Чакка маскаси-ла ухлаб қоламан.

Тўшакнинг устига тўқилади тут,
Жала тўқилгандай келганида хут.
Эснаб оғиз осанг билмасдан ногох,
Кеалар оғзинга тўқилади тут.

Онам каби ҳар тонг, ҳар субҳи содик,
Гардун қозонини рег билан ювар.
Онам каби ҳар тонг, ҳар субҳи содик,
Оқ тонглар гардунининг сиғирин соғар.
Уйғониб кетаман сут оқиши – ла,
Онамнинг шир-ширлаб сут соғиши-ла.

Тунги уйқу тушда гоҳи беохир,
Болалик ичига қайтадан шўнғиб,
Тут остида юзим -- бетимни кўрдим.
Жала каби ёққан тутнинг остида,
Ухлаб қоған бир мушт етимни кўрдим.
Ука укасининг олган қўйинга,
Сингил силнгилисини олган қўйинига.

Ўрнимдан туриб мен, қарайман секин,
Ухлаган ул етим, етим укам йўқ.
Кўрмасман оғушлаб олган қўлларни,
Пишган тутнинг новдаси ҳам йўқ.
Йўқ! Йўқ! Ҳовучдаги тутларим уди,
Калутнинг мушти бор, калутнинг мушти.

Қани? Дейман қушдек, Қани? Ку – кулаб:
Уйни супургуви сингилчам қани?!
(Уйлаб тўзғиб ётар юз йилдан бунён),
Уйни боқиб турган ул укам қани?!
(Уйим безгадир юз йилдан буён),

Етим боққувчи ул, ул онам қани?!

Юз йил ўтди чиркин қозон-дег билан,

Идиш ювилмаган қуму рег билан.

Чакка халтасининг ул томиш йўқ,

Энамнинг шир-ширлаб сут соғиши йўқ.

Бу гил девор билан сояравшанлар,

Бу дил девор билан сояравшанлар.

Чинорнинг шохида моҳтоб халтаси,

Кўксимда томчилар зардоб халтаси” [113, с.10-12].

Буквальное следование ритмометрической форме, особенностям рифмы, чрезмерная дословность в ущерб содержательному компоненту анализируемого нами стихотворения привели к двусмысленностям, логико-смысловым противоречиям, разрозненности и неестественности поэтического синтаксиса, нарушению узуса узбекской номинационной системы и в итоге - к ослаблению художественно-эстетического впечатления в целом.

Сравнение перевода стихотворения с подстрочником даёт нам право утверждать, что Сайфулло Кулаев только в некоторых случаях сохранил дух оригинала, образные выражения и деревенский колорит подлинника.

Конечно, в защиту переводчика можно сказать, что ему в целом удалось сохранить общий смысл данного стихотворения, но можно заметить, что, к сожалению, перевод Сайфулло Кулаева примерно на 30% похож на подстрочник.

По мнению многих исследователей, лучшие переводы могут содержать условные изменения в сравнении с оригиналом, и эти изменения совершенно необходимы, если целью является создание аналогичного оригиналу единства формы и содержания на материале другого языка, однако от объема этих изменений зависит точность перевода. Именно минимум таких изменений предполагает адекватный перевод. В переводе же Сайфулло

Куллаева слишком много переводческих трансформаций, и поэтому его перевод выглядит, как некое переложение, как будто сочиненное самим переводчиком.

Если рассуждать логически, зачем писателю создавать свои произведения, если в будущем другие будут понимать это совершенно по-другому? Но литература – это не математика, которая с помощью формул передает предмет своего изучения. Литература – это голос времени; может быть, более остальных видов искусства она способна передать историю человечества, благодаря синонимам, метафорам или другим похожим по смыслу словам переводчик может безошибочно передать идею автора, его чувства, даже если перевод слово в слово не соответствует подлиннику.

Возникает вопрос: возможно ли совершенно точно и полно передать на одном языке мысли, выраженные средствами другого языка? По этому вопросу в научной среде традиционно сложились две противоположные точки зрения. Согласно первой точке зрения, которая носит название «теории непереводаемости», полноценный перевод с одного языка на другой вообще невозможен вследствие значительного расхождения выразительных средств разных языков; перевод является лишь слабым и несовершенным отражением оригинала, дающим о нем весьма отдаленное представление. Вторая точка зрения, которой придерживается большинство исследователей, заключается в том, что любой развитый национальный язык является вполне достаточным средством для полноценной передачи мыслей, выраженных на другом языке. Это тем более справедливо в отношении русского языка – одного из самых развитых и богатых языков мира. Практика переводчиков доказывает, что любое произведение может быть полноценно (адекватно) переведено на русский язык с сохранением всех стилистических и иных особенностей, присущих тексту данного автора.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что в переводе С. Куллаева воссоздаются особенности оригинального произведения: художественные образы, идиомы, игра слов, стилевые черты и поэтика стихов, то есть

индивидуальный подход и организация идейно-художественной системы автора.

2.3. Поэтика и семантика современной узбекской поэзии в зеркале переводов на таджикский язык

Особенности перевода современной узбекской поэзии

Освещение литературных опытов узбекских современных поэтов на таджикский язык имеет свою давнюю традицию. Многие известные поэты Таджикистана, М. Турсунзаде, М. Миршакар, А. Дехоти, М. Рахими, Гулчехра Сулейманова и более молодые мастера художественного слова Мумин Каноат, Лоик Шрали, Гулназар Келди, Гулрухсор, регулярно обращаются к произведениям лучших поэтов и прозаиков Узбекистана - Абдуллы Арипова, Эркина Вахидова, Сираджидина Саида, Усмана Азима, Уйгуна Рузиева и др. в переводах на таджикский язык.

Таджики и узбеки на протяжении многих веков были вместе, ценили дружбу и братство. Благодаря выдающимся историческим личностям отношения дружбы и взаимопонимания крепились ещё больше и обретали новое содержание. Ярким примером этому является творческое содружество и дружба между Мавлоно Абдурахмоном Джамии и Миром Алишером Навои. Современники, а затем другие летописцы, вспоминали об их поразительно искренних отношениях, которые могут быть между духовным наставником и преданным учеником.

Говоря о переводной литературе, считаем необходимым упомянуть о многочисленных переводах на таджикский язык именно тех художников слова Узбекистана, чье творчество оставило глубокий след в литературном наследии таджикской литературы.

Благодаря прекрасным переводам Лоика Шерали, Аскара Хакима, Камола Насрулло, Гулчехры, Зулфии, Туроба Тулы, Эркина Вахидова, Рамза Бабаджана, Р. Мусурмана, С. Саййида и других стала широко известной и

любимой среди таджикских любителей поэзии. Тем более что поэзия узбекских художников слова, их поэтическое восприятие мира неотделимо от нашей земли: «...Но именно отсюда я родом был, я родом есть и буду», - писал поэт С. Сайид. Те же чувства и мысли мы находим в творениях многих таджикских поэтов. Например, у Лоика:

«Добра для человека не жалеи,
Мы - люди, и живем мы для людей.
И в поле долу клонится пшеница,
Тем ниже, чем колосья тяжелей» [57, с.34].

По мнению литературоведов, главный мотив, побудивший Гулрухсор, Саидали Маъмура и Кутби Кирома перевести поэзию Гафура Гуляма, Зулфии и Эркина Вахидова на таджикский язык, заключался в том, что эти выдающиеся узбекские поэты искренне воспевали дружбу таджикского и узбекского народов, питали любовь к таджикско-персидской литературе. Многие современные поэты вдохновлялись поэзией Саади, Фирдоуси, Хайяма, Хафиза и Джамии, что отражается в их творчестве и существенно обогатило узбекскую литературу. Так, к примеру, Гафур Гулям наряду с Навои и Фузули - своими наставниками и вдохновителями его поэзии, называет Хафиза, Саади и Бедиля и в своем стихотворении пишет:

«Дустии неки Чомию Навои бахри мо
Хаст рамзи дустии безаволи халкхо.
Асрхои аср монад хасафию хамдами,
Байни ин ду халк н-афтад тафрики хато каме...» [32, с.5]

Среди замечательных произведений известных узбекских авторов, переведенных на таджикский язык, важно отметить подборки целого ряда современных узбекских поэтов (Матназар Абдулхакимов, Хосият Рустамова, Минхаджиддин Мирзо, Рустам Мирвахид и др.), с которыми таджикские читатели познакомились благодаря сборнику «Чашмаи хурушон» [86], изданного в 1981 году, в который вошли стихотворения таких известных

узбекских поэтов, как Уйгун, Аскад Мухтор, Туроб Тула, Рамз Бободжон, Мирмухсин, Шукрулло, Уткур Рашид, Пулод Мумин, Джуманиёз Джабборов, Душан Файзи, Эркин Вохидов и многие другие.

Нельзя не отметить и звучание таджикского художественного слова в этом сборнике, которое благодаря эквивалентным переводам представляет таджикскому читателю на таджикском языке вышеназванных известных поэтов Узбекистана с их глубокими вдохновенными стихами, в которых отражены лучшие традиции классического узбекского стиха и сплав современной узбекской поэзии с шедеврами мировой литературы.

Немаловажным обстоятельством является то, что в переводческой работе таджикский язык наряду с русским часто выступает как язык-посредник: очень важно, что таджикские поэты переводят своих узбекских собратьев по перу не на основе русских подстрочников, а напрямую - с оригинала. Поэтому многие переводы звучат таким образом, что они будто изначально были написаны на таджикском языке. Таким образом, можно утверждать, что этот опыт переводческой школы уникален в своем роде и может служить важным материалом в изучении процесса взаимовлияния и взаимообогащения таджикской и узбекской литератур, способствовать активному переводческому обмену художественными текстами между узбекскими и таджикскими поэтами и писателями.

Чтобы не быть голословными приведем несколько стихотворений узбекских авторов, переведенных на таджикский язык, которые по красоте своего звучания и восприятию художественно-стилистических особенностей индивидуального стиля не могут не восхищать тех, кто знает таджикский и узбекский языки. В этом разделе диссертации из-за ограниченного допустимого объёма мы ограничились приведением лишь самих переводов.

Вот, к примеру, стихотворение Нурмурода Нарзуллоева в переводе замечательного таджикского поэта Кутби Киромы, которое называется «Самарканд»:

«Макони офтобу нур борад,

Хазорон касри бас маъмур дорад.
Ба дунё як дили масрур дорад,
Зи чашми бад худояш дур дорад,
Самарканди чу канди бостонро...

Чу шоирхо дили пурчуш дорад,
Чу шахмардон лаби хомуш дорад.
Хазорон кучаи гулпуш дорад,
Зи атри сад чаман гулнуш дорад,
Зиёратгах бувад у ошиконро...» [87, с.14]

Еще один прекрасный перевод стихотворения Эркина Самандарова в переводе Рахмата Назри. Стихотворение называется «Модар буд интизор» («Мать все ждала»):

«Модар буд интизор,
Фарзанд барнагашт.
Омад хати сиёх,
Тир аз чигар гузашт.

Лаънат ба чанги шум!
Модар ба кахр хонд.
Бо навха ашки хеш,
Аз чашми тар фишонд...» [87, с.2].

Эти переложения при обратном переводе буквально превращаются в копии оригинала, и нет никакого сомнения в том, что они сохраняют содержание и формальные особенности стихов узбекских поэтов. На самом деле переводы стихотворений узбекских поэтов на таджикский язык и таджикских поэтов на узбекский язык могут служить эталоном эквивалентных переводов.

Стихотворения известного в Узбекистане поэта Мухаммада Али буквально завораживают своей доступной простотой и красотой слога –

качества, которые удалось передать в своем переводе таджикскому поэту и критику Аскару Хакиму.

Обратимся в качестве примера к лирическому стихотворению «Духтар имшаб тарона мехонад» («В эту ночь дева песню поёт»):

«Духтар имшаб тарона мехонад,
Нурборон самои ниликор.
Духтар имшаб тарона мехонад,
Бо само, бо ситорахо бедор.

Духтар имшаб тарона мехонад,
Газалаш мебарад ба гардунам.
Шер резад зи умки синай ман,
Шавад анчуму мох мафтунам...» [11, с. 2].

В переводоведении нередко встречается тезис о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов. С этим постулатом можно было бы согласиться только с некоторыми оговорками и пожеланиями. Однако при трактовке коммуникативно-функциональной эквивалентности утверждается, что, создавая текст на родном языке, переводчик строит его таким образом, чтобы получатель этого перевода воспринял его так же, как и получатель на языке оригинала. Иными словами, в идеале сам переводчик не должен привносить в текст сообщения элемент своего собственного восприятия, отличного от восприятия этого сообщения тем получателем, которому оно было адресовано. На примере вышеприведенных переводов таджикских поэтов можно утверждать, что все они чаще придерживались именно этого принципа.

Завершая этот небольшой раздел, в которой мы только наметили будущую большую работу в этом направлении, выполненную таджикскими

поэтами в период государственной независимости, важно отметить, что толерантное взаимодействие языков, культур и литератур разных национальностей способствует установлению социального мира и доброжелательного общения.

В Таджикистане это и фактор, определяющий соединение необычных культурологических пластов в искусстве и литературе, создание того, что литературоведы и культурологи все чаще называют «таджикским текстом». То есть гармоническое сочетание особенностей разных национальных культур, которые утверждают разнообразие, красоту и богатство человеческих отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате выполнения завершеного исследования, посвященного таджикско-узбекским литературным связям в период государственной

независимости, мы пришли к целому ряду выводов и умозаключений, основными из которых можно считать следующие:

- Развитие и совершенствование культуры, искусства, литературы, зодчества, изобразительного искусства и других областей духовной жизни человеческой цивилизации невозможно представить без новых понятий и ценностей таких, как взаимовлияния и взаимообогащения культур, диалога цивилизаций, обмена духовными и культурными достижениями.

- Таджикско-персидская классическая литература, занимавшая лидирующую позицию в общем литературном процессе Центральной Средней Азии и оказавшая благотворное влияние на многие литературы Европы и Запада, развивалась и совершенствовалась в постоянной взаимосвязи с литературами соседних народов, среди которых особое место занимает и узбекская литература. С точки зрения взаимоотношений с восточной классикой очень важную роль в истории таджикской литературы сыграли таджикско-узбекские литературные взаимосвязи. Начиная с первой половины XI-ого века до нынешних дней произведения классиков персидско-таджикской литературы и современных таджикских писателей были широко известны в узбекской среде и пользовались большой популярностью как среди простого народа, так и в кругу узбекских литераторов.

- Таджикско-узбекские литературные взаимосвязи, представляя собой уникальное явление, с точки зрения беспрецедентных культурных отношений персоязычных и тюркоязычных народов являют собой яркие страницы углубления национальных традиций, обычаев и верований.

- В таджикско-узбекских литературных связях огромную роль сыграло укрепившееся в классической литературе обеих народов двуязычие, позволяющее глубже проникать в узбекоязычную среду.

Таким образом, персидско-таджикская литература, в отличие от многих тюркоязычных литератур (турецкой, казахской, туркменской и киргизской), будучи очень близкой по духу к узбекской, органично вписывается в канву

узбекской духовной культуры и перестает восприниматься в ней как «иностранная» или «чужая».

- Отсюда вполне закономерно, что проблемы взаимовлияния и взаимообогащения персидско-таджикской и узбекской литератур представляют собой интересное явление в истории их культурных отношений. Однако, невзирая на то, что изучение источников формирования персидско-таджикской литературы и исследование ее литературных и культурных связей с узбекским народом являются одной из важнейших проблем истории литературы и в целом получили глубокий анализ в работах таких ученых литературоведов, как Вахид Абдулло, Зариф Раджабов, Бурхон Валиходжаев, Аслиддин Камарзода, Атахон Сайфуллаев, Эргаш Шодиев, Абдусалом Самадов, Матлуба Ходжаева, Юсуфджон Салимов и др., приходится все же констатировать, что все еще некоторые направления этой работы в период государственной независимости ещё не получили своего должного решения.

- Ухудшение политической атмосферы в Таджикистане по причине гражданской войны, особенно после того, как были закрыты границы между двумя братскими республиками, оказали негативное влияние на социальные и культурные связи Таджикистана и Узбекистана.

В результате распада СССР в начале 90-х годов XX-го столетия возникли новые независимые государства. В результате на некоторое время процесс литературных связей в республиках, в том числе в Таджикистане и Узбекистане, был значительно ослаблен. Однако, сегодня благодаря мудрой политике глав этих государств и твердой воле таджикского и узбекского народов эти отношения постепенно начали восстанавливаться.

- Очень показательным, что в пропаганде узбекской классической и современной литературы, а также достижений современной таджикской литературы, активную деятельность после обретения государственной независимости в Таджикистане и Узбекистане, благодаря политике

Президентов двух стран Эмомали Рахмона и Шавката Мирзияева, проявили таджикские ученые и писатели, проживающие в Узбекистане.

Примером этого плодотворного процесса могут служить опубликованные в Ташкенте в промежутке между 2004-2018 годами переводы «Духовного маснави» - «Маснави маънави» Дж Руми (переводчик Джамол Камол), газели Хафиза Ширази, Саади Ширази (переводчик Олимджан Буриев), дастан Абдурахмана Джами «Юсуф и Зулейха» (переводчик Аскар Махкам), «Гулистан» Саади (переводчик Гафур Гулям), «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси (переводчики Шоислам Шомухаммедов и Олиджон Буриев, «Рубаи» Хайяма на четырех языках (переводчики Шоислом Шомухаммедов и Аслиддин Камарзода), «Хамса» - «Пятерица» Низами Ганджави (переводчик Олимджон Буриев) и также ряд сборников стихотворений современных таджикских поэтов на узбекском языке, которые были предметом нашего анализа.

- В последние годы узбекскими и таджикскими поэтами создано большое количество взаимных переводов поэзии, и в связи с этим перед учеными этих стран возникла проблема изучения состояния художественного перевода и его роли в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях, и можно утверждать, что данное завершённое исследование является первым шагом в исследовании этого вопроса в рассматриваемый период.

- Среди замечательных произведений известных узбекских авторов, переведенных на таджикский язык важно отметить подборки стихов целого ряда современных узбекских поэтов (Матназар Абдулхакимов, Хосият Рустамова, Минхаджиддин Мирзо, Рустам Мирвахид и др.), с которыми таджикские читатели познакомились благодаря сборнику «Чашмаи хурушон», изданного в 1981 году, в который вошли стихотворения таких известных узбекских поэтов, как Уйгун, Аскад Мухтор, Туроб Тула, Рамз Бободжон, Мирмухсин, Шукрулло, Уткур Рашид, Пулод Мумин, Джуманиёз Джабборов, Душан Файзи, Эркин Вохидов и многие другие.

- Из сравнительного анализа переводов таджикской поэзии на узбекский язык можно прийти к интересному выводу о том, что в процессе создания новой формы поэтического текста на языке перевода успеха достигали именно те поэты-переводчики, которые проявляли в большей степени художественные способности, писательский талант. Так, работа над произведениями Мирзо Турсунзаде требовала от переводчиков творчески-интуитивной работы со словом, что они и показали в переводе стихотворения “Поэту” – “Шоиро”. Узбекский перевод данного стихотворения в двух случаях (в переводе Джуры Тилака и Гоиба Хасанбоя) оказался в несколько более выигрышном положении, так как читая тексты их переводов можно встретить довольно большое количество персидских и таджикских слов.

- Узбекская литература на протяжении многих веков находилась в тесной взаимосвязи с персидско-таджикской литературой и, конечно же, воспринимая её достижения, испытывая влияние различных литературных течений и школ, стилей и направлений, традиций этой литературы, получала мощный толчок для дальнейшего развития. Эта общность и принадлежность двух литератур к одному эстетическому типу создают благоприятные условия для переводчиков и способствуют достаточно высокому уровню перевода, в чем мы смогли убедиться, сравнивая стихотворения выдающихся таджикских поэтов с их узбекскими переводами.

Согласно материалов, опубликованных в узбекской периодической печати, начиная с 1960 по 1980 годы разными переводчиками было переведено более 100 произведений таджикских прозаиков и поэтов. Если взглянуть более внимательно, то можно убедиться в том, что некоторые стихи таджикских поэтов, печатались по несколько раз и иногда в нескольких вариантах.

Например, поэма “Дорогая моя” - “Чони ширин” Мирзо Турсунзаде, «Золотой Кишлак» - «Қишлоқи тиллоӣ», “Голоса Сталинграда” – «Суруши Сталинград» М. Каноата за последние 10 лет были изданы более 5 раз в

разных переводах. Многие переводы выполнены напрямую, через оригинал, без подстрочника.

- Касаясь перевода таджикской поэзии на узбекский язык в период независимости, считаем важным подчеркнуть, что пристальное внимание узбекских поэтов-переводчиков к таджикской литературе не было случайным. Одним из важных факторов было то, что узбекские поэты с обретением государственной независимости сумели углубить представление о национальном характере и истории, которые, по их мнению, восходят не только и не столько к древней тюркской культуре, но к культурному синтезу с арабо-персидской мусульманской цивилизацией. Многих узбекских поэтов утрата этого главного синтезирующего компонента, по сути, привела к феномену утраты узбекским обществом самоидентификации.

Неслучайно внимание узбекских поэтов-переводчиков в большей степени было приковано к таким таджикским поэтам как Лоик Шерали, Бозор Собир, Мумин Каноат, Гулрухсор и др., в творчестве которых были ярко выражены высокое чувство национальной гордости, патриотизма, уважения своей древней истории, народность и общечеловеческие ценности.

В процессе анализа переводов этих поэтов на узбекский язык было выявлено, что:

- во-первых, произведения таджикских поэтов чаще стали переводиться непосредственно с оригинала, без языка посредника или подстрочников;

- во-вторых, переложением произведений таджикских поэтов на узбекский язык, наряду с профессиональными переводчиками, также занимались талантливые поэты и писатели.

Помимо этого, к переводу таджикской поэзии на узбекский язык активно подключились молодые поэты, одаренные своим новым мировосприятием, что сказалось на новом прочтении уже переведённых, ранее произведений классической и современной таджикской поэзии. В связи со сказанным, уместно упомянуть сборник стихов таджикских поэтов, под

названием «Тӯғли диёр кӯшиқларӣ» - («Песни земли») в переводе О. Джуманова и Дж. Тошматова, в который вошли произведения таких таджикских писателей, как Абдумалик Бахори, Урун Кухзод, Мехмон Бахти, Кароматулло Мирзоев, Ато Хамдам, Джонибек Акобиров и др.

Творческое восприятие достижений таджикской литературы, перевод которой осуществлялся на узбекский язык, заметно сказался на развитии узбекской литературы, в частности современной поэзии (Эркин Вахидов, Абдулло Орипов, Рамз Бободжон и др.), в которой можно обнаружить элементы этого благотворного влияния. Сосредоточив свое внимание на стремлении узбекских переводчиков сохранить элементы поэтики таджикской поэзии, мы пришли к выводу, что лирические герои таджикских поэтов, с углубленным философским мышлением, большим зарядом национальной гордости и общечеловеческой направленностью оказали положительное влияние на умственное и духовное развитие интеллигентных людей Узбекистана и служили для них ориентиром.

Таким образом, в разговоре о таджикско-узбекских межлитературных связях в период независимости необходимо отметить, что главным вкладом таджикской поэзии в узбекскую литературу явилась не абстрактная любовь к человеку, а некое чувство, вызывающее солидарность с ним, которое «уходит корнями в глубину культуры наших двух народов».

На примере переводческой деятельности ряда узбекских и таджикских поэтов-переводчиков, проживающих в Узбекистане можно утверждать, что это именно тот случай, когда перевод функционирует не как ремесло, а как высокое искусство, является примером восприятия художественных ценностей в процессе диалога культур и цивилизаций.

Узбекские переводы произведений современных таджикских поэтов в период независимости необходимо воспринимать как важный период развития узбекского художественного перевода и один из путей укрепления научных, литературных и культурных связей с другими культурами. Переводческая деятельность, включающая переводы классиков персидско-

таджикской поэзии и произведений современных поэтов, подготовила благоприятную основу для знакомства с этим народом и восприятия его эстетического и духовного богатства.

Список использованной литературы.

1. Азимов Ш. Ҳофиз Шерозий ва у'збек адабиети. - Тех'рон-Тошкент, 2004; Бедил ва у'збек ма'навияти: Халк'аро илмий анжуман материаллари. - Тех'рон-Тошкент, 2005. 213 с.
2. Айни С. Алишер Навоий ва тожик адабиети//Садриддин Айний. Танланган илмий асарлар. – Т.: Фан, 1978. 178 с.
3. Али Бободжон. «Абади якдилем» (Вечно едины). - 2000.- 103 с.
4. Алтайбаева Д.Ю. Мир перевода. - Лотос-Астана, 2008 – 127 с.
5. Аминов Ф. Интеграция - благородный характер и уникальная традиция / Ф. Аминов Ф. // К вершинам знания. - № 6 (1432). – от 17.03.2018. - С.16.
6. Аминов Файзалӣ. Ҳамгириои ҳамсозӣ хислати сарфароз ва русуми мумтоз аст/ Файзалӣ Аминов// Ба қул्लाҳои дониш. -№ 6 (1432).17.03.2018. – С. 16.
7. Аминов Ф. Любовь переполнена друзьями /Ф. Аминов, С. Сафарӣ// К вершинам знания. - №7 (1454). – от 30. 04.2019. – С. 4.
8. Аминов Ф., Сафарӣ С. Муҳаббати саршор аз маҳфилсароии дӯстон./ Сафарӣ С., Аминов Файзалӣ. // Ба қул्लाҳои дониш. -№ 7 (1454).30.04. 2019. – С. 4.
9. Английская поэзия в русском переводе (14-19 века). – М.: Прогресс, 1981. – 684с.
10. Аскар Хаким. Дом любви и процветания / Хаким Аскар // Таджикистан. - №10. – от 07.03. 2018 г. - С. 5.
11. Аскар Хаким. Хонаи ишқу ободи./ Тоҷикистон, №10, 7.03. 2018. С.5.
12. Бақозода Қ. Равобити адабии халқҳои тоҷику узбек. - Дар китоби: Қустуҷӯҳои эҷодӣ дар насри тоҷик , Душанбе : Ирфон , 1982. – 256с.

13. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1975. –239с.
14. Беляева Л.Н. Теория и практика перевода. Учеб.пособие. – СПб.: Книжный Дом, 2007.--211с.
15. Бертельс Е. Э. Литература на персидском языке в Средней Азии// Избранные труды. История литературы и культуры Ирана.- М.: Наука, 1988. –514с.
16. Бертельс Е. Э. Наваи и Джами. Аттар и Наваи // Избранные труды. Суфизм и суфийская литература, М.: Наука , 1965.-- 524с.
17. Бертельс Е. Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 556с.
18. Бехер И. В защиту поэзии. - М.: Изд-во иностр.лит., 1959. – 84 с.
19. Брагинский И. С. Взаимодействие советских литератур народов Средней Азии (на примере таджикской и узбекской литератур). В кн.: "Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур "- Москва, 1961 – 289 с.
20. Брагинский И. С. Литература на персидском языке в Средней Азии //Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. - М.: Наука, 1988. – 524с.
21. Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. – М.: Наука, 1974.—493с.
22. Бугулов Е. и др. Статистические критерии оценки качества перевода. - Киев, 1990. – 29с.
23. Вайнрайх У. Языковые контакты. - Киев, 1999. – 263с.
24. Вахидов Р. Узбекская и таджикская поэзия во второй половине XV и начале XVI вв. - Ташкент, 1983.- 276с. (На узб. яз.)
25. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: МО, 1980. – 416с.

26. Вопросы теории и практики перевода. - Самарканд, 1984. – 78с.
27. Воҳидов С. Равобити адабии халқҳои тоҷикӣ дар асри XV (дар асоси "Ҳамсатул мутаҳайирини Навоӣ") - Душанбе: Дониш, 1974. – 298с.
28. Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского госуниверситета, 1970. – 284с.
29. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. Писатель, 1972. – 262с.
30. Гафуров Б.Г. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, бостонӣ ва асрҳои миёна./ Б.Г. Гафуров. - Душанбе, 1998. - Китоби 1. – 689 саҳ.
31. Глубокие корни (О культурных связях народов Таджикистана и Узбекистана) // Коммунист Таджикистана. - 22.09.1962.
32. Гулом Гафур. Асарлар, 10 толик, - Тошкент: Гафур Гулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти. III том, 1970. 146с.
33. Давронов А. Мушкилоти пайвандҳои адабӣ. //Малъумӣ ва мақолаҳо. – Душанбе, 1999. Саҳ. 89-98
34. Давронов А. Горизонти литературных связей. – Душанбе: Маориф, 2000. – 198 с.
35. Давронов А. Тарҷумаи бадеӣ ва таффақури миллий. Дар кит.: Масъалаҳои филологияи тоҷик. // Маҷмӯаи мақолаҳо. Барориши 1. – Душанбе, 2002. – саҳ. С. 144-166
36. Давронов А. Адабиёт ва воқеият. – Душанбе, 2003. – 253 с.
37. Давронов А. Пайванди замонҳо ва қисмати адабиёт. – Душанбе: Маориф, 1994. - 80 с.
38. Дехоти А. Полное собрание сочинений. В 5 т. Т. 3.- Душанбе: Ирфон, 1965. 284 с.

39. Жирмунский В.М. Литературные течения как явления международное. - Белград-Ленинград, 1967. 251 с.
40. Зуллisonайн шоирлар. Узбек адабиети тарихи масалалари. - Т.: Фан, 1976. - Саҳ. 101-114.
41. Икромии Дж. Узбекским друзьям//Песни дружбы. - Ташкент, 1968. – С. 48.
42. Икромов Одил. Сборник стихотворений «Избранное», 2020. – 98 с.
43. Имомозода М., Раҳмонзода А., Зайниддинов М. Суруди Ваҳдат. - Душанбе. – Эр-граф, 2018. - 100 с.
44. Имомзода М., Раҳмонзода А., Зайниддинов М., Песнь Единства/ Имомзода М., Раҳмонзода А., Зайниддинов М. - Душанбе: Эр-граф, 2018. – 100 с.
45. Камарзода Аслиддин. Перевод сборника Лоика Шерали. “Хайём жоми: рубоийлар” – “Чаша Хаййяма: рубаи (2022). 197 с.
46. Комисаров В.Н. Современное переводоведение. - М.: Высшая школа, 1988. – 407с.
47. Комиссаров В.Н. Теория перевода. - М.: Высшая школа, 1990.—348с.
48. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения). – М. Международные отношения, 1981. – 323с.
49. Латышев Л.К. Технология перевода. Учеб. пособие для студентов вузов. 3 -е изд., стер. –М.: Академия, 2007. – 316с.
50. Локтионова В.Г. Азы художественного перевода. Переводческий анализ. Учеб.пособие. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010 – 323с.
51. Лохути А. Торжественное открытие Большого Гиссарского Канала. – 1990. Избранные произведения. Душанбе, 1989. – стр. 76

52. Лоик Ш. Моление о дожде. Стихи. Душанбе. Адиб, 1989. - 199 с.
53. Лойиқ Шерали. Онагинам. Шеърлар. Тошкент: «Noshirlik yug dusi» нашриёти, 2019. - 128 с.
54. Лоик Шерали. Хайём жомӣ: рубоийлар / А. Қамарзода таржимон;- Тошкент: “Муҳаррир” нашриёти, 2022. - 147 с.
55. Лоик Шералӣ. Куллиёт. Иборат аз ду чилд. Чилди 1. Ашъор. – Душанбе: Адиб, 2008. -- 787 с.
56. Лоик Шерали. Струны дождя (стихи) Перевод с таджикского Якова Козловского. - М.: Советский писатель, 1979. – 59 с.
57. Лойиқ Шерали. Ширу шакар//Дусти мо, бародари мо: Рузҳои адабиёт ва санъати Тоҷикистон дор Узбекистон. - Тошкент: Нашриети Адабиети бадӣ ва санъати ба номи Гофур Гулом, 1981. 148 с.
58. Масуми Н. Таджикская литература в XVIII веке и первой половине XX в. - Душанбе, 1962. - С. 44-86. – (На тадж.яз.)
59. Мирвалиев С., Р. Шокирова Р. Узбекские писатели - Ташкент, Издательство литературы и искусства им. Гафура Гулома, 2016. – 270с.
60. Мирзиёев Ш. М. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном Дню учителей и наставников / Ш.М. Мирзиёев. – Ташкент: Узбекистан, 2020. 14с.
61. Мирзоев А. Фонӣ ва Хофиз.- Душанбе, 1966. 95с.
62. Михайлов М.М. Двухязычие и вопросы сопоставительной лингвистики. - Чебоксары, 1994. – 84с.
63. Муртазоев Б. Ҷомӣ ва Навоӣ. Робитаҳои адабӣ ва муколамаи фарҳангҳо / Б. Муртазоев // Маводҳои Конфронси

байналмилалии илмӣ-амалӣ, қисми-1. 19 апрели 2019. Донишгоҳи давлатии Термиз. - 2019. - 360 с.

64. Муртазоев Б. Жомий ва Навоий//Межлитературные связи и взаимопроникновение культур // Материалы Международной научно-практической конференции. Ч.1. (19 апреля, 2019 года. Термезский государственный университет). - 2019. - 360 с.

65. Мухаммад Алем Лабиб. Мирза Ниязи Балхи и его роль в развитии персидско-таджикской и узбекской литературы XIX века Афганистана: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03. 2018. 156с.

66. Мухиддинов М. Комил инсон адабиет идеали. - Тошкент: Ма'навият, 2005. 78 с.

67. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод. - 2-е изд. /З.А. Муллоджанова. – Душанбе, 2014. - 191 с.

68. Мусулмонкулов Рахим. Требование времени и литературные связи. – Душанбе, 1973. -- 98с.

69. Мэтьюз Арнольд. Поэзия и проза. - Harvard University Press, 1970.

70. Навоий Алишер. Мажолис-ун нафоис. – Тошкент: Фан, 1961. – 90 с.

71. Насрулло Камол. Шеър чист ва шоир кист? Андар шинохти шеър. («Что есть поэзия и кто есть поэт?») - Душанбе: Адиб, 2020. – 156с.

72. Национальные литературы во взаимосвязях, взаимодействии, взаимообогащении (Методические рекомендации) – Ташкент, 1991. 124с.

73. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). – М.: Флинта, 2006. – 412с.

74. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М., 1976. -- 357с.

75. Неупокоева И.Г. О понятии общего типологического ряда // Контекст – 1974 – М.: Наука, 1975 – С.168-186.
76. Обидов Ф.С. Таджики и узбеки полны любви / Ф.С. Обидов // К вершинам познания. - № 7 (1433). 31.03.2018. - С. 10.
77. Обидов Ф.С. Аз меҳр саршоранд Тоҷику ўзбек. /Ф.С.Обидов // Ба қуллаҳои дониш. - № 7 (1433).31.03. 2018. – С. 10.
78. Одинаев Н.С. Робитаи адабӣ: таҷрибаи амалии эҷодӣ ва пажӯҳиши илмӣ. Душанбе. “Ирфон”, 2004, 192с.
79. Орзибеков Р. К вопросу традиций двуязычия в узбекской лирической поэзии. //Вопросы жанра в узбекской и таджикской литературе. -Самарканд, 1982. - 234с.
80. Особые межлитературные общности – 5 – Т.: Фан, 1993. 211 с.
81. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – 335с.
82. Перевод как средство взаимного приспособления народов. Москва: Прогресс, 1987. – 640с.
83. Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М.: Просвещение, 1998. –272с.
84. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд. Кулагиной; Интрада, 2008. – 358с.
85. Расулова З.Х. Литературно-культурные связи между Узбекистаном и Таджикистаном / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. - Душанбе, 2020. - №2. - С. 274-280.
86. Рахмонзода А. Литературно-культурные связи таджикских и узбекских народов/ А. Рахмонзода. – Душанбе: Свободный Восток, 2018. - 40 с.

87. Раҳмонзода Абдучаббор. Равобити адабию фарҳангии халқҳои тоҷик ва ўзбек. – Душанбе. Шарқи озод, 2018. - 40 с.
88. Ремизов Б.Г. История и теория литературы. – Л., 1986. 244 с.
89. Ризоев Ш. Джадидская драма: Период, источник и особенности формирования. – Ташкент: Восток, 1977. – 132 с.
90. «Садои Шарк». – 1968. - № 4. - С. 76-87.
91. Сайфуллоев, А. Проблемы взаимодействия литератур \ А. Сайфуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1976. — 138 с.
92. Сайфуллоев Атахон. Мирзо Турсунзода: Очерки хаёти ва эҷодиёти шоир. - Душанбе: Ирфон, 1963. – 484 с.
93. Сайфуллоев А. Олицетворение дружбы таджикского и узбекского народов). //Хамза Хакимзода Ниёзи. Сб. произведений. - Душанбе: Ирфон, 1980. - 224с.
94. Сайфуллоев А. Юбилей дружбы и праздник культуры. – Душанбе, ж. «Памир» 1968, № 6. с.10.
95. Салимов Ш. Великолепные плоды дерева дружбы. Обозреватель УзА. / Салимов Ш. [электронный ресурс]. <http://uza.uz/posts/44166>
96. Саломов Ф., Комилов Н. Ду'стлик ку'приклари .- Т.: Ф.Фулом номидаги Адабиёт ва сан'ат нашриёти, 1979. 169 с.
97. Самадов Абдусалом. Истиклол ва маърифати адабиёт. - Нашриёти «Turonzamin ziyo», 2015. - 300 с.
98. Самадов Абдусалом. Пайвандҳои дӯстӣ ва адабӣ. Равобити адабии халқҳои тоҷик ва ўзбек дар оинаи таърих. Тошкент. Нашриёти “Муҳаррир”. - 2012. - 199 с.
99. Самадов А. Узбек-тоҷик адабиёти: узаро алоқалар, узаро тасир. - Тошкент: Узбекистон, 1990. - 243 с.
100. Самиев Х.Д. Направления и перспективы дипломатических отношений между Таджикистаном и Узбекистаном

/ Х.Д. Самиев // К вершинам знания. - № 6 (1432). 17.03. 2018. - С. 6-7.

101. Самиев Х.Д. Самтҳо ва пешомадҳои робитаҳои дипломатии Тоҷикистону Узбекистон. // Ба қуллаҳои дониш. -№ 6 (1432).17.03. 2018. - С. 6-7.

102. Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (Многофакторность в действии) /А. Сатторзода. - Душанбе, 2014. - 228с.

103. Сатторзода А. Проблемаҳои актуалии сиёсати хориҷии Тоҷикистон (Бисёрвекторӣ дар амал). - Душанбе, 2014.

104. Сатторзода А. Современная таджикская дипломатия / А. Сатторзода. - Душанбе, 2006. - 224с.

105. Сатторзода А. Дипломатияи муосири тоҷик. - Душанбе, 2006. - 224с.

106. Сафарова С.Д. Проблемы патриотизма, мира и единства в поэзии Мирзо Турсунзаде / С.Д. Сафарова // Книга «Общество и мысли» (сборник статей). - Душанбе: ООО «Табу Нашр», 2016. - С. 59-63.

107. Сафарова С.Д. Философия дружбы и восхваления добрососедских отношений между таджиками и узбеками. «Межлитературные связи и взаимопроникновение культур» / С.Д. Сафарова // Материалы Международной научно-практической конференции, часть-1. (19 апреля, 2019 года. Термезский государственный университет). - 2019. - 360 с.

108. Сафарова С.Д. Масъалаҳои Ватандӯстӣ ва сулҳу ваҳдат дар ашъори Мирзо Турсунзода. / С.Д. Сафарова. Китоби «Ҷомеа ва афкор» (мачмӯи мақолаҳо), НДММ Табӯ нашр. – Душанбе, 2016. - С. 59-63.

109. Сафарова С.Д. Фалсафаи дӯстӣ ва тараннуми ҳамзистии тоҷикону ўзбекон. Робитаҳои адабӣ ва муколамаи

фарҳангҳо / С.Д. Сафарова // Маводҳои Конфронси байналмилалӣ илмӣ ва амалӣ, қисми-1. 19 апрели 2019. Донишгоҳи давлатии Термиз. -2019. -360 стр.

110. Саъдии Шерозӣ. Гулистон. Ба чоп тайёркунанда, муаллифи муқаддима ва мурағибони луғат Саҳобиддин Сиддиқов. Душанбе: Дониш, 1988. - 216с.

111. Сиддиқии Аҷзи Стихотворения. Душанбе, 1997. - 98с.

112. Собир Бозор “Аз гули хор” то “Симхор”, “Интрансдорнаука”. - М., 2003. - 256 с.

113. Собир Бозор. Кӯзгу олдиди. Шеърлар. – Душанбе, 2016. - 40 саҳ.

114. Сравнительное и сопоставительное литературоведение. Хрестоматия. - Казань, 2001. - 389с.

115. Сравнительно-историческое литературоведение энциклопедический словарь. - М., 1987. - 434с.

116. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. - М., 1964 - 312 с.

117. Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. - М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. - 375с.

118. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М., 2000. - 254с.

119. Турдиев Шерали. Жизнедарующие влияния. Ташкент, 1977. - С.92. (На узб.яз.).

120. Турсунзаде Мирзо. Жизнь народа - источник вдохновения. «Правда»,1987, 27 февраля, № 56 (17740).

121. Турсунзаде Мирзо. Осори мунтахаб. Иборат аз ду чилд. (Мурағибон: Ф.М. Турсунзода, Х.Отахонова, Ю.И. Бобоев) Душанбе: Ирфон, 1981. Ҷ. 1. Шеърҳо. 191. - 330 с.

122. Турсунзаде Мирзо. Избранные стихотворения. В двух томах. Том первый. Стихотворения и поэмы. - М.: Художественная литература, 1985. - 431 с.
123. Турсунзаде Мирзо. Друзья в жизни Хамзы. – Гулистан, 1969, №10, с. 9.
124. Турсунзода Мирзо. Улмас имя. - «Правда востока». – 1960. - №10. - С. 6.
125. Угланова И.А. Об «эффекте частоты» в типологических исследованиях и теории языковых универсалий [Электронный ресурс].- Пермь, 2009 - Вып. 7 - Т. 1.
126. Улугзода Сотим. Утро нашей жизни. - Душанбе, 1987. - 320с.
127. Ульмасова З. Х. Двужычие как важнейшая форма таджикско- узбекских литературных взаимосвязей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. - Худжанд, 1998. 148 с.
128. Умарбек Фариддуни. Турсунзода шиносномаи миллати тоҷик./ Умарбек Фариддун. // Ба қуллаҳои дониш. -№ 8 (1290).6.05.2011. - С. 7-15.
129. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Изд.:5-е. - СПб.- М., 2004. - 303с.
130. Халимов С. XIX асрнинг иккинчи ярми ва XX асрнинг бошларида у'збек ва тоҷик адабий алоқ'алари.- Самарк'анд: СамДу нашри, 1978. 188 с.
131. Хамза Хақимзода Ниёзи. Сборник произведений. (Состав.: А. Сайфуллоев и А. Маниёзов). - Душанбе: Ирфон, 1980. - 336с.
132. Хафиз Ширази. Избранные произведения. М.: 2001. - 178с.
133. Хамид Гулям. Одной дорогой. - «Правда Востока», 22 мая 1968г.

134. Хамид Гулом. Варзоб бурлит. - «Правда Узбекистана», 25 апреля 1989
135. Хамид Олимджон «Родина». Ташкент. Изд. Гафура Гуляма. 1989. - 163.
136. Хасанов Б.Х. Художественно-литературное двуязычие. Алма-Ата: Рауан, 1990. - 191с.
137. Холов Хол Раджабович. История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки. - Душанбе: РТСУ, 2022. - 292 с.
138. Чашмаи Хурушон. (Баёзи назми муосири узбек). Душанбе, 1981. Ирфон: 271 с.
139. Чустии. Пора цветения. - Ташкент. Издательство имени Гафур Гулома, 1969. - 126с.
140. Шаяхметова А.К. Двуязычие в обществе и детское двуязычие// КазНУ Хабаршысы. Серия филологическая. - 2002. - №2. - с. 6-10.
141. Швейцер А.Д. Теория перевода (современное состояние, проблемы, аспекты). М., 1988. - 216с.
142. Шерали Мастон «Меҳр» (Любовь), 1994. 177с.
143. Шодиев Э. Узбек-тожик адабий алокалари тарихидан.-Т.:Ф.Фулом номидаги Адабиёт ва санат нашриети, 1973. - 225с.
144. Шодиев Э. Узбекско-таджикские литературные связи. - Душанбе, 1973. - На узб. яз. 168 с.
145. Шодикулов Ҳ. Ду тарчумаи як асар. //Садои шарқ, 1968, № 4.саҳ. 58-64
146. Шодикулов Ҳ. Лоҳутӣ ва робитаҳои адабӣ. // Дар кит. Абулқосим Лоҳутӣ. Очерки ҳаёт ва эҷодиёт. Душанбе: Адиб, 1987. 247с.

147. Шодикулов Ҳ. Таронасарои ватан. Охирсухан ба мунтахаботи дучилдаи Ҳ. Юсуфӣ «Сатрҳои нотамои. ҷ.2. Душанбе: Адиб, 1987. - 256 с.
148. Шодикулов Ҳ. Давронов А. Пайвандҳои адабии халқи тоҷик. Душанбе: Деваштич. 2003. - 124 с.
149. Шодикулов Ҳ. Тадқиқоти пураарзиш. //Адабиёт ва санъат, 7.04.2005. 216с.
150. Шодикулов Ҳ. Эҳсоси поки якдилӣ ва хамхуни, рӯзномаи «Тоҷикистони Советӣ» 15 сентябри 1972.
151. Шомухамедов Ш. Умар Хайём ва Фафур Фулом. //Гуманизм - абадийлик ялови. Т.:Ф. Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриети, 1970. 180с.
152. Шукуров М. Пайванди замони ва халқҳо. Душанбе. Ирфон, 1982. - 223 с.
153. Шукуров М. Олим ва тарҷумон. - // Маориф ва Маданият, 24.06.1967. 236с.